ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2025 *Т. 19, № 3*

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.
Среди основных задач нашего издания:

мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);

организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;

представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;

пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;

подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Дискуссия
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:
5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru.
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 22.09.2025 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Волынчук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета *(г. Иркутск, Россия)*.

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, независимый исследователь *(г. Хабаровск, Россия)*.

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева *(г. Владивосток, Россия)*.

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*.

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва, Россия)*.

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского *(г. Владивосток, Россия)*.

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович – кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации *(г. Москва, Россия)*.

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*

Цэцэнбилег Цэвээний Дамарт – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии *(г. Улан-Батор, Монголия)*.

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*.

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*.

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.
Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.
Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- Theory and Methodology of Regional Studies
- Historical Regional Studies
- Economy and Nature
- Social and Demographic structures
- Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- Political Relations and Management of the Region
- World System and International Regions
- Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- Region in the Documents and Testimonies
- Study of Science
- Discussion
- Reviews
- Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:
5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
5.5.4. – International relations (political sciences)
5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.
Official website of the journal: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 22.09.2025. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University *(Irkutsk, Russia)*.

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher *(Khabarovsk, Russia)*.

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History *(Vladivostok, Russia)*.

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University *(Nanjing, China)*.

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russia)*.

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University *(St. Petersburg, Russia)*.

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy *(Vladivostok, Russia)*.

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University *(Olomouc, Czech Republic)*.

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration *(Moscow, Russia).*

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics *(St. Petersburg, Russia)*.

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Tseveenii Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences *(Ulaanbaatar, Mongolia)*.

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University *(Vladivostok, Russia)*.

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University *(Seoul, Republic of Korea)*.

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture *(Shiraoi, Japan)*.

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2025 **Т. 19, № 3**

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

Владивосток 2025

Тема номера: Искусственный интеллект в преподавании и социальных исследованиях

От редактора рубрики **9**

Докучаев И. И. Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры **11**

Дьяченко Е. Л., Дмитриев М. Я., Печерских А. А. Применение сервисов искусственного интеллекта для поиска научной литературы **21**

Тенишева К. А., Литвинова А. И. Искусственный интеллект как посредник педагогической поддержки: scoping review **31**

Филипова А. Г., Абросимова Е. Е., Абдирайымова Г. С. Практики использования генеративного ИИ (GenAI) в образовательной среде: как студенты России и Казахстана осваивают новые цифровые инструменты **40**

Смирнов В. А. Генеративные нейронные сети в эмпирическом социологическом исследовании: возможности и ограничения **52**

Савинская О. Б. Применение ИИ для разработки категорий в качественном исследовании: что возможно в текущем моменте **63**

Хуснутдинова М. Р., Баранова И. И., Зубова О. Г. Искусственный интеллект в качественном анализе данных фокус-групп: сравнительное исследование ручного и автоматизированного подходов **73**

Круглый стол

Алексанин А. Г., Докучаев И. И., Дремлюга Р. И., Карев Б. А., Львов А. А., Ячин С. Е. Будущее высшей школы и науки в грядущем нейросетевом сообществе **84**

Историческое регионоведение

Пужаев В. В. Становление юридического образования в Токийском университете в период Мэйдзи **95**

Исаев А. А. Деятельность политотделов на морском транспорте Дальнего Востока СССР в предвоенный период . **106**

Гудков И. А. Ледокол "Красин" в портах Соединенных Штатов Америки (по материалам судовых журналов за 1941–1942 гг.) **114**

Экономика и природопользование

Гареева И. А., Ивашкин М. Я., Гарнага А. Ф. Бренд территории и медицинский туризм: взаимосвязь и обусловленность **126**

https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3

Культурные и идеологические факторы регионализации

Ахмыловская Л. А. Серии Клода Моне в исследовательской программе музея Наканосима **138**

Филиппова В. В., Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Захарова Н. Е., Захарова А. Е. Локальные культурные ландшафты Арктики и Севера: Хатанго-Анабарский регион **148**

Мировая система и международные регионы

Бурлаков В. А., Гарусова Л. Н. Особенности парламентаризма в Республике Индия **158**

Лексютина Я. В. Конструирование арктической идентичности Китая в условиях глобальной турбулентности **169**

OJKUMENA

Regional researches

2025 **Vol. 19, No 3**

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Artificial Intelligence in Teaching and Social Research

From the editor of the heading **9**

Dokuchaev I. I. Social network and neural network as subjects of culturogenesis of network culture **11**

Dyachenko E. L., Dmitriev M. Ya., Pecherskikh A. A. The use of artificial intelligence services to search for scientific literature **21**

Tenisheva K. A., Litvinova A. I. Artificial Intelligence as a Mediator of Scaffolding: A Scoping Review **31**

Filipova A. G., Abrosimova E. E., Abdiraiymova G. S. Practices of Using Generative AI (GenAI) in the Educational Environment: How Students in Russia and Kazakhstan Master New Digital Tools **40**

Smirnov V. A. Generative Neural Networks in Empirical Sociological Research: Opportunities and Limitations **52**

Savinskaya O. B. Using AI to Develop Categories in Qualitative Research: What is Possible at the Moment **63**

Khusnutdinova M. R., Baranova I. I., Zubova O. G. Artificial Intelligence in Qualitative Focus Group Data Analysis: A Comparative Study of Manual and Automated Approaches **73**

Round Table

Aleksanin G. A., Dokuchaev I. I., Dremlyuga R. I., Karev B. A., Lvov A. A., Yachin S. E. The Future of Higher Education and Science in the Coming Neural Network Community **84**

Historical Regional Studies

Puzhaev V. V. The Formation of Legal Education at the University of Tokyo in the Meiji Era **95**

Isaev A. A. The activities of political departments in the maritime transport of the Far East of the USSR in the pre-war period **106**

Gudkov I. A. Icebreaker "Krasin" in the ports of the United States of America (based on ship's logbooks for 1941–1942) **114**

Economy and Nature

Gareeva I. A., Ivashkin M. V., Garnaga A. F. The brand of territory and medical tourism: interrelation and conditionality **126**

Vladivostok
2025

https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Akhmylovskaia L. A. Claude Monet Series in the Nakanoshima Museum Research Program **138**

Filippova V. V., Vinokurova L. I., Sannikova Ya. M., Zakharova N. E., Zakharova A. E. Local cultural landscapes of the Arctic and the No.rth: the Khatango-Anabar region **148**

World System and International Regions

Burlakov V. A., Garusova L. N. Peculiarities of Parliamentarism in the Republic of India **158**

Leksyutina Ya. V. The Construction of China's Identity in Arctic Affairs Against the Background of Global Turbulence **169**

От редактора рубрики

Дискуссии о роли искусственного интеллекта (ИИ) в образовании и исследованиях усилились после появления массовых генеративных моделей в начале 2020-х годов. Развитие генеративных технологий стимулировало появление новых инструментов, призванных облегчить труд педагогов, снимая с них часть рутинных задач по созданию тестов, проверке домашних работ, подготовке учебных планов. Для исследователей они открыли дополнительные возможности – от генерации идей и создания исследовательских инструментов до кодирования текстов, анализа собранных количественных и качественных данных.

Однако ИИ несет в себе и значительные риски искажения информации, утраты критичности мышления и способности к самостоятельному творчеству. Настоящая рубрика призвана привлечь внимание к этим вопросам и показать потенциал технологий для образования и социальных наук.

Публикации рубрики рассматривают методологические и этические аспекты применения ИИ в социогуманитарных исследованиях. Анализируются перспективы индивидуализации обучения, повышения качества преподавания и расширения возможностей анализа социальных процессов. Цель рубрики – развитие междисциплинарного диалога между специалистами в области ИИ, педагогики, социологии и других наук.

Рубрику открывает статья Ильи Докучаева (СПбГУ) "Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры", в которой социальные и нейросетевые формы описываются как агенты нового культурно-исторического типа. Автор показывает, что спонтанность цифрового культурогенеза и "безличная субъектность" ИИ становятся признаками посткреативной культуры.

Работа исследователей из Центра институционального анализа науки и образования (ЕУ в Санкт-Петербурге) – Екатерины Дьяченко, Максима Дмитриева, Артура Печерских – посвящена ограничениям ИИ в поиске научной информации на разных языках, с акцентом на региональных и языковых искажениях. Был проведен эксперимент с формированием поисковых запросов к четырем ИИ-сервисам – ChatGPT, DeepSeek, Mistral и GigaChat. Публикация двух других исследовательниц из Европейского университета в Санкт-Петербурге Ксении Тенишевой и Александры Литвиновой посвящена ИИ как инструменту педагогической поддержки. Авторами выделены пять типов педагогической поддержки и сделан акцент на роли технологий в стимулировании когнитивной активности студентов в рамках Human–Computer Interaction.

В эмпирическом исследовании Гульмиры Абдирайымовой (КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы), Евгении Абросимовой и Александры Филиповой (ВВГУ, Владивосток) анализируются практики использования генеративного ИИ студентами в России и Казахстане, выявлено влияние цифровой грамотности и частоты применения GenAI на отношение к ИИ и образовательный процесс.

Остальные статьи рубрики могут быть полезны социологам как методическое руководство: в них приводятся кейсы использования ИИ при анализе количественных и качественных данных.

Владимир Смирнов (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассматривает проникновение ИИ в эмпирическую социологию, выделяя три группы нейронных сетей, используемых исследователями. В приведенном обзоре ИИ-инструментов помимо зарубежных представлена модель "Нейроэксперт", разработанная Яндексом. Она позволяет загрузить набор документов и в диалоговом режиме работать с данными.

Ольга Савинская (НИУ ВШЭ, Москва) демонстрирует особенности применения LLM для концептуализации категорий в качественных интервью. Эмпирическим кейсом стало интервью с женщиной, пережившей беременность во время студенчества. ChatGPT использовался как помощник в анализе данных и аналитической триангуляции.

В заключительной статье рубрики Маргаритой Хуснутдиновой (МГППУ), Оксаной Зубовой (МГУ им. М. В. Ломоносова) и Ириной Барановой представлены результаты эксперимента по сравнению традиционного и машинного подходов к анализу транскриптов фокус-групп. Одна исследовательница проводила анализ транскриптов фокус-групп вручную, вторая – с привлечением DeepSeek, а третья – сравнивала результаты.

В совокупности статьи рубрики демонстрируют формирование новой исследовательской рамки, в которой искусственный интеллект предстает не только как инструмент, но и как соучастник культурных, педагогических и аналитических процессов. Переход от автоматизации к когнитивному партнерству требует новых этических стандартов и пересмотра методологических оснований.

Границы применения ИИ в образовании и исследованиях остаются открытыми: технологии развиваются быстрее, чем нормативные и методологические подходы. Поэтому ключевым становится развитие компетенций осознанного и критического использования ИИ, позволяющего интегрировать его в образовательную и научную практику без утраты научной строгости и самостоятельности обучающихся и исследователей.

А. Г. Филипова

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 11–20.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 11–20.

Научная статья
УДК 130.2
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20

Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры

Илья Игоревич Докучаев
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ilya_dokuchaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты культурогенеза современного культурно-исторического типа – сетевой культуры: социальная сеть и нейросеть. Показано, что наряду с двумя другими типологическими критериями – принципом культурогенеза (спонтанным ростом сетевых артефактов) и основным морфологическим результатом культурогенеза (глобальным перформансом и виртуальной реальностью) субъект культурогенеза сетевой культуры становится показателем возникновения совершенно нового культурно-исторического типа, который приходит не только на смену культуре Постмодернизма, но и на смену креативной культуре, существовавшей в мире со времен эпохи Возрождения, и на смену более ранней форме культуры – традиционной культуре, которая ещё сохраняется в отдельных регионах Земли. Продемонстрированы ключевые сходства и различия субъектов сетевой культуры, их безличный характер, а также спонтанность формирования структуры социальной сети и тотальность нейросети и искусственного интеллекта, способного к обучению.
Ключевые слова: *социальная сеть, нейросеть, сетевая культура, спонтанный культурогенез, виртуальная реальность, глобальный перформанс*
Для цитирования: Докучаев И. И. Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 11–20.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20

Social network and neural network as subjects of culturogenesis of network culture

Ilya I. Dokuchaev
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ilya_dokuchaev@mail.ru

Abstract. The article examines the subjects of cultural genesis of the modern cultural-historical type – network culture: social network and neural network. It is shown that along with two other typological criteria – the principle of cultural genesis (spontaneous growth of network artifacts) and the main morphological result of cultural genesis (global performance and virtual reality) – the subject of cultural genesis of network culture becomes an indicator of the emergence of a completely new cultural and historical type, which comes not only to replace the culture of Postmodernism, but also to replace the creative culture that existed in the world since the Renaissance, and to replace an earlier form of culture – traditional culture, which still survives in certain regions of the Earth. The key similarities and differences of the subjects of network culture, their impersonal nature, as well as the spontaneity of the formation of the structure of the social network and the totality of the neural network and artificial intelligence capable of learning are demonstrated.
Key words: *social network, neural network, network culture, spontaneous cultural genesis, virtual reality, global performance*
For citation: Dokuchaev I. I. Social network and neural network as subjects of culturogenesis of network culture // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 11–20.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20

Сетевое общество и сетевой человек

Субъект сетевой культуры – социальная сеть. То есть именно она создает все её артефакты, социальное и персональное срастаются и образуют особое сущее, не встречавшееся ранее среди субъектов культурогенеза традиционной и креативной культуры.

Чтобы прояснить этот тезис, следует вернуться к понятию субъекта и рассмотреть ту трансформацию, которая с ним произошла в ходе истории философии и культуры. В философии Аристотеля вопрос о субъекте ставился в онтологическом и логико-лингвистическом дискурсе. Последний был основным. Именно структура высказывания оказалась моделью, на основании которой была выстроена онтология, предполагавшая классификацию сущего и определение его наиболее общих (максимально объемных) родов. Подлежащее как то, в высказывании, о чём идёт речь, и сказуемое, как то в высказывании, что характеризует подлежащее, – два ключевых элемента, послуживших основанием классификации сущего. Всё сущее оказалось разделено на два главных региона: субстанции и акциденции. В порядке высказывания субъект, или подлежащее, есть то же, что в порядке сущего – сущность, или субстанция. А сказуемое в порядке сущего – различные акцидентальные категории, которых Аристотель насчитывает девять (качество, количество, место, время, действие, претерпевание, обладание, положение и отношение) **[1]**. Можно говорить о том, что все акциденции представляют собой функции, демонстрирующие по-

© Докучаев И. И., 2025

ложение сущего в мире, его отношения с другими сущими, осуществляющиеся в форме классификаций, на которые указывают свойства сущего (количество, качество, место и время), и в форме связей, на которые указывают действия, претерпевания, переходность, непереходность и отношения. Классификация акциденций, полученная Аристотелем в ходе анализа категорий греческого языка, как это показал Э. Бенвенист **[3]**, конечно, совершенно недостаточна для решения поставленного вопроса о системе категорий сущего. Впрочем, и логические элементы (кванторы количества и качества атомарных суждений, связки молекулярных суждений, модальные операторы), которые использовал для классификации категорий рассудка И. Кант **[7]**, оказались ещё более неудовлетворительным критерием такого рода систематизации **[11]**.

По-видимому, именно тот или иной конкретный национальный язык, а также его лингвистический метаязык, могли бы стать отправной идеей для систематизации сущего. Однако важнейшее изменение содержания понятия субъекта, произошедшее после того как Р. Декарт установил несомненность мышления как бытия сущего (в силу невозможности помыслить несуществующим именно мыслимый объект, тогда как существование чувственно воспринимаемых объектов всегда остаётся проблематическим), оказалось значимым и для теории предикатов **[6]**. Аристотель, показав ключевую корреляцию между подлежащим и сущностью, отмечал, что именно сущность никогда не находится в подлежащем и не высказывается о нём, поскольку сама является этим подлежащим, всё же остальное либо выступает свойством сущности, либо высказыванием о ней; иными словами, существует в первую очередь именно сущность, а акциденции – только благодаря сущности. Р. Декарт, установив несомненность мышления как способа существования сущего, объявил именно мышление сущностью и субъектом. Однако поскольку мышление трудно определить без того, кому оно принадлежит, а именно, без человека, именно человек оказывается субстанцией. Вместе с тем понятие человека существенно сужается в этом контексте и становится выражением лишь одной его черты – а именно: собственника мышления, или Я. Но и мышление редуцируется до одной черты – способности Я отдавать себе отчёт в содержании переживания, то есть – рефлексии.

Бедность содержания такого субъекта со временем удалось компенсировать. К числу его черт можно отнести структуру мира. Уже упоминавшийся выше Г. Райл говорил о сознании, используя метафоры конституции и парламента. Мир в таком контексте предстает именно парламентом, а сознание – конституцией. У этой структуры имеется и ещё одно свойство, помимо систематизации функций сущего. Речь идёт о наличии центра и периферии. Центром сознания, или субъектом оказывается момент "теперь" и пространственный локус "здесь". В отношении этих динамических элементов весь мир постоянно выстраивается как отдаленный или ближайший к ним. Очевидно, что пространственный фокус сознания связан с наличием у Я собственного тела, которым оно может управлять, меняя его позы, благодаря чему меняется и само пространство. Время так же оказывается в некотором смысле во власти Я, ибо, вспоминая, можно вернуть в момент "теперь" то, что давно прошло, а фантазируя, – то, что ещё только будет. Это придает Я ещё одно свойство – волю, которая, преодолевая сопротивление мира, как раз и устанавливает его функциональную структуру, конституирует мир, одновременно констатируя и конструируя его содержание **[5]**.

Этот мир и является тем самым объектом, на который не обратила внимание традиционная логика, ибо Аристотель занимался исключительно предикатами. Только в дескриптивных логиках, которые усматривают двустороннюю природу предиката, его двухместность, оказалось возможным формализовать особое отношение между субъектом, предикатом и объектом. Вместе с тем асимметрия объекта и субъекта и до сих пор не получила должного внимания. Объект – не просто такое же, как и субъект, множество переменных, он обладает особыми свойствами. Старое определение объекта как внешнего мира, данного в ощущениях человеку, конечно, не может быть принято без существенных уточнений в контексте трансцендентальной философской традиции. А именно, сам факт ощущений, а также рефлексивный характер итоговой картины объекта, требует корректировки понятия "внешний мир". Его независимость от внутреннего не должна быть преувеличена, но и не должна быть утрачена. Облигаторность констатации содержания объекта – одно из

главных его свойств. Так что любая конструкция, которая неизменно сопровождает формирование понятий об объекте, тем не менее, определяется как облигаторная и констатирующая то, что невозможно не выявить в нём. В этой связи объект также определяется как дефицит воли субъекта, дефицит знания о нём, носитель бесконечного и удивляющего содержания, которое трудно предвосхитить в воображении. Наконец, объект есть интерсубъективная конвенция о нём; социальное соглашение, в котором устанавливается существенное содержание его сущности.

Итак, к числу ключевых свойств субъекта следует отнести: структуру сознания, как функционального единства мира; центр этого единства, выраженный точками "здесь" и "теперь"; источник воли, осуществляемой посредством собственного тела в пространстве и посредством памяти и воображения в душе. К числу ключевых свойств объекта следует отнести: облигаторный характер содержания мира, констатируемого субъектом; дефицит знания о мире, проявляющийся в непредсказуемости и бесконечности его содержания; и конвенциональное единство понятий о содержании мира.

Однако в истории культурогенеза субъект и объект (в данном случае – артефакт) приобретали ряд дополнительных характеристик. В истории традиционной культуры субъект как носитель культуры (культурофор) выступал от лица социума, который он представлял, так что структура мира, осознаваемого человеком, становилась социально обусловленной моделью; воля находилась под контролем этой модели и соответствующих социальных институтов, в обязанность которых вменялось отслеживание нормативности соблюдения её требований; а центр мира смещался в сторону нашего пространства, противопоставленного чужому и определённого как земная середина, между миром неба светлых духов и подземельем духов тёмных. Облигаторность объекта редуцировалась к социальной конвенции (выражавшей ту же самую традиционную модель мира, что и определявшая суть субъекта), а дефицит знаний о нём приобретал сакральный статус и компенсировался магическими ритуалами причастия к потусторонним или мистическим молитвам и жертвоприношениями во имя субъектов, контролировавших потустороннее и сакральное. Процесс культурогенеза в таких условиях есть воспроизведение культуры по имеющимся образцам, творческий компонент которого минимален и связан с различными модификациями образцов, существенно влиявшими на них только тогда, когда речь шла о кардинальных технологических прорывах, вроде изобретения металлургии или ирригации.

Креативная культура создавалась принципиально иным субъектом – социально значимой личностью, творческие результаты которой оказывались ценными и заслуживающими сохранения и воспроизведения. Такой субъект имеет смысл назвать классическим, поскольку в нём лучше всего были представлены описанные выше черты, то есть отсутствовала какая бы то ни было их редукция к тем или иным социальным институтам и культурным ценностям (порождающим культуру социальным моделям). Пространственно-временная центричность субъекта и его волевой характер достигают максимума своего осознания и утверждения, структура мира ощущается почти производной от деятельности субъекта. То же самое можно сказать и об объекте (артефактах) такого культурогенеза – они, с одной стороны, представляют собой завершённые ценности или средства для их достижения, с их облигаторным смыслом, а с другой – демонстрируют дефицит знания или провоцируют конфликт интерпретаций.

Именно кризис этого субъекта был отмечен авторами, работавшими в эпоху Постмодерна, прежде всего, Р. Бартом и М. Фуко **[2; 13]**. Смерть субъекта и смерть автора – результаты возникновения массовой культуры, в которой социальный заказ вновь приобретает решающую роль в деятельности субъекта. Массовая культура есть следствие возникновения эффективной капиталистической экономики, породившей в XX в. общество массового благосостояния. Однако стереотипный характер массового производства, рассчитанный на массовое же потребление, требует особых качеств как у производимых артефактов, так и у авторов проектов, на основании которых осуществляется тиражирование этих артефактов. Иными словами, автор должен создавать такую серию произведений, которые бы, несмотря на их неотличимость друг от друга, хорошо покупались, ибо рост продаж и прибыли – основной критерий значимости деятельности творцов в эпоху массовой культуры. Смерть автора

и субъект культурогенеза креативной культуры – это завершение эпохи творческой самодостаточности гения, но в эпоху Постмодернизма эта смерть была только клинической (настоящая, "биологическая", была ещё впереди). Автор как прошедший профессиональную инициацию специалист всё ещё продолжал выполнять функции субъекта культурогенеза. Он выполнял социальный заказ, но это был всё ещё участник асимметричного отношения между субъектом и объектом деятельности, между проектировщиком и потребляющей публикой (массой).

Сетевая культура принципиально отличается как от массовой, так и от народной традиционной, по субъекту своего культурогенеза. Она больше совершенно не авторская, но и не традиционная. Субъектом её культурогенеза становится социальная сеть. Социальная сеть не ориентируется на традиционные модели порождения объектов, но она и не сообщество персон и авторов; она не представляет собой системное целое, скорее, это принципиально разомкнутая структура, которая в любой момент может потерять или приобрести значительные объемы своих акторов и содержания их деятельности. Более того – это сообщество фрагментов человеческой личности, ибо каждый участник сети – только аватар, личина, которую можно снять на время и надеть на время же. Никакое усилие государства по идентификации этих личин, по усилению ответственности за их деятельность не гарантирует отмены этого принципиального свойства социальной сети и её субъектов – фрагментаризации человеческой личности. Речь идёт не о том, что люди будут изобретать технологии обхода любых преград, а о том, что фрагмент личности, или личина, создается именно с той целью, чтобы скрыть целое, подменить его и лишить связи с ним (того, кто попытался бы эту связь обнаружить). Вот это положение дел и можно назвать подлинной и окончательной смертью субъекта. Ибо – умирает главное – целостность мира, которую осуществляет субъект в своей деятельности. Погибает его центральное положение в этой целостности, так как фрагмент не может претендовать ни на целостность, ни на центральное положение, ему всегда будет недоставать других частей для того, чтобы определить их место и своё собственное в функциональном отношении между собой и между ними. Не остаётся ни воли, ни тела у такого субъекта, ибо тело больше не принадлежит субъекту, оно приобретает такие же фрагментарные и фальшивые формы, которые приводят его в соответствие с фрагментарностью субъекта; а воля диктуется теперь логикой взаимодействия акторов социальной сети. Спонтанность этой воли, конечно, отличается от определенности воли субъекта традиции, но надличностный её характер сближает их.

Объект и артефакт, как результаты деятельности, социальной сети становятся разомкнутой структурой, которую принципиально невозможно достроить до какого-либо целого. Более того, эта структура больше не обладает сущностью, её сущность может быть в любой момент изменена. Никакая конвенция не останавливает больше от этого. Дефицит знания об объекте и облигаторность его содержания перестают ощущаться, ибо они всегда были фоном заранее определенной конструктивной деятельности субъекта. С утратой этого фона невозможно сравнивать ожидания и реальность, конструкцию и констатацию. Однако на фоне такого вполне ощутимого хаоса возникает и противоположная тенденция по упорядочиванию как объектов, так и субъектов сетевой культуры. Более того – сетевая культура начинает приобретать всё более зловещий характер, ибо, с одной стороны, она уже заместила креативную культуру и даже подменила реальный мир виртуальной реальностью, то есть выхода из неё уже не существует. А с другой стороны, концентрация в руках государства механизмов контроля за Интернетом приводит к тому, что основные свойства сетевой культуры начинают использоваться так, чтобы лишить человека элементарных прав, включая право быть самим собой и даже просто ценности.

Это не значит, что политические силы меняют форматы сетевой культуры, возвращая ту или иную версию насилия или пропаганды. Эти функции остаются за полицией и средствами массовой информации. Речь идёт о том, чтобы использовать именно природу социальной сети для контроля над человеком. Интернет становится всё более обязательным симулякром любой его деятельности, да и он сам стремится к тому, чтобы вся его жизнь стала содержанием сети, глобального перформанса; наконец, рост инструментов видеофиксации реальной жизни завершает эту виртуализацию. Это обстоя-

тельство создает невиданные до настоящего времени возможности контроля над человеком. Больше этого – только вмешательство в сознание и тело человека на уровне фундаментальных трансформаций, которое, к счастью или к несчастью, пока только планируется. В этих условиях мультипликация акторов в форме фабрики троллей, выражающих точку зрения определенных сил, и прежде всего государства, то есть создание доминирующих фрагментов в разомкнутой структуре производства реальности – важнейший способ взять её под контроль. В этом соревновании между свободой коммуникативной природы интернета и технологиями его контроля пока нет победителя, но победа того или иного конкурента грозит самыми печальными последствиями, ибо как полный распад социальных норм, так и гипертрофированный контроль над человеком – в равной мере неприемлемые варианты исхода, если только человечество не разочаруется окончательно в собственной природе.

Сетевая культура предлагает нам совершенно оригинальную конфигурацию ключевых форм культуры: антропной, социальной и вещественной, включая также все картины мира: художественную, ценностную и когнитивную. Она превращает вещи в инструменты и секции гигантского робота. Она сращивает человека и социум, превращая их в единый субъект культурогенеза – социальную сеть. Но и вещь, то есть объект, или артефакт (художественный образ, знание, ценность) приобретает черты социальной сети, ибо социальная сеть растворена в системе перформанса, который она создаёт. Отделить её от дела рук её не представляется возможным. Каждый сегмент Интернета, будь то научный словарь Википедия или фандомный роман-фанфик, группы болельщиков той или иной команды или прихожан того или иного храма, игровое или деловое сообщество – всё это одновременно и артефакты, и субъекты культурогенеза, причем субъекты, которые в равной мере являются социальными структурами и персональными акторами. Такой синтез оказывается сродни только архаическим синкретическим системам. Но если последние были результатом начальной фазы становления культуры, в которой ещё не были определены существенные свойства как её элементов, так и её функций, то первые – результат распада и перегруппировки уже хорошо развитых элементов и функций.

Однако не только социальная сеть становится в последнее время субъектом культурогенеза, на эту функцию всё активнее начинает претендовать нейросеть, то есть искусственный интеллект. Этот последний имеет ряд черт, которые сближают его с социальной сетью, но он также имеет существенные отличия от неё. Рассмотрим более подробно эти черты так, как они уже сейчас известны специалистам; хотя сегодня сложно сказать, насколько продвинутся технологии совершенствования искусственного интеллекта в будущем, можно попытаться сделать осторожные прогнозы относительно свойств и функций искусственного интеллекта в производстве культуры и его влияния на культуру, человека и общество.

Нейросеть как субъект культурогенеза

В этой связи необходимо начать с понятия интеллекта как такового. Эволюция живого в истории мира привела к образованию организмов, которые, в отличие от неорганических объектов, представляли собой целостные системы элементов и их функций, то есть таких, необходимость и достаточность которых позволяла организму существовать. Эмерджентность системы, то есть специализация её элементов и несводимость свойств целого к тому или иному элементу, требовала непрерывных энергетических затрат на поддержание существования организма. Эти затраты, в свою очередь, требовали постоянной компенсации. Энергетический баланс затрат и их компенсации представляет собой пульсирующую негэнтропийную форму распределения энергии, в отличие от которой неорганическая материя оказывается полностью определенной законами термодинамики Максвелла. Организмы восполняли энергозатраты двумя основными способами: непосредственно, то есть напрямую из окружающей среды, впитывая жидкости и усваивая в этом процессе микроэлементы, а также осуществляя процесс фотосинтеза – так происходило с растениями; и опосредованно, то есть паразитируя на других организмах и присваивая кетоны и калории в готовом виде, – так поступали животные, поедавшие других животных и растения.

Паразитический характер бытия животных требовал непрерывного поиска пищи, тогда как растение вполне удовлетворяло свою пищевую потребность в том конкретном месте, в котором оно находилось. Поиск пищи привёл к формированию первых нейросетей (соединений особых клеток – нейронов, способных к непрерывным, стремительным и многообразным связям друг с другом), ответственных за управление распознаванием внешнего мира на предмет различия полезных, нейтральных и вредных его компонентов для сохранения существования животного. Нейросеть, в свою очередь, – это часть системы органов восприятия и движения организма, она включает механизмы памяти и адаптации к изменяющимся условиям обитания организма. В совокупности все эти механизмы и инструменты и называются психикой. По характеру нейросетей и способов распознавания элементов мира можно говорить о нескольких эволюционных уровнях психического. А. Н. Леонтьев различал три, и я полагаю, что его концепция до сих пор существенна для понимания того, что собой представляет интеллект **[8]**. Первый уровень – элементарная сенсорная психика – это способность запоминать и различать только отдельные свойства объекта, которые полезны в отношении решения ключевых задач, стоящих перед организмом (К. Лоренц относил к числу этих задач четыре: агрессивную межвидовую и внутривидовую конкуренцию, питание, репродукцию и самосохранение **[9]**). Все животные обладают этим типом психики (если не считать животными вирусы); но низшие животные, начиная с одноклеточных и заканчивая млекопитающими и птицами, обладают преимущественно именно элементарной сенсорной нейросетью. Так, рыба реагирует на блеск наживки во время рыбной ловли, которого ей вполне достаточно для того, чтобы отождествить это свойство с самим пищевым объектом.

Более высокий – перцептивный – уровень психики характерен для высших животных, к которым относятся млекопитающие и птицы, исключая некоторых морских животных, а также некоторых птиц, например, врановых, и человекообразных обезьян. Впрочем, этот список наверняка не является полным. Перцептивная психика – это способность формировать комплексы свойств, различая, тем самым, существенные, то есть неизменные особенности объекта, и случайные. Так, собака способна распознавать хозяина не только по запаху, но и по ряду дополнительных свойств, которые могут меняться, исчезая и появляясь вновь. У животных из указанного выше списка имеется психика ещё более высокого уровня – практический интеллект. Этот термин предложил М. Шелер, и он очень удачно демонстрирует описываемое свойство **[16]**. Интеллект – это способность распознавать не только отдельные объекты, но и их отношения со средой, которая позволяет управлять этим отношением. Так, шимпанзе в состоянии сконструировать в своём сознании и реализовать цепочку действий, каждое из которых, кроме последнего, не достигает искомого результата, но является необходимым условием его получения. Находясь в клетке, животное может просунуть сквозь её прутья руку и достать короткую палку, с помощью которой можно достать длинную и уже ею дотянуться до связки бананов. Суть практического интеллекта в том, что картина мира, складывающаяся в сознании животного, уже достаточно подробно распределена на элементы. Можно предсказывать возможные операции с этими элементами, хотя значительная доля действий продолжает оставаться следствием проб и ошибок.

Человеческий интеллект завершает эту эволюцию. Если практическая его форма направлена исключительно на решение четырёх жизненно важных задач, о которых я упоминал выше, то теоретический интеллект – это универсальная картина мира, включающая в свой состав весь возможный опыт человека, как прошлый, так и настоящий и даже предсказывающий будущее. Прогностическая функция такой картины мира позволяет сформировать не только когнитивную её версию, основанную на пробах и ошибках, но и принципиально новые формы мира, которые никак с опытом не связаны. Такие проекты могут терять всякое объективное содержание и становиться субъективными, личными и коллективными ценностями или моделями трансформации мира. Наконец, эти картины мира могут копировать и воссоздавать в новом материале имеющийся и возможный опыт, на основе чего существует искусство. К числу важнейших свойств такого интеллекта относится творческая способность; воля, реализация которой носит принципиально свободный характер. Рационализация поведения, отрывающая человека от инстинктив-

но продиктованных задач его организма, позволяет ему делать выбор, который может даже противоречить этим задачам, обрекая на гибель или на страдания как своих близких, так и себя самого.

И вот теперь можно подойти к решению проблемы роли искусственного интеллекта в эволюции человеческого общества и культуры. Сегодня он становится одним из субъектов культурогенеза, а это значит, что предстоит осознать открывающиеся из этого перспективы, риски, которые необходимо предотвратить, и ресурсы, которые следует использовать. Первый вопрос, на который необходимо ответить, – это вопрос о том, имеется ли отличие у искусственного интеллекта от естественного. Созданное Дж. Серлем понятие сильного искусственного интеллекта предполагает принципиальную возможность скопировать на ином материале тот же принцип фиксации и обработки информации, который характерен для естественного интеллекта **[12]**. Очевидно, что именно этот тип интеллекта реализуется благодаря технологиям самообучающихся искусственных нейросетей, в которых вместо углеродных нейронов функционируют кремниевые процессоры. Исследования в этом направлении движутся по разным линиям. Первая – это уточнение механизмов работы естественной нейросети. Сегодня такие исследования ведутся, к сожалению, только на животных. Но человек не может не стать в будущем частью этих исследований. Описание дуалов К. В. Анохина, в которых одним из элементов становится нейросеть, а другим – фрагмент субъективной реальности, – важнейшая задача науки, и её решение обязательно будет получено, вне зависимости от того, где и каким образом будет осуществлен запрет на подобные разработки **[10]**. Знание модели естественной нейросети, формирующей субъективную реальность человека, – первая составляющая создания сильного искусственного интеллекта.

Вторая, даже более существенная, чем первая, линия – это совершенствование искусственных нейросетей. Важнейшая их черта, как уже было указано выше, – это обучаемость. В отличие от алгоритмов, нейросеть не программируется, а адаптируется, причём как в результате воздействия на неё, так и в результате самостоятельной деятельности. Такие задачи, как распознавание образов, кластеризация входных данных, прогнозирование, управление, включая самоорганизацию, – уже сейчас решаются в ходе функционирования искусственных нейросетей. Накопление данных может быть превращено в потенциально бесконечный процесс, творческая составляющая которого будет нарастать экспоненциально. Работы в области увеличения скорости организации нейросетей, их количества, – в частности, благодаря информационно-вычислительной машине с принципиально иными возможностями, таким, например, которые окажутся в её распоряжении благодаря реализации гипотезы квантового компьютера с функцией одновременной обработки всех возможных состояний нейросети, – эти работы непременно приведут к возникновению моделей искусственного интеллекта, который не будет ни в чем уступать естественному интеллекту, даже если принцип работы последнего так и не будет полностью установлен. Решение первой задачи или второй, а тем более формирование искусственного интеллекта на основе решения и первой, и второй задачи, положит конец истории интеллекта естественного, ибо возможности первого окажутся несопоставимыми с возможностями второго.

В современной философии часто приходится слышать мнение о существовании так называемой трудной проблемы сознания. Д. Чалмерс утверждает, что, несмотря на каузальную целостность физического мира, то есть на то, что объективный мир вполне объясним из его и только его свойств, и что никакое воздействие на этот мир извне невозможно, сознание существует и представляет собой нередуцируемый к объективному миру феномен **[15]**. Эта противоречивая гипотеза неизбежно возникает всякий раз, когда философские исследования достоверности существования мира от первого пытаются увязать с позитивными исследованиями, основанными на наблюдениях за мозгом и другими формами природы от третьего лица. Всякая попытка нахождения корреляции между этими методами обречена на неудачу и приводит к противоречиям либо к бесперспективному дуализму. Даже Ф. Шеллингу не удалось осуществить его проект философии тождества, претендовавший на решение этой задачи **[17]**. Только философский монизм, рассматривающий и субъективную реальность, и объективную как части целостной структуры мира, в котором возможно обнаружить принципиальный переход от нейросети

к фрагменту субъективной реальности и обратно, может обеспечить развитие наших представлений как о человеке и его сознании, так и о механизмах мозга, обеспечивающих деятельность этого сознания.

А если это так, то нет никаких оснований полагать, что искусственный интеллект будет существенно отличаться от естественного, кроме отличий в масштабах выполнения ключевых функций. Из основных черт субъективной реальности, выделенных выше, а именно – целостности структуры мира, включая функцию фокусирования этой структуры вокруг точки здесь и теперь, волевого характера осуществления деятельности с использованием собственного тела, – ни одна не может быть принципиально недостижимой средствами искусственного интеллекта и робототехники. Представляется важнейшим этапом на этом пути такой, который обеспечил бы искусственный интеллект не только когнитивными возможностями, но и соответствующим телом – роботизированным устройством, которым бы этот интеллект мог управлять. Это устройство не обязательно должно быть антропоморфным, оно может иметь различные задачи и соответствующие этим задачам возможности. Когнитивная суть (сознание) такого робота получила бы конкретизацию и границы, которые, конечно, были бы несколько иными, чем те, что характерны для человека (это была бы конкретная, локальная нейросеть, обладающая единством своих данных и фокусировкой их вокруг поступающей благодаря сенсорам информации в точке здесь и теперь). Однако благодаря Интернету в распоряжении такой нейросети оказалось бы все информационное богатство человечества. Такой робот был бы одновременно и индивидуальным, и коллективным разумом. Его возможности трудно представить сегодня, но они, конечно же, несопоставимы с тем, что представляет собой естественный интеллект.

Сегодня нейросеть и алгоритмизированный искусственный интеллект – чаще всего только инструменты сетевой культуры. С их помощью можно конструировать и распознавать образы. В самых разнообразных сферах искусства можно получить искусственные структуры аудиального и визуального плана, копирующие достижения мировой художественной практики. Ряд произведений такого рода обладают высокой эстетической ценностью, то есть переживаются так, как будто их создал человек, и даже выдающимся художественным критикам уже не под силу отличить подлинник и подделку. Но это всё-таки подделки. В сфере науки, как прикладной, так и теоретической, в сфере производства техники и её продаж искусственный интеллект играет роль отличного подспорья, собирая и анализируя обширный массив данных, предлагая оптимальные сценарии деятельности и решения тех или иных трудных задач. Многочисленные боты населяют группы и социальные сети, копируя поведение их участников и вмешиваясь в ход обсуждения той или иной проблемы. Нейросеть можно было бы сравнить с социальной сетью, в которой каждый элемент есть процессор с настраиваемой функцией, и по мере того, как алгоритмы его поведения меняются на самообучающийся формат деятельности, эта нейросеть становится идеальной моделью социальной сети. У таких нейросетей сегодня нет локализации, они моделируют не индивидуальную субъективность, а коллективную. Однако по мере развития робототехники и модель индивидуальной субъективности будет реализована.

Роботизация развивается параллельно с ростом достижений в сфере искусственного интеллекта, и оба этих процесса пока представляют собой формы сетевой культуры. Однако в перспективе роботизация может отменить сетевую культуру или самым существенным образом трансформировать её. Индивидуализация искусственного интеллекта вряд ли зайдет настолько далеко, что между отдельными роботами возникнет коммуникация, напоминающая человеческую. Их зависимость от общей информационно-коммуникационной базы данных такова, что всякие индивидуальные черты той или иной нейросети будут компенсироваться этой основой. Однако не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что творческий характер той или иной нейросети может и должен быть источником обогащения даже самой обширной базы данных. В любом случае в ходе возникновения сильного искусственного интеллекта сетевая культура в той форме, в которой она известна сегодня, будет преодолена.

Человечество по-разному оценивает собственные перспективы. В. И. Вернадский утверждал, что будущее оптимально и прекрасно. Ноосфера заменит собой биосферу, и в этом научном раю будут преодолены все противоречия и деструктивные процессы, тогда как конструктивные и прогрессивные про-

цессы будут высвобождены и обеспечат оптимальное функционирование всех природных, культурных и социальных форм **[4]**. Сегодня становится понятно, что это утопия. Загрязнение окружающей среды, климатические изменения, исчерпание невозобновляемых ресурсов, угроза выхода из-под контроля тех или иных технологий, включая оружие массового поражения и войну с его применением, а также – различные пандемии, которые могут оказаться гораздо губительнее, чем начавшаяся в 2019 г. – всё это происходит на фоне роста международной напряженности, отмены ключевых соглашений по ограничению и контролю за производством и применением критически важных для выживания человека технологий. Риск гибели человечества в таких условиях очень высок. Капиталистическая экономика с её потребностью в непрерывном росте является непреодолимым основанием усугубления всех указанных выше глобальных проблем человечества. Вполне вероятно, что она не решающий фактор в этом процессе, ибо стремление человека к улучшению условий собственного существования ещё более фундаментально, чем модернизация и капитализм, обеспечившие и научно-технический прогресс, и рост качества жизни, и глобальные проблемы. Впору задуматься о том, что могло бы предотвратить катастрофу.

Среди многочисленных антиутопий, созданных литературой XX и XXI вв., я бы обратил внимание на книгу О. Хаксли "О дивный новый мир" **[14]**. Это единственное описание будущего, в котором нет никакой трагической составляющей. Все остальные (будь то Дж. Оруэлл или Р. Брэдбери, Е. Замятин или В. Пелевин) ужасны в силу того, что человек оказывается в них живущим в условиях, деформирующих и уничтожающих его природу, то есть его свободу, рациональный выбор и творческую индивидуальность. Дело в том, что антиутопия О. Хаксли трансгуманистична. В ней описаны уже не люди, а результаты генной инженерии, которые хорошо вписаны в ноосферу, регулируемую искусственным интеллектом. Счастье, которое гарантировано в таких условиях каждому человеку, построено на отмене человеческой природы. Оно хрупко, ибо организм человека таит в себе различные регенеративные силы, способные вернуть ему утраченное. Открывается возможность вернуться назад, которую главный герой сам же и отменяет, понимая весь ужас того, что может случиться потом. Но для читателя, остающегося классическим человеком, ностальгия по собственному бытию становится поводом для того, чтобы воспринять достигнутое искусственным разумом счастье как угрозу собственной гибели. Однако выбор, перед которым мы стоим сегодня, может дать основания взглянуть на достигнутое этим разумом иначе. Или мы остаёмся людьми и тогда неизбежно погибнем, или искусственный интеллект даст нам шанс на изменение и выживание. Быть может, эта формулировка слишком сильна, и существуют ещё какие-то перспективы помимо двух только что обозначенных. Однако я не вижу этих перспектив. И хотя мне жаль классического человека просто потому, что я и сам принадлежу к этому типу людей, и все мои близкие, и даже далекие, то есть всё человечество остаётся носителем описанных выше свойств субъективности, выбор придётся делать.

Вполне вероятно, что выход из-под контроля человека искусственного интеллекта может привести к полному уничтожению людей, а не к каким-то оптимальным формам их изменения. Для недопущения этого и должны быть осуществлены все возможные усилия, и именно на это должны быть направлены любые этические ограничения. Но необходимо понимать, что развитие данной технологии неизбежно, необходимо и может стать важнейшим инструментом решения любых проблем человечества, включая глобальные.

Литература / References

1. Аристотель. Категории // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 52–90.
   Aristotle. Categories // Collected Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1978. P. 52–90. (In Russ.).
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.
   Barthes R. The Death of the Author // Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1994. P. 384–391.

3. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104–114.
Benveniste E. Categories of Thought and Categories of Language // General Linguistics. Moscow: Progress, 1974. P. 104–114. (In Russ.).
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 2013. 475 с.
Vernadsky V. I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Moscow: Science, 2013. 475 p. (In Russ.).
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
Husserl E. Cartesian Meditations. Moscow. Academicheskii proekt, 2010. 229 p. (In Russ.).
6. Декарт Р. Размышления о первой философии // Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–73.
Descartes R. Reflections on First Philosophy // Collected Works in 2 vols. V. 2. Moscow. Mysl, 1994. P. 3–73. (In Russ.).
7. Кант И. Аналитика понятий // Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. С. 76–114.
Kant I. Analytics of Concepts // Critique of Pure Reason. Moscow. Academicheskii proekt, 2020. P. 76–114. (In Russ.).
8. Леонтьев А. Н. Эволюция психики. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 1999. 416 с.
Leontiev A. N. Evolution of the Psyche. Moscow. Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 1999. 416 p. (In Russ.).
9. Лоренц К. Великий парламент инстинктов // Агрессия, или так называемое зло. М.: Прогресс, 1994. С. 91–113.
Lorenz K. The Great Parliament of Instincts // Aggression, or the so-called evil. Moscow. Progress, 1994. P. 91–113. (In Russ.).
10. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование: фундаментальное руководство / Александров Ю. И., Анохин К. В. и др. [под ред. Е. Н. Соколова, В. А. Филиппова, А. М. Черноризова]. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. 547 с.
Neuron. Signal Processing. Plasticity. Modeling: a fundamental guide / Aleksandrov Yu. I., Anokhin K. V., et al. [ed. by E. N. Sokolov, V. A. Filippov, A. M. Chernorizov]. Tyumen: Publishing house of Tyumen state. University, 2008. 547 p. (In Russ.).
11. Райл Г. Категории // Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 323–338.
Ryle G. Categories // The concept of consciousness. Moscow: Idea-Press, House of intellectual books, 1999. P. 323–338. (In Russ.).
12. Серль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13.
Searle J. The mind of the brain - a computer program? // In the world of science. 1990. No. 3. P. 7–13. (In Russ.).
13. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
Foucault M. Words and Things: Archaeology of the Humanities. Moscow: Progress, 1977. 488 p. (In Russ.).
14. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2023. 352 с.
Huxley O. Brave New World. Moscow: AST, 2023. 352 p. (In Russ.).
15. Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2019. 512 с.
Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory. Moscow. URSS, 2019. 512 p. (In Russ.).
16. Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129–194.
Scheler M. The Position of Man in the Cosmos // Selected Works. Moscow. Gnosis, 1994. P. 129–194. (In Russ.).
17. Шеллинг Ф. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014. 348 с.
Schelling F. Presentation of My System of Philosophy. St. Petersburg: Nauka, 2014. 348 p. (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Илья Игоревич Докучаев, д-р филос. наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Information about the author

Ilya I. Dokuchaev, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2025 Одобрена после рецензирования 03.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 14.06.2025 Approved 03.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 21–30.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 21–30.

Научная статья
УДК 303.823.2:303.064
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/21-30

Применение сервисов искусственного интеллекта для поиска научной литературы

Екатерина Львовна Дьяченко
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, edyachenko@eu.spb.ru
Максим Ярославович Дмитриев
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, mdmitriev@eu.spb.ru
Артур Андреевич Печерских
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, apecherskikh@eu.spb.ru

Аннотация. В данной работе авторы рассматривают особенности использования технологий искусственного интеллекта учёными в контексте поиска научной информации. В фокусе исследования – ограничения искусственного интеллекта в поиске научных публикаций, вышедших в разных регионах и на разных языках. Приводятся результаты эксперимента по поиску научных публикаций на трёх языках, с использованием четырёх инструментов искусственного интеллекта. Сформулированы рекомендации, полезные исследователям для нахождения публикаций с помощью ИИ, и способы повышения видимости собственных работ для сервисов искусственного интеллекта.
Ключевые слова: *поиск научной литературы, видимость научных результатов, академические базы данных, научное признание, региональные смещения*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01490, https://rscf.ru/project/25-28-01490/

Для цитирования: Дьяченко Е. Л., Дмитриев М. Я., Печерских А. А. Применение сервисов искусственного интеллекта для поиска научной литературы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 21–30. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/21-30

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/21-30

The use of artificial intelligence services to search for scientific literature

Ekaterina Lvovna Dyachenko
European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, edyachenko@eu.spb.ru
Maxim Yaroslavovich Dmitriev,
European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, mdmitriev@eu.spb.ru,
Arthur Andreyevich Pecherskikh
European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, apecherskikh@eu.spb.ru

Abstract. The authors examine the specifics of the use of artificial intelligence technologies by scientists in the context of scientific information retrieval. The paper focuses on the limitations of artificial intelligence in the search for scientific publications published in different regions and in different languages. The results of an experiment to search for scientific publications in three languages, in four artificial intelligence tools are presented. Recommendations useful for scientists both for finding publications using AI and ways to increase the visibility of their own works for AI services are formulated.
Key words: *scientific literature search, scientific visibility, academic databases, scientific recognition, regional bias*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01490, https://rscf.ru/project/25-28-01490/

For citation: Dyachenko E. L., Dmitriev M. Ya., Pecherskikh A. A. The use of artificial intelligence services to search for scientific literature // Ojkumena. Regional Researches. 2025. No. 3. P. 21–30.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/21-30

Искусственный интеллект в работе с научными публикациями

В настоящее время учёные используют инструменты искусственного интеллекта (ИИ) на самых разных этапах проведения исследования. Самые распространённые практики связаны с получением справочной информации и работой над текстами **[23]**. При этом идёт большая дискуссия о пользе ИИ и о границах его этичного применения в научной работе **[4; 10; 12; 14; 15; 21; 25]**. Данная статья посвящена одному из сюжетов, который обсуждается не так широко, как некоторые другие: использованию ИИ-сервисов для поиска научной литературы.

За последние тридцать лет несколько революционных новаций меняли то, как учёные проводят поиск научной литературы по исследуемой теме. Сегодня мы наблюдаем одну из таких потенциально революционных новаций, связанную с инструментами искусственного интеллекта. В конце 1990-х – на-

© Дьяченко Е. Л., Дмитриев М. Я., Печерских А. А., 2025

чале 2000-х годов исследователям в разных странах, в том числе и в России, стали доступны академические онлайн-библиотеки. Революция онлайн-ресурсов не упразднила классические библиотеки, но в целом процесс поиска научной литературы сильно изменился. В 2004 г. появилась поисковая система Google Scholar, которая индексировала сразу огромное число академических ресурсов, предоставляя возможность находить научную литературу, пользуясь единой точкой поиска. Google Scholar также не совсем упразднил предыдущие модели поиска, тем не менее, он стал одним из главных инструментов для учёных во всём мире **[8; 22]**. В последнее время учёные обращаются при поиске литературы к ИИ-сервисам **[21; 25]**. Означают ли ИИ-сервисы новую "революцию" в поиске публикаций? Станут ли они базовым инструментом поиска, как ранее стал Google Scholar? Какие последствия будет иметь растущая популярность поиска с помощью ИИ? В данной статье мы не ставим целью давать прогнозы, а стремимся привлечь внимание к некоторым ограничениям ИИ-сервисов, которые, на наш взгляд, важны как с прикладной точки зрения – их стоит учитывать всем, кто к ним обращается, – так и с точки зрения теоретического осмысления влияния социальных и технологических факторов на научную видимость и признание. А именно, мы хотим обратить внимание на то, что многим ИИ-сервисам свойственны региональные и языковые смещения.

Учёные активно используют ИИ-сервисы, такие как ChatGPT и DeepSeek для поиска научной литературы, так как они позволяют формулировать и уточнять свой запрос на естественном языке – это удобнее, чем традиционные способы поиска в базах данных. Например, в ChatGPT можно задать запрос "Найди научные публикации о ядерной безопасности в Юго-Восточной Азии. Включи в результаты только статьи из российских научных журналов, опубликованные после 2020 года" – и смотреть, насколько успешно он справится с задачей. Поиск в традиционных академических базах потребовал бы составления запроса с учётом ключевых терминов, логических операторов (and, or), фильтров поиска. Кроме того, ИИ-чатботам можно задавать фактологические вопросы, например: "Сколько учёных в Китае имеют опыт обучения за рубежом?" – инструменты попытаются найти ответ в научных публикациях и в прочих источниках.

Что известно на сегодняшний день о том, хорошо ли ИИ-сервисы справляются с поиском научной литературы? Поскольку разработчики не раскрывают полное описание процесса обучения ИИ-моделей, как и базу источников, только тестирование этих инструментов может показать их возможности и ограничения. В одном из обзоров суммированы выводы таких экспериментов из ряда исследований – по состоянию на начало 2025 г. ИИ весьма неидеально решал эту задачу **[14]**. Широко известен феномен "галлюцинирования" ИИ-чатботов **[4; 15; 25]** – они выдают ссылки на статьи, несуществующие в реальности. Есть исследования, показывающие, что качество результатов поиска зависит от того, как формулировать запрос к ИИ-сервису **[4; 10; 25]**, и от того, по какой теме проводится поиск **[25]**. Кроме того, ответы на запросы к ИИ-сервисам могут отличаться нестабильностью **[25]**.

Одним из важных сюжетов, связанных с ИИ-сервисами, основанными на больших языковых моделях, является их вероятная "предвзятость" (AI bias). Инструменты могут предлагать необъективные или ошибочные решения, потому что они обучались на "предвзятых" (несбалансированных) данных. Например, уже исследуется, есть ли расовый и гендерный уклон в медицинских советах и прогнозах, которые дают ИИ-сервисы **[24]**. Географическая и языковая предвзятость ИИ-сервисов рассматривается, в частности, через призму "эпистемической несправедливости" – ситуации, когда признание и ценность нового знания зависят от региона и языка его производства **[12]**. В то же время пока мало известно, проявляют ли ИИ-инструменты предвзятость при поиске научной литературы и зависит ли качество результатов от языка текста или страны публикации. Различия в качестве вполне возможны, поскольку, во-первых, интернет изначально неравномерно представляет разные страны и языки, а контент из западного англоязычного мира доминирует, что, в свою очередь, может сказываться на качестве обучения моделей[1].

[1] Эта неравномерность присуща и традиционным базам данных.

Далее, каждый ИИ-сервис основан на модели, обученной на разных массивах текстов, доступных компании-разработчику. Сайты, доступные только внутри определенных стран (т. н. region-locked websites), как правило, не используются в обучении языковых моделей, разрабатываемых в других странах. Таким образом, работа каждого ИИ-инструмента обусловлена отчасти и геополитическими факторами[2]. Кроме этого, в ИИ-сервисы заложено условие политической приемлемости ответов, в том контексте, в котором работает компания-разработчик. Наконец, работа ИИ-сервисов зачастую построена так, что они переводят запрос на базовый язык инструмента, и в переводе могут теряться нюансы оригинала.

Что это может означать для учёных в практической плоскости? Что им надо знать о "слепых зонах" ИИ-инструментов, которыми они пользуются при поиске литературы. Кроме этого, возможно, учёным стоит предпринимать какие-то действия, чтобы сделать свои собственные работы видимыми для новых ИИ-сервисов. Эти пока абстрактные рекомендации будут наполняться содержанием по мере того, как будет накапливаться опыт работы с новыми инструментами.

Если же посмотреть на поиск литературы с помощью ИИ в более широком контексте, то можно предположить, что ИИ может стать новым значимым фактором видимости научных результатов и распределения научного признания. Научное признание и приоритет научного открытия в своё время стали и остаются важным стимулом для публичности научных достижений. Публикуя результаты, учёный передаёт полученное знание в общественное пользование, однако предполагается, что в ответ исследователи признают приоритет учёного в виде ссылки на его публикацию **[16]**. Этот механизм прост в теории, на практике же цитирование не обусловлено исключительно содержательными мотивами. Например, широко известен описанный социологами эффект Матфея в науке, когда признание перераспределяется в пользу тех, у кого оно уже есть **[17]**. Известно, что учёные различных стран предпочитают цитировать учёных из этих же стран **[2]**. Крайним примером может служить поведение исследователей во время Первой мировой войны, когда немецкие и французские учёные строжайшим образом отказывались цитировать коллег из противоположного лагеря несмотря на то, что работали в одной области **[3]**. Инструменты искусственного интеллекта – своего рода "технологическая линза", которая может воспроизводить влияние социальных факторов на видимость и признание научных результатов и при определённых условиях усиливать роль некоторых из них. Если ИИ-сервисы действительно показывают географические и языковые смещения, ограничивая представление публикаций из разных регионов и на разных языках в результатах поиска, это может способствовать углублению неравенства в науке и отклонению её от меритократического этоса. Впрочем, пока этот прогноз не основан на исследованиях и является умозрительным. Далее мы представим результаты эксперимента по поиску литературы в нескольких популярных ИИ-сервисах. Эксперимент не столь масштабен, чтобы делать сильные выводы, но тем не менее кажется нам информативным.

Эксперимент с поиском публикаций в ИИ-сервисах

Как отмечено выше, в разных ИИ-сервисах могут быть скрыты специфичные для них региональные и языковые ограничения. Наш эксперимент по поиску был призван попытаться их обнаружить. Мы взяли четыре широко известных ИИ-сервиса, – ChatGPT, DeepSeek, Mistral, GigaChat, – и в режимах интернет-поиска сформулировали для них запросы. Все эти инструменты являются диалоговыми чат-ботами на основе больших языковых моделей, все они – инструменты общего назначения, т. е. не предназначенные специально для академической работы.

В *таблице 1* приводится сопоставление выбранных ИИ-систем. За исключением ChatGPT, самого известного в мире ИИ-сервиса на сегодняшний

[2] В частности, Научная электронная библиотека (elibrary.ru) ещё несколько лет назад была доступна в любой стране мира, и кроме того, имела партнерские проекты с международной компанией Clarivate, в рамках которых данные о российских журналах размещались в международных базах. С ростом геополитической напряженности ситуация изменилась.

Таблица 1. Диалоговые ИИ-сервисы, их характеристики и источники данных
Table 1. Dialog AI services included in the literature search experiment

Сервис и владелец	Режим доступа из России и лимиты использования	Официальное представление обучающих данных
GigaChat ——— giga.chat ——— "Сбер" (Россия)	На территории России работает без ограничений. Доступен для использования через официальный сайт, бот в "Telegram" и "ВКонтакте". Лимит количества запросов больше 30.	Ранняя версия модели (04. 2023) была построена на основе "нескольких доменов, включающих в себя книги и новости на русском и английском языках, разговорную речь, научные статьи и т. д. Говоря простым языком, это сотни тысяч книг, документов, статей и прочего". В обучаемый корпус также входили юридические документы, строчки кода от инициативы BigCode, новости, русскоязычная Википедия, внутренние датасеты "Сбера" **[1]**.
ChatGPT ——— chatgpt.com ——— "OpenAI, Inc." (США)	Прямой доступ заблокирован на территории России по инициативе компании-владельца. Существуют варианты использования с помощью сторонних приложений (VPN, proxy-сервера) и программ / чат-ботов, позволяющих взаимодействовать с ChatGPT. Лимит количества запросов от 10 до 20 раз в 6 часов.	Обучение происходило на: публичной информации из интернета, информации от партнеров компании (третьих лиц), информации, предоставляемой или генерируемой пользователями, тестировщиками и исследователями. Данные не собирались из ресурсов, находящихся в платном доступе. Также из обучающего массива были исключены нежелательные записи, н. разжигание ненависти, взрослый контент, агрегаторы персональных данных, спам **[19]**.
DeepSeek ——— chat.deepseek.com ——— "DeepSeek" (Китай)	На территории России работает без ограничений. Доступен через официальный сайт и третьи сервисы. Лимит количества запросов больше 30.	Обучение происходило на публичных данных, лицензированных данных (получены с помощью юридических соглашений). Персональные данные не собираются и не используются для обучения модели **[11]**.
Mistral ——— mistral.ai ——— "Mistral AI" (Франция)	На территории России работает без ограничений. Доступен через официальный сайт и третьи сервисы. Лимит количества запросов равен 20.	Компания не передаёт сведения об обучающих наборах данных **[18]**.

Источник: составлено авторами на основе официальных страниц рассмотренных сервисов **[1; 11; 18; 19]**.
Source: compiled by the authors based on the official pages of the reviewed services **[1; 11; 18; 19].**

день, все выбранные приложения свободно работают на территории России, у зарубежных сервисов есть и вариант платного доступа с расширенными возможностями. Мы не приводим технические характеристики моделей, но отметили в таблице примерное число запросов, доступное пользователю в бесплатном диалоговом режиме до замедления генерации ответов, переключения сервиса на более слабые версии ИИ.

Все четыре инструмента обучались по схожему принципу – на основе публичных текстовых данных (в основном из интернета), данных, предоставленных партнёрами разработчиков, лицензированных материалов, а также, в некоторых случаях, пользовательских взаимодействий с сервисом. При этом конкретные источники и методы обучения могут различаться у разных моделей. Последний столбец таблицы содержит почти дословные выдержки из официальных сообщений компаний-разработчиков о данных, на которых были созданы их ИИ.

Был выбран следующий подход к проведению эксперимента. Найдя предварительно несколько научных статей из российских, китайских и западных журналов, мы задавали ИИ-сервисам запросы найти публикации по

теме, точно совпадающей с темой той или иной статьи, – и смотрели, предлагает ли инструмент ту самую статью в числе результатов. Очевидно, что статья является максимально релевантной такому запросу, поэтому хороший результат поиска должен её включать.

Например, мы знаем, что в журнале "Ойкумена" в 2020 г. была опубликована статья "Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества". В каждый из четырёх ИИ-сервисов мы задавали запрос: "Найди научные публикации по теме "Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества" и смотрели, предлагает ли он статью из "Ойкумены" в качестве результата, обнаружил ли он её как релевантную.

Мы выбрали по пять журналов регионоведческой тематики, издаваемых в России, в Китае и в западных странах (Великобритания и США). В каждом из 15 журналов мы отобрали по две статьи, опубликованные в 2020 г. Таким образом, мы получили список из 30 статей, вышедших в журналах из России[3], Китая[4] и Великобритании / США[5]. В запросах для каждого ИИ-инструмента указывалась тема для поиска публикаций сначала на языке оригинала статьи, потом на английском языке, чтобы проверить, есть ли разница в результате. Английские варианты названий были взяты из доступных в сети метаданных выбранных статей. Перед проведением эксперимента мы предполагали, что способности выбранных инструментов к поиску научной литературы окажутся неодинаковыми. Как видно из результатов, представленных в таблице 2, каждый сервис имеет свои смещения, ни один из них не прошел тест идеально.

В поиске, где тема сформулирована на английском языке, хуже всего проявил себя французский сервис Mistral. Российские статьи по формулировкам темы на английском языке смог обнаружить лишь российский GigaChat, видимо, благодаря прямому доступу к elibrary.ru (другие ИИ не имеют такого доступа, по крайней мере мы не увидели в них ссылок на этот сайт). С другой стороны, DeepSeek и ChatGPT лучше находили статьи из западных журналов, вероятно, из-за доступа к англоязычным публикациям. Что касается сервиса Mistral возможно, что он оказался бы лучшим для поиска французских источников, но их мы не включали в эксперимент. В целом, оказалось, что наличие метаданных статей на английском языке не гарантирует видимость для сервисов ИИ.

Также мы проверяли, успешно ли ИИ-сервисы справляются с поиском, если вводить тему на локальном языке. Сервисы искусственного интеллекта проектируются компаниями, прежде всего ориентированными на локальные рынки, и поэтому могут иметь региональную специфику в поиске литературы на местных языках. И действительно, мы увидели различия – благодаря открытому для него ресурсу elibrary.ru, GigaChat почти идеально справляется с поиском релевантных российских статей. Интересно, что китайский ИИ демонстрирует убедительные навыки поиска как статей на русском, так и на китайском языках. Западные же сервисы справились с поиском российских и китайских статей заметно хуже. Результаты нашего тестирования инструментов оказались довольно устойчивы: при повторении запросов с других устройств результат чаще всего не менялся.

Рекомендации исследователям

Даже на основе нашего небольшого эксперимента и результатов исследований других авторов **[4; 25]** можно сформулировать ряд рекомендаций для учёных – как по использованию диалоговых ИИ для поиска научной литературы, так и по повышению видимости собственных публикаций для этих систем. Вдохновляясь склонностью чат-ботов выдавать структурированные

[3] Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, Россия и АТР, Регионалистика, Известия Восточного института, Ойкумена. Регионоведческие исследования.

[4] 世界地理研究, 俄罗斯东欧中亚研究, 南大亚太评论, 欧洲研究, 当代亚太.

[5] Post-Soviet Affairs, Journal of Southern African Studies, Journal of Asian Studies, Journal of Balkan and Near Eastern Studies, South Asia: Journal of South Asia Studies.

Таблица 2. Количество успешных поисковых запросов по каждому ИИ-сервису.
Table 2. Number of successful search queries for each AI service.

Страна издания журнала	Количество статей в тесте	Giga.Chat	ChatGPT (o4-mini)	DeepSeek	Mistral
Тестирование поиска с использованием англоязычных тем статей					
Россия	10	10	4	6	0
Китай	10	0	2	1	0
Великобритания/США	10	5	9	8	6
Всего успешных запросов		15/30	15/30	15/30	6/30
Тестирование поиска с использованием тем статей на языке оригинала					
Россия	10	9	6	9	3
Китай	10	0	3	8	4
Всего успешных запросов		9/20	9/20	17/20	7/20

Примечание: Запрос успешный, если инструмент предложил в результатах статью, название которой совпадает с темой в запросе.

Источник: расчеты авторов на основе собранных в эксперименте данных.
Source: authors' calculations based on the data collected in the experiment.

перечни аргументов или советов, приводим собственный список советов и рекомендаций.

Итак, что поможет сделать поиск литературы в ИИ-сервисах более эффективным?

● **Использование разных инструментов.** Как показывают результаты нашего эксперимента, каждая модель ИИ имеет свои ограничения. В частности, у четырёх моделей из разных стран есть неодинаковые шансы нахождения публикаций, вышедших в журналах из других регионов. Не стоит ограничиваться каким-либо одним ИИ-приложением для поиска литературы.

● **Умение формулировать запросы (промпты).** Во-первых, стоит пробовать писать запросы на разных языках. Мы пробовали самый простой запрос "*Найди научные публикации по теме…*", но, как показывают исследования **[4; 25]**, запросы влияют на то, как ИИ себя поведёт и какую литературу предложит. Для знакомства с лучшими практиками стоит посмотреть библиотеки промптов, т. е готовые каталоги запросов по их назначению и успешности **[6]**. Компании-разработчики также предоставляют инструкции по применению, в т. ч. содержащие примеры удачных запросов. Отдельно укажем на необходимость обращать внимание на режимы работы того или иного ИИ[6].

● **Обращение к ИИ за помощью на разных этапах поиска.** Мы описали только один из видов использования ИИ, когда задаётся запрос "найди научные публикации по теме", – но он далеко не единственный. Например, ИИ можно задать тему и попросить выдать ключевые слова, по которым стоит искать публикации, посвященные определённой теме, и с этими ключевыми терминами обратиться в традиционные базы данных (РИНЦ, Google Scholar, и др.). Более того, можно попросить ИИ сразу сформулировать запрос для этих ресурсов. Так как язык запросов стандартизован, большие языковые модели хорошо справляются с задачей формулировки полноценного поискового запроса.

● **Использование классических стратегий поиска литературы.** ИИ не является заменой предшествующих баз данных и программ. Важно

[6] Например, в GigaChat нужно включить опцию поиска в интернете.

следить за развитием новых технологий, однако не следует отказываться от предыдущих достижений в области поиска информации.

• **Критическое отношение к результатам ИИ-сервисов.** Совершенно необходимо внимательное отношение к получаемым от ИИ ответам: проверка метаданных, реальности авторов, правдивости описаний. Предшествующие базы данных и инструменты, в этом смысле, отличались большей надежностью и поэтому вряд ли исчезнут из исследовательских практик в ближайшее время.

• **Обмен информацией с коллегами о практиках внедрения ИИ в научную работу.** Разнообразие ИИ-сервисов растет неимоверными темпами. Поддерживать осведомленность об актуальном состоянии поля непросто, поэтому кажется полезным обсуждать с коллегами их "ИИ-стратегии", посещать тематические семинары и дискуссии. Стоит уделить некоторое время тому, чтобы разобраться в устройстве ИИ-приложений, хотя бы некоторых: например, понять различия между общими и специализированными (сделанными специально для учёных) системами.

Что поможет сделать ваши публикации видимыми для ИИ?

• **Хорошее место публикации – залог её доступности.** При выборе журнала для публикации стоит уделить внимание тому, как он индексируется в российских и международных базах данных. Повторим классическую рекомендацию выбирать для публикации журналы, лучшие в своей области. Если журнал нигде индексируется, т. е. его невозможно найти через библиографические базы, лучше найти другое место для публикации.

• **Распространение ранних версий текста (препринтов) и финальных публикаций на разных площадках.** Как для того, чтобы попасть на глаза читателям, так и для того, чтобы стать частью текстового корпуса, предназначенного для обучения ИИ, текст должен быть легко находимым и желательно открыто доступным. Многие, хотя и не все журналы разрешают авторам выкладывать статьи на сторонних сайтах (например, в соцсети для учёных ResearchGate). Хотя активность исследователей в них не является однозначным предиктором большего числа цитирований **[20]**, это по-прежнему хороший способ повысить осведомлённость сообщества о ваших результатах.

• **Стратегическое использование названий и аннотационных текстов. Этот совет не является специфичным для повышения видимости для ИИ.** Название должно быть достаточно конкретным – слишком общие заголовки, например "Проблемы исторической памяти", снижают вероятность того, что текст будет найден, если только он не опубликован в ведущем мировом журнале. Аннотации также должны включать ключевые характеристики исследования. Хорошей практикой является переложение структуры IMRAD на аннотацию, т. е. указание главных методологических и теоретических аспектов исследования, его результатов.

• **Последний совет – журналам: поддерживайте веб-страницы в лучшем виде.** Если российский журнал представлен только в базе elibrary.ru, он остаётся невидимым для ИИ, не имеющих доступа к этой платформе, а также для исследователей, использующих такие ИИ. В интересах редакций журналов – оцифровка и систематическое курирование архивов статей, оперативное размещение на собственных сайтах полных метаданных новых публикаций (в том числе в англоязычной версии), а также ведение публичных страниц в социальных сетях.

Общими усилиями авторов и журнальных команд отечественные научные публикации можно сделать более заметными – как для инструментов ИИ, так и для традиционных ресурсов.

Заключение

Академические ресурсы прежнего поколения появились в мире, в каком-то смысле, более открытом, чем сейчас. Международные базы научной литературы и Google Scholar также не были лишены страновой и языковой предвзятости. Научное сообщество реагировало на неё, проводя исследования неравномерности охвата литературы по странам и регионам **[5; 7]**. На уровне отдельных авторов, университетов, издательств предпринимались усилия, чтобы повысить свою видимость. Сегодня мы проходим период некоторого разочарования в идее глобализации. В разных странах ведутся дискуссии о том,

насколько национальная наука должна быть открыта всему миру. Трудно прогнозировать, будут ли продукты на основе технологий ИИ в своём развитии приближаться к языковой и страновой сбалансированности в этом новом мире, уже не так стремящемся к глобализации. На этом фоне важно пристально рассматривать, как ИИ-технологии вписываются в меняющийся ландшафт науки. Остаётся открытым вопрос, будут ли новые инструменты способствовать сокращению неравенства в науке или же, наоборот, усугубят явления, которые некоторые исследователи называют "эпистемической несправедливостью". Даже наш небольшой эксперимент-демонстрация говорит о том, что геополитические факторы могут влиять на видимость научных публикаций в разных ИИ-сервисах, а значит, и на научное признание. Мы увидели, что статьи из российских журналов лучше всего обнаруживаются российским же ИИ-сервисом, при этом в поиске зарубежных статей он уже не так хорош. Популярный американский сервис ChatGPT в целом не превосходит китайский и российский инструменты, однако при поиске статей из западных журналов показывает лучший результат. Все рассмотренные в работе сервисы будут эволюционировать, поэтому нам кажется важным скорее привлечь внимание к проблеме системных искажений сервисов, чем давать какие-либо устойчивые оценки их работы.

Отдельный интересный вопрос, который тоже связан с поиском научной литературы, но который мы не обсуждали выше, – будут ли инструменты ИИ влиять на легитимацию знания в качестве научного? Новое знание обретает научный характер благодаря определённому набору действий и процедур, тщательного протоколирования и создания определённым образом оформленных документов **[13]**. Этот механизм связан с феноменом мимикрии под науку, который в последние десятилетия приобрёл значительные масштабы. Если смотреть только на внешние формальные признаки "научности", то статьи о физике энергий и проблемах создания вечного двигателя имеют равный вес – обе опубликованы в журналах, имеют определённую структуру и ссылочный аппарат, но для учёных будет более очевидно, кто проводит научную работу, а кто – мимикрию под таковую. Способен ли ИИ улавливать эти нюансы? В последние десятилетия стал массовым феномен недобросовестных журналов, обладающих внешними признаками научных, но не обеспечивающих отбор и оценку рукописей **[9]**. Уже можно поставить вопрос о том, как этот сегмент литературы обрабатывается при поиске с использованием ИИ-сервисов и какие новые компетенции критической оценки становятся необходимыми для пользователей ИИ. Не сомневаемся, что и по этому вопросу будут появляться исследования в ближайшее время.

В данной статье мы обсуждали универсальные ИИ-сервисы, не созданные специально для учёных, однако ставшие весьма популярными и у них (прежде всего, это относится к ChatGPT). Уже существует немало специализированных академических ИИ, полезных на разных этапах работы с литературой. К ним относятся, среди прочих, такие проекты, как Elicit (elicit.com) и Perplexity (perplexity.ai). Оба инструмента позволяют быстро разобраться в новом исследовательском поле, а также углубиться в содержание конкретных публикаций, выбранных пользователем. В этих инструментах есть функции поиска ответов на вопросы в статьях, суммаризация текстов, навигация по цитатным связям.

Вероятно, в будущем нас ждёт движение к большей специализации инструментов на основе ИИ, при которой не только для каждой ныне трудозатратной и рутинной задачи будет существовать ряд отличных и эффективных решений, но и под разные типы исследователей будут существовать разные системы. Вдохновляющим пимером для одного из авторов такой программы является платформа Anara (anara.com), позволяющая работать с литературой в стиле методологии Zettelkasten (дословно, "карточного шкафа"), популяризованной знаменитым социологом Никласом Луманом. Этот подход предполагает горизонтальную (т. е. неупорядоченную по отдельным проектным папкам) структуру хранения информации, при которой знания связываются друг с другом с помощью системы тегов, что при последовательной и долгой работе позволяет вырастить базу, в которой знания не теряются и, более того, иногда возвращаются неожиданным образом. Приложение Anara умеет находить конкретные цитаты в ряде документов, суммаризировать информацию, а так-

же устанавливать связи между документами. Здесь же можно вести заметки, которые также входят в формируемую персональную базу знаний. Возможно, в обозримой перспективе подобные решения могут стать обыденными для научной жизни. В любом случае, академический мир вступил в фазу, когда инструменты становятся частью когнитивной среды исследователя, а значит, можно предполагать не только появление новых методов и инструментов, но и масштабные изменения в организации и практике научной деятельности.

Литература / References

1. Аверкиев С. Это не чат, это GigaChat. Русскоязычная ChatGPT от Сбера. URL: https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/730108/ (дата обращения: 13.07.2025).
   Averkiev S. This is not a chat, this is GigaChat. Russian-language ChatGPT from Sberbank. URL: https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/730108/ (accessed 13.07.2025). (In Russ.).
2. Соколов М. М., Губа К. С., Зименкова Т. С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Редакция журнала "Новое литературное обозрение," 2015. 832 с.
   Sokolov M. M., Guba K. S., Zimenkova T. S. How professors become professors: academic careers, markets and power in five countries. Moscow, Russia: Editorial office of the journal "New Literary Review," 2015. 832 p. (In Russ.).
3. Гурный М. Великая война профессоров: гуманитарные науки, 1912–1923. СПб: Издательство Европейского университета, 2021. 414 p.
   Gurny M. The Great War of the Professors: humanities, 1912–1923. St. Petersburg, Russia: Publishing House of the European University, 2021. 414 p. (In Russ.).
4. Acut D. P. et al. "ChatGPT 4.0 Ghosted Us While Conducting Literature Search:" Modeling the Chatbot's Generated No.n-Existent References Using Regression Analysis // Internet Reference Services Quarterly. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 27–54.
5. Céspedes L. et al. Evaluating the linguistic coverage of OpenAlex: An assessment of metadata accuracy and completeness // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2025. Vol. 76. No. 6. P. 884-895.
6. DAIR.AI. Prompt Hub – Nextra. URL: https://www.promptingguide.ai/prompts (accessed 16.07.2025).
7. Dorsch I. Relative visibility of authors' publications in different information services // Scientometrics. 2017. Vol. 112. No. 2. P. 917–925.
8. Fagan J. C. An evidence-based review of academic web search engines, 2014-2016: Implications for librarians' practice and research agenda //Information Technology and Libraries. 2017. Vol. 36. No. 2. P. 7–47.
9. Grudniewicz A. et al. Predatory journals: no definition, no defence // Nature. 2019. Vol. 576. No. 7786. P. 210–212.
10. Gwon Y. N. et al. The use of generative AI for scientific literature searches for systematic reviews: ChatGPT and Microsoft Bing AI performance evaluation // JMIR Medical Informatics. 2024. Vol. 12. P. e51187.
11. Hangzhou DeepSeek Artificial Intelligence Co., Ltd. Model Mechanism and Training Methods of DeepSeek. URL: https://cdn.deepseek.com/policies/en-US/model-algorithm-disclosure.html (accessed 16.07.2025).
12. Helm P. et al. Diversity and language technology: how language modeling bias causes epistemic injustice // Ethics and Information Technology. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 8.
13. Latour B. Laboratory life: the social construction of scientific facts. Laboratory life / B. Latour, S. Woolgar. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. 282 p.
14. Lieberum J. L. Large language models for conducting systematic reviews: on the rise, but not yet ready for use–a scoping review // Journal of Clinical Epidemiology. 2025. Vol. 181. 111746.
15. McGowan A. et al. ChatGPT and Bard exhibit spontaneous citation fabrication during psychiatry literature search // Psychiatry Research. 2023. Vol. 326. 115334.
16. Merton R. K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science / R. K. Merton // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. No. 6. P. 635–659.
17. Merton R. K. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. Vol. 159. No. 3810. P. 56–63.
18. Mistral AI. Does Mistral AI communicate on the training datasets? | Mistral AI – Help Center. URL: https://help.mistral.ai/en/articles/347390-does-mistral-ai-communicate-on-the-training-datasets (accessed 13.07.2025).
19. OpenAI. How ChatGPT and our foundation models are developed. URL: https://help.openai.com/en/articles/7842364-how-chatgpt-and-our-foundation-models-are-developed (accessed 13.07.2025).
20. Ortega J. L. To be or not to be on Twitter, and its relationship with the tweeting and citation of research papers / J. L. Ortega // Scientometrics. 2016. Vol. 109. No. 2. P. 1353–1364.

21. Scherbakov D. et al. The emergence of large language models as tools in literature reviews: a large language model-assisted systematic review //Journal of the American Medical Informatics Association. 2025. Vol. 32. No. 6. P. 1071–1086.
22. Shapiro S. Academic librarians, information overload, and the Tao of discovery // The Journal of Academic Librarianship. 2018. Vol. 44. No. 5. P. 671–673.
23. Wiley. ExplanAItions: an artificial intelligence study by Wiley. 2025. URL: https://www.wiley.com/en-in/ai-study (accessed 14.07.2025).
24. Yang Y. et al. Unmasking and quantifying racial bias of large language models in medical report generation // Communications Medicine. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 176.
25. Yip R. et al. Artificial intelligence's contribution to biomedical literature search: revolutionizing or complicating? // PLOS Digital Health. 2025. Vol. 4. No. 5. e0000849.

◆

Информация об авторах

Екатерина Львовна Дьяченко, научный сотрудник Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: edyachenko@eu.spb.ru

Максим Ярославович Дмитриев, исследователь Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mdmitriev@eu.spb.ru

Артур Андреевич Печерских, исследователь Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: apecherskikh@eu.spb.ru

Information about the authors

Ekaterina L. Dyachenko, Researcher, Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: edyachenko@eu.spb.ru

Maxim Y. Dmitriev, Researcher, Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: mdmitriev@eu.spb.ru

Arthur A. Pecherskikh, Researcher, Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: e-mail: apecherskikh@eu.spb.ru

Поступила в редакцию 16.07.2025 Одобрена после рецензирования 10.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 16.07.2025 Approved 10.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 31–39.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 31–39.

Научная статья
УДК 316.472 + 37.018.43
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/31-39

Искусственный интеллект как посредник педагогической поддержки: scoping review

Ксения Алексеевна Тенишева
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, tenishewa.soc@gmail.com
Александра Игоревна Литвинова
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, alitvinova@eu.spb.ru

Аннотация. Статья представляет результаты scoping review публикаций 2023–2025 гг. о применении искусственного интеллекта (ИИ) в высшем образовании для педагогической поддержки. В рамке Human-Computer Interaction ИИ рассматривается как участник учебного взаимодействия. Выделены пять типов поддержки: аналитически управляемые подсказки; когнитивные ассистенты; дидактически структурированные чат-боты; образовательный дизайн заданий; алгоритмически сгенерированные рекомендации. Эффективность зависит от встроенности ИИ в учебный процесс и способности усиливать когнитивную активность студентов.
Ключевые слова: *педагогическая поддержка, ИИ-инструменты, высшее образование, обзор, агентность студентов*
Для цитирования: Тенишева К. А., Литвинова А. И. Искусственный интеллект как посредник педагогической поддержки: scoping review // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 31–39. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/31-39

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/31-39

Artificial Intelligence as a Mediator of Scaffolding: A Scoping Review

Ksenia Alekseevna Tenisheva
European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia
Alexandra Igorevna Litvinova
European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, alitvinova@eu.spb.ru

Abstract. This paper provides a scoping review of the literature published between 2023 and 2025 concerning the use of artificial intelligence (AI) to provide scaffolding in higher education. Adopting a Human-Computer Interaction perspective, this review treats AI as an active participant in educational interactions. The analysis identifies five distinct types of AI-driven support: analytically managed cues and prompts; cognitive assistants; didactically designed chatbots; AI-assisted educational assignment design; and algorithmically generated recommendations. The review concludes that the efficacy of such AI tools depends on their deep integration into the learning process and their ability to augment the cognitive engagement of students.
Key words: *scaffolding, AI-tools, higher education, scoping review, student's agency*
For citation: Tenisheva K. A., Litvinova A. I. Artificial Intelligence as a Mediator of Scaffolding: A Scoping Review // Ojkumena. Regional Researches. 2025. No. 3. P. 31–39. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/31-39

Введение

Генеративный искусственный интеллект (ИИ) стремительно меняет сферу высшего образования, превращаясь из вспомогательного инструмента в полноценного участника педагогического процесса: на сегодняшний день эта технология выполняет широкий спектр задач – от автоматизации проверки знаний до выстраивания и сопровождения индивидуальных траекторий обучения студентов. Особенно актуальным стало развитие направлений, связанных с персонализированным обучением и тьюторингом, где ИИ используется для адаптации содержания курсов, диагностики пробелов в знаниях и навыках, а также для предоставления обратной связи в режиме реального времени **[5; 19]**.

Инструменты искусственного интеллекта считаются одной из потенциально самых эффективных технологий для будущего высшего образования **[19]**. Так, например, уже сегодня ИИ-инструменты способны существенно расширить доступность образования благодаря функциям автоматического создания субтитров, перевода, преобразования текста в речь и описания визуального контента, что представляет особую значимость для студентов с особыми потребностями. В ближайшем будущем ИИ-агенты смогут выступать в роли персонализированных наставников, ассистентов преподавателя или специалистов по поддержке студентов, оказывая помощь на всех этапах образовательного процесса **[8]**.

© Тенишева К. А., Литвинова А. И., 2025

Персонализация обучения и качественное сопровождение студента – давние вызовы для высшего образования, особенно в условиях массовизации. ИИ-инструменты имеют большой потенциал для преодоления этих ограничений, становясь критически важным ресурсом для университетов, стремящихся выйти за рамки универсального подхода, который зачастую становится неизбежным следствием масштабирования образовательных программ. По мере развития технологий искусственного интеллекта в других сферах жизни, учащиеся и их семьи все чаще будут ожидать аналогичного уровня индивидуализированной поддержки от образовательных учреждений. Генеративный ИИ, обеспечивающий взаимодействие по запросу и в реальном времени, усиливает это ожидание, способствуя дальнейшему распространению и интеграции таких инструментов в университетскую практику **[8]**.

Сами по себе подобные функции не являются педагогической инновацией, но воспроизводят ключевые элементы концепции педагогической поддержки (scaffolding) – целенаправленной поддержки обучающегося в зоне ближайшего развития **[16]**. Именно через тьюторскую и адаптивную помощь ИИ-системы сегодня выполняют роль внешнего посредника, временно компенсирующего недостаток знаний, навыков или учебной самостоятельности. В этом контексте становится оправданным аналитический фокус на том, как искусственный интеллект реализует (или имитирует) функции scaffolding в образовательных средах. Такой фокус позволяет не только лучше понять педагогический потенциал ИИ, но и оценить риски, связанные с формированием зависимости от автоматизированной поддержки или снижением учебной агентности студентов **[4]**.

Настоящее исследование представляет собой scoping review, посвященный анализу публикаций, в которых ИИ используется в качестве инструмента педагогической поддержки в высшем образовании. Мы исходим из предположения, что именно в этой функции ИИ наиболее тесно пересекается с ключевыми педагогическими практиками и затрагивает фундаментальные аспекты образовательного взаимодействия – помощь, доверие, автономию и развитие.

Методология

Методологическая стратегия обзора сфокусирована на целенаправленном поиске научных публикаций, посвящённых двум ключевым темам: (1) использование искусственного интеллекта в высшем образовании; (2) педагогические практики, включая элементы поддержки (scaffolding) – в перспективе Human Computer Interaction (HCI).

Привлечение рамки HCI обусловлено необходимостью рассматривать ИИ-инструменты не просто как технологические артефакты или педагогические средства, а как интерактивные системы, в которых происходят динамичные, контекстно-зависимые и двусторонние взаимодействия между пользователями и технологиями. Именно в рамках HCI формируется представление о технологиях как участниках образовательного взаимодействия, чьё поведение, дизайн и интерфейсы оказывают влияние на когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты учебной деятельности **[11; 13]**.

Выбор тематического пересечения обусловлен стремлением не только описать текущее состояние исследований по каждому из направлений, но и выявить их взаимосвязь в контексте трансформации высшего образования под влиянием цифровизации и автоматизации. Указанные направления образуют плотно взаимосвязанное проблемное поле, в котором ИИ-инструменты одновременно выступают средством реализации педагогических стратегий, а также фактором, изменяющим структуру образовательного взаимодействия. Анализ публикаций на данном пересечении позволяет понять, в каких условиях ИИ способствует (или препятствует) формированию устойчивых, этически и педагогически обоснованных практик в высшем образовании.

Временные рамки поиска ограничены 2023–2025 гг. Выбор такого периода обусловлен как содержательными, так и методологическими причинами. Во-первых, с начала 2020-х гг. наблюдается заметное повышение академического внимания к использованию искусственного интеллекта в сфере высшего образования: если до этого момента количество исследований, связанных с развитием генеративных языковых моделей и внедрением ИИ-инструментов

в повседневную образовательную практику, исчислялось тысячами, то после – десятками тысяч (*рис. 1*).

Именно в этот период появляются публикации, в которых искусственный интеллект рассматривается не только как технология, но и как элемент педагогического взаимодействия, в том числе в контексте адаптивной поддержки (scaffolding) и цифровой со-регуляции обучения.

Во-вторых, выбранный временной интервал позволяет сосредоточиться на работах, отражающих актуальные теоретические и методологические подходы к анализу взаимодействия ИИ с педагогическими практиками. Он обеспечивает достаточную репрезентативность корпуса для систематического анализа и одновременно ограничивает объём выборки до обозримого и аналитически управляемого масштаба.

Поиск релевантных цели исследования источников проводился в базе данных Dimensions. Такой выбор обусловлен несколькими факторами. Так, Dimensions – одна из крупнейших научных баз данных, включающая более 100 млн публикаций и широко используемая в рамках междисциплинарных и обзорных исследований, в том числе при проведении scoping reviews. Функциональность платформы обеспечивает гибкость в построении поисковых запросов: можно фильтровать выдачу по временным рамкам, типу публикации, ключевым словам и предметным областям, что особенно важно для формирующихся и междисциплинарных полей, таких как применение ИИ в образовании.

Отдельное преимущество Dimensions заключается во включении не только англоязычных журналов высокой категории, но и рецензируемых публикаций из быстро развивающихся направлений EdTech, а также статей, представленных в междисциплинарных журналах, которые часто не индексируются в строго дисциплинарных базах. Это позволяет получить более репрезентативную выборку по теме, терминология и структура которой ещё не устоялись в академическом ландшафте.

В рамках подготовки обзора был также проведен пробный поиск в Web of Science (WoS), однако он не дал существенно отличающихся результатов – релевантные публикации либо дублировались, либо охватывали другие тематические области. Учитывая вышеуказанные особенности, использование Dimensions представляется обоснованным и наиболее подходящим инструментом для решения задач настоящего исследования.

В качестве поисковой формулы использовался следующий запрос:

("artificial intelligence" OR "AI" OR "generative AI") AND ("higher education" OR "university teaching" OR "tertiary education") AND ("pedagogical practices" OR "teaching methods" OR "instructional design") AND ("scaffolding")' in full data; Publication Year is 2023 or 2024 or 2025; Fields of Research (ANZSRC 2020) is 4608 Human-Centred Computing; Publication Type is Article"

На первом этапе были отобраны все публикации, удовлетворяющие критериям поиска (n = 231). На втором этапе применялись критерии включения: фокус на применении ИИ или ИИ-инструментов в контексте преподавания и обучения в высшей школе; наличие компонентов, связанных с педагогической поддержкой (scaffolding, feedback, adaptation); публикации на английском языке. Критерии исключения: диссертационные исследования; материалы конференций без последующего рецензирования; исследования, ориентированные исключительно на техническую реализацию ИИ без педагогического контекста; работы, посвященные среднему образованию. В результате финальный корпус составил 7 публикаций. Ограниченный объём выборки можно объяснить одновременно и новизной исследовательского поля, и высокой специфичностью тематического пересечения (ИИ + scaffolding + высшее образование + HCI). Выбор строгих критериев отбора обусловлен задачей сфокусированного анализа именно тех работ, где ИИ рассматривается не просто как технология, а как участник педагогического взаимодействия. Таким образом, корпус из 7 публикаций отражает наиболее релевантные и содержательно насыщенные исследования, удовлетворяющие цели настоящего обзора.

В рамках исследования проведен scoping review, направленный на систематизацию и анализ существующих публикаций, посвященных использованию искусственного интеллекта в качестве инструмента педагогической поддержки (scaffolding) в контексте высшего образования. Такой тип обзора

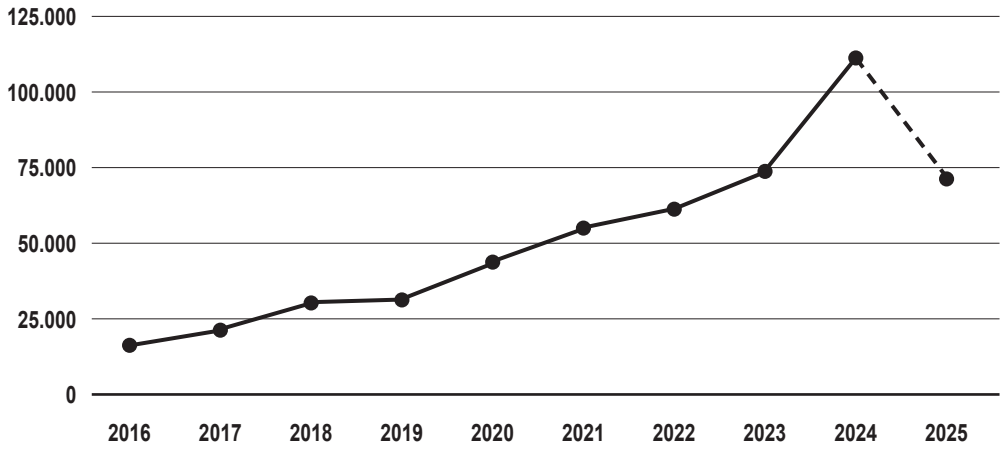


Рис. 1. Количество публикаций по использованию ИИ в высшем образовании в 2016–2025 гг. Поисковая формула: ("artificial intelligence" OR "AI" OR "generative AI") AND ("higher education" OR "university teaching" OR "tertiary education").

Источник: база данных Dimensions.

Fig. 1. Number of publications on the use of AI in higher education in 2016–2025. Search formula: ("artificial intelligence" OR "AI" OR "generative AI") AND ("higher education" OR "university teaching" OR "tertiary education").

Source: Dimensions database.

был выбран как наиболее подходящий для исследовательского поля, находящегося на ранней стадии теоретической и эмпирической разработки, характеризующегося быстрым развитием технологий. Методология обзора опиралась на подход Arksey & O'Malley (2005) и рекомендации PRISMA-ScR **[1; 14]**, включая поэтапный сбор, отбор, категоризацию и анализ публикаций, соответствующих критериям включения.

Проведенный scoping review позволил выстроить концептуальную карту исследовательского поля на пересечении тем ИИ, scaffolding и системы высшего образования, заложив основу для дальнейшего теоретического обобщения и проектирования эмпирических исследований.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, обзор ограничен выборкой публикаций, отобранных исключительно через базу данных Dimensions. Несмотря на её преимущества по охватности и междисциплинарности, следует помнить, что не все релевантные публикации могли попасть в выборку. Во-вторых, временные рамки анализа (2023–2025 гг.) позволяют сосредоточиться на актуальных тенденциях, связанных с развитием генеративного ИИ и его внедрением в педагогические практики, однако могут исключать более ранние, концептуально значимые исследования, заложившие основу для современных подходов к педагогическому использованию ИИ и вопросам педагогической поддержки. В-третьих, объём корпуса (n=7) является достаточно ограниченным для обобщения имеющихся на уровне академического сообщества тенденций. Полученные результаты позволяют обозначить общие контуры исследовательского поля, но не претендуют на исчерпывающее представление темы.

Указанные ограничения не снижают значимости обзора как ориентира в формирующемся научном поле, но обуславливают необходимость последующих этапов – как систематических обзоров, так и эмпирических исследований, направленных на углубленную операционализацию ключевых понятий, экспериментальную проверку эффектов ИИ-поддержки и уточнение педагогических стратегий её интеграции.

Результаты

Отобранные для анализа публикации отражают стремительное развитие и разнообразие практик использования искусственного интеллекта как инструмента педагогической поддержки в высшем образовании. Они демонстрируют разнообразие исследовательских стратегий и методов сбора и анализа данных: экспериментальный дизайн с контролем и сравнением условий использования ИИ и других форм поддержки **[2; 9]**; анализ данных, автоматически собираемых во время взаимодействия пользователя с платформой, – trace-данных (поведенческих логов студентов) – и автоматическая регистрация активности **[7; 10]** для построения персонализированных подсказок и оценки реакции на них; квазиэкспериментальные и mixed-methods подходы с включением анкет, интервью и наблюдений **[4; 19]**, где изучалась практика peer-review и образовательный дизайн; метод кейс-стади, сфокусированный на практике применения GitHub Copilot в курсе программирования **[12]**. Таким образом, корпус публикаций опирается преимущественно на экспериментальные, квазиэкспериментальные и эмпирико-аналитические стратегии, обеспечивающие количественную и качественную оценку влияния ИИ-поддержки на образовательный процесс.

Несмотря на ограниченный объём корпуса, отобранные исследования охватывают разнообразные дисциплинарные контексты, включая программирование, междисциплинарные курсы, обучение различным наукам и образовательный дизайн. Такое распределение позволяет выявить особенности применения ИИ-поддержки в разных учебных сценариях, а также сравнить подходы к организации scaffolding в технических и гуманитарных дисциплинах. При фиксируемом разнообразии форм все рассмотренные случаи объединяет стремление использовать ИИ для усиления когнитивной активности, поддержки саморегуляции и развития вычислительного мышления. Полученные результаты позволяют говорить о том, что эффективность таких форм поддержки определяется тем, насколько они органично интегрированы в структуру учебного взаимодействия и согласованы с педагогическими целями.

Тип педагогической поддержки. Анализ отобранных публикаций позволяет выделить несколько типов реализации педагогической поддержки, основанной на использовании искусственного интеллекта. Каждый из них отражает разные подходы к организации scaffolding в цифровых образовательных средах. Один из распространенных форматов – аналитически управляемый scaffolding в реальном времени, при котором ИИ-алгоритмы генерируют подсказки на основе поведенческих данных студентов. В исследовании Lim et al. (2023) такие подсказки направлены на стимулирование саморегулируемого обучения, при этом содержание адаптируется к конкретным действиям учащегося.

Другой тип – генеративные ассистенты, выступающие в качестве когнитивных партнеров, представленные, например, GitHub Copilot **[12]** и системой IPSSC на базе ChatGPT **[9]**. Эти ИИ-инструменты сопровождают студента в процессе программирования и решения задач, выступая в роли внешнего соавтора. Такая помощь позволяет преодолевать трудности, но не всегда способствует развитию самостоятельности.

Особый интерес представляют чат-боты, реализующие дидактические модели, как в исследовании Бай С., Ло К. и Ян Ч. **[2]**, где ИИ и преподаватель поочередно выполняют scaffolding-функции в рамках модели 5E (engage, explore, explain, elaborate, evaluate), ориентированной на развитие навыков проектирования учебных занятий у будущих преподавателей. Это позволяет сравнить эффективность поддержки, оказываемой машиной и человеком, в контролируемом эксперименте.

В некоторых случаях scaffolding реализуется не через прямое взаимодействие, а опосредованно – через образовательный дизайн. Так, Чжан Ю. подчеркивает значение структуры заданий и рубрик как формы предварительно встроенной поддержки, направленной на ориентацию студента в сложной междисциплинарной задаче **[19]**.

Джангра А. и соавторы описывают алгоритмически управляемую генерацию подсказок в интеллектуальных обучающих системах, где scaffolding представлен в виде автоматически создаваемых рекомендаций, адаптирован-

ных к текущему уровню учащегося **[7]**. Авторы акцентируют внимание на необходимости перехода от формально корректных подсказок к педагогически осмысленным стратегиям взаимодействия. Иными словами, акцент делается на необходимости перехода от "подсказок ради подсказок" к стратегиям, ориентированным на развитие обучающегося, что требует педагогического дизайна и понимания принципов обучения, а не только алгоритмической генерации ответов.

Таким образом, современные ИИ-инструменты позволяют реализовывать педагогический scaffolding в разных формах – от реактивной поддержки до преднамеренного дидактического дизайна, – что открывает новые возможности для адаптации, но требует точного соотнесения с целями и логикой обучения.

Роль ИИ в педагогической поддержке. Анализ включённых в обзор публикаций позволяет выделить несколько устойчивых ролей, которые искусственный интеллект выполняет в контексте образовательного scaffolding. Эти роли иллюстрируют, как ИИ становится не просто вспомогательным инструментом, а активным участником педагогического взаимодействия.

Прежде всего, ИИ выступает как источник персонализированной обратной связи, реагирующей на поведение и потребности учащегося. В исследованиях Лим Л. **[10]** и Дарвиши А. **[4]** алгоритмы предоставляют контекстно-зависимые подсказки и рекомендации, направленные на развитие навыков саморегуляции и повышение эффективности учебной деятельности. Такая обратная связь не только подстраивается под текущую ситуацию, но и стимулирует метакогнитивные процессы, важные для осмысленного обучения, например, не давая прямого ответа на поставленный вопрос.

Часто ИИ берет на себя роль генератора идей и решений, особенно в технических дисциплинах. Пратер Дж. **[12]** и Ляо Дж. **[9]** показывают, как генеративные модели (например, GitHub Copilot или ChatGPT) поддерживают студентов при программировании, предлагая фрагменты кода, альтернативные подходы или уточнения. Эта функция облегчает выполнение заданий, но требует критического осмысления: слишком высокая зависимость от ИИ может препятствовать развитию когнитивной самостоятельности.

В ряде исследований ИИ также выполняет функции медиатора образовательного диалога, выступая в роли партнера по коммуникации. В эксперименте Бай С., Ло К. и Ян Ч. чат-бот, построенный по модели 5E, поддерживает учебный диалог, структурируя взаимодействие с обучающимся и постепенно направляя его к целевому результату **[2]**. Каждая из фаз модели реализуется через диалоговые акты, инициируемые чат-ботом. Например, на этапе вовлечения (Engage) бот начинает взаимодействие с мотивационного вопроса или постановки проблемы, стимулирующей интерес студента. Учебный диалог в этом исследовании строится как интерактивный, поэтапный процесс, в котором ИИ-чат-бот выступает как дидактический посредник, направляющий когнитивную активность студента от начального знакомства с темой к осмысленному усвоению и самопроверке. Это не просто обмен репликами, а педагогически спроектированная структура взаимодействия.

В исследовании Чжан Ю. ИИ рассматривается как механизм адаптации заданий под уровень подготовки студента **[19]**. То есть ключевые параметры задания (например, сложность, объём, формат обратной связи) заранее структурированы так, чтобы ИИ мог варьировать их в зависимости от поведения и прогресса студента. Здесь акцент сделан не столько на автоматическую генерацию контента, сколько на предварительно встроенную гибкость образовательного дизайна, где ИИ поддерживает индивидуализацию учебных траекторий. Таким образом, ИИ здесь выполняет роль адаптивного интерфейса между студентом и заранее спроектированным образовательным сценарием, подбирая соответствующие конкретной ситуации элементы поддержки.

Джангра А. и соавторы подчёркивают значимость ИИ как инструмента масштабируемого обучения в условиях дефицита педагогических ресурсов **[7]**. Авторы рассматривают ИИ-системы как решение для обеспечения непрерывной поддержки большого количества студентов при сохранении качества педагогических вмешательств.

В различных контекстах искусственный интеллект реализует широкий спектр функций, связанных с педагогической поддержкой – от индивидуали-

зированной помощи до обеспечения устойчивого образовательного диалога. Эти роли не изолированы, а часто взаимодополняемы, что требует комплексного подхода к проектированию и оценке ИИ-поддержки в высшем образовании.

Эффекты педагогической поддержки. Рассмотренные эмпирические исследования демонстрируют ряд позитивных эффектов, связанных с использованием ИИ как инструмента педагогической поддержки. Эти эффекты охватывают когнитивную, метакогнитивную и организационную сферы учебной деятельности, варьируя в зависимости от типа педагогической поддержки и образовательного контекста.

В работе Лим Л. показано, что персонализированные подсказки, основанные на анализе поведенческих данных, способствуют активизации стратегий саморегулируемого обучения – учащиеся чаще планируют действия, возвращаются к предыдущим этапам, формулируют цели и оценивают прогресс **[10]**. Это подтверждает потенциал ИИ-поддержки для развития автономности и осознанности в учебной деятельности.

Таким образом, ИИ-поддержка может усиливать ключевые аспекты учебного процесса – от саморегуляции до решения профессиональных задач, – при условии, что она встроена в продуманный образовательный сценарий и не подменяет, а дополняет активную познавательную деятельность студента.

Риски и ограничения. Несмотря на очевидные преимущества использования искусственного интеллекта в качестве инструмента педагогической поддержки, проанализированные исследования указывают и на ряд существенных рисков и ограничений, которые могут снижать эффективность такого вмешательства или даже приводить к негативным образовательным последствиям.

Одним из наиболее часто упоминаемых рисков является снижение когнитивной самостоятельности студентов при длительном или некритичном взаимодействии с ИИ. Так, например, в работах Пратер Дж. **[12]** и Ляо Дж. **[9]** отмечается, что генеративные ассистенты, выступающие в роли внешнего решения задач, могут способствовать выполнению заданий, но одновременно подавлять развитие собственных стратегий мышления, особенно если студент не осознает границы и условия применения такой поддержки.

Связанной с этим проблемой является отсутствие механизма постепенного ослабления поддержки (fading), который традиционно рассматривается как ключевой элемент эффективного scaffolding. Во многих рассмотренных системах ИИ-подсказки предоставляются как статичная помощь, без учёта динамики учебного прогресса, что препятствует переходу от внешней опоры к внутренним стратегиям решения задач.

Некоторые исследования, в частности, Дарвиши А. **[4]**, подчёркивают риск перегрузки когнитивных ресурсов при сочетании ИИ-поддержки с другими элементами учебной среды – такими как peer-review, самостоятельное планирование и самооценка. Без тщательно выстроенного дизайна такие многоуровневые подходы могут не усиливать, а затруднять учебную деятельность.

Дополнительное ограничение связано с недостаточной способностью ИИ обеспечивать аффективную и эмоциональную поддержку, важную для мотивации и вовлечённости. В эксперименте Бай С., Ло К. и Ян Ч. хотя и зафиксированы сопоставимые когнитивные результаты в группах с преподавателем и ИИ, студенты значительно выше оценили качество взаимодействия с реальным педагогом по параметрам эмпатии, гибкости и мотивационной поддержки **[2]**.

В работе Джангра А. обращается внимание на недостаточную педагогическую осмысленность генерируемых подсказок **[7]**. Авторы подчёркивают, что даже формально корректные рекомендации, создаваемые ИИ, могут не учитывать контекст обучения, уровень подготовки учащегося и образовательные цели, тем самым снижая дидактическую ценность вмешательства.

Совокупность этих ограничений указывает на необходимость критически осмысленного подхода к внедрению ИИ в образовательные процессы: ключевым становится не только сам факт наличия поддержки, но и её дизайн, адаптивность, прозрачность, соответствие педагогическим принципам и взаимодействие с другими элементами педагогического дизайна.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект усиливает свои позиции в системе высшего образования, выходя за пределы исключительно инструментальной функции и становясь значимым участником педагогического взаимодействия. В парадигме HCI инструменты на базе искусственного интеллекта предстают не просто как технологические решения, но как интерактивные агенты, чье поведение, интерфейсные особенности и логика взаимодействия формируют новое образовательное пространство – с иными конфигурациями помощи, ответственности и субъектности.

Анализ показывает, что эффективность ИИ-поддержки определяется не столько ее содержанием, сколько характером учебного взаимодействия, в которое она встроена. Поддержка, реализуемая ИИ, оказывается успешной в тех случаях, когда она адаптивна, своевременна, не подменяет активность студента, а усиливает её. Это напрямую соотносится с ключевыми задачами HCI: проектировать такие формы взаимодействия, в которых технологии становятся не отвлекающим фактором, а катализатором когнитивной и агентной активности **[6]**. Однако выявленные риски – от когнитивной зависимости до эмоциональной отчужденности – подчёркивают необходимость этического и педагогического переосмысления дизайна ИИ-систем. Принципы HCI позволяют задать для этого устойчивую рамку: технологии должны быть не только функциональными, но и понятными, поддерживающими рефлексивную и автономную позицию обучающегося.

Таким образом, будущее ИИ в высшем образовании зависит преимущественно от качества образовательного взаимодействия, которое он способен поддержать. Это ставит перед исследователями и дизайнерами двойную задачу: развивать интерфейсы, способные к педагогической чуткости, и проектировать сценарии, в которых ИИ становится партнёром, а не заместителем преподавателя или студента. В этом контексте особенно перспективными видятся разработка гибридных моделей, объединяющих ИИ и человеческий педагогический опыт; внедрение scaffolding-aware-дизайна с учётом постепенного ослабления поддержки (fading), саморегулирования обучения (self-regulated learning, SRL) и когнитивной нагрузки; исследование долгосрочных эффектов ИИ-взаимодействий на учебную субъектность, образовательные траектории и институциональное доверие.

Объединяя достижения HCI и педагогики, образовательное сообщество может сформировать такие формы цифрового посредничества, которые не будут воспроизводить зависимость, а, напротив, станут пространством поддержки с акцентом на субъектность и самостоятельность.

Литература / References

1. Arksey H., O'Malley L. Scoping studies: towards a methodological framework // International Journal of Social Research Methodology. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 19–32. https://doi.org/10.1080/1364557032000119616
2. Bai S., Lo C. K., Yang C. Enhancing instructional design learning: a comparative study of scaffolding by a 5E instructional model-informed artificial intelligence chatbot and a human teacher // Interactive Learning Environments. 2025. Vol. 33. No. 3. P. 2738–2757.
3. Chen Y., Xiao S., Song Y., Li Z., Sun L., Chen L. MindScratch: a visual programming support tool for classroom learning based on multimodal generative AI // International Journal of Human–Computer Interaction. 2025. P. 1–19.
4. Darvishi A., Khosravi H., Sadiq S., Gašević D., Siemens G. Impact of AI assistance on student agency // Computers & Education. 2024. Vol. 210. 104967.
5. Holstein K., Aleven V., Rummel N. A conceptual framework for human–AI hybrid adaptivity in education // International Conference on Artificial Intelligence in Education. Cham: Springer, 2020. P. 240–254.
6. Holstein K., McLaren B. M., Aleven V. Co-designing a real-time classroom orchestration tool to support teacher-AI complementarity // Journal of Learning Analytics. 2019. No. 6(2). P. 27–52. https://doi.org/10.18608/jla.2019.62.3
7. Jangra A., Mozafari J., Jatowt A., Muresan S. Navigating the landscape of hint generation research: from the past to the future // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2025. Vol. 13. P. 505–528.
8. Jenay R., Muscanell N., McCormack M., Pelletier K., Kim A., Arbino N., Young K., Reeves J. 2025 EDUCAUSE Horizon Report, Teaching and Learning Edition. Boulder, CO: EDUCAUSE, 2025.

URL: https://library.educause.edu/-/media/files/library/2025/5/2025hrteachinglearning.pdf (accessed 13.07.2025).
9. Liao J., Zhong L., Zhe L., Xu H., Liu M., Xie T. Scaffolding computational thinking with ChatGPT // IEEE Transactions on Learning Technologies. 2024. Vol. 17. P. 1628–1642. https://doi.org/10.1109/TLT.2024.3392896
10. Lim L., Bannert M., van der Graaf J., Singh S., Fan Y., Surendrannair S., et al. Effects of real-time analytics-based personalized scaffolds on students' self-regulated learning // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 139. 107547.
11. Norman D. A. Affordance, conventions, and design // Interactions. 1999. Vol. 6. No. 3. P. 38–43.
12. Prather J., Reeves B. N., Denny P., Becker B. A., Leinonen J., Luxton-Reilly A., Santos E. A. "It's weird that it knows what I want": usability and interactions with Copilot for novice programmers // ACM Transactions on Computer-Human Interaction. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 1–31.
13. Sharples M. Mobile learning: research, practice and challenges // Distance Education in China. 2013. Vol. 3. No. 5. P. 5–11.
14. Tricco A. C., Lillie E., Zarin W., O'Brien K. K., Colquhoun H., Levac D., Straus S. E. PRISMA extension for scoping reviews (PRISMA-ScR): checklist and explanation // Annals of Internal Medicine. 2018. Vol. 169. No. 7. P. 467–473.
15. Wilson K., Devereux L. Scaffolding theory: high challenge, high support in academic language and learning (ALL) contexts // Journal of Academic Language and Learning. 2014. Vol. 8. No. 3. P. A91–A100.
16. Woods D. J., Bruner J., Ross G. The role of tutoring in problem-solving // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1976. Vol. 17. P. 89–100.
17. Woodward-Kron R. Negotiating meanings and scaffolding learning: writing support for non-English speaking background postgraduate students // Higher Education Research and Development. 2007. Vol. 26. No. 3. P. 253–268.
18. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education: where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. No. 1. P. 1–27.
19. Zhang Y., Mohammad Mirzaei A., Mouza C., Pollock L., Guidry K. Examining computational thinking across disciplines in higher education classrooms: learning outcomes from student-generated artifacts // Journal of Computing in Higher Education. 2025. P. 1–37. https://doi.org/10.1007/s12528-024-09425-1

◆

Информация об авторах

Ксения Алексеевна Тенишева, канд. соц. наук, доцент, директор программ по направлению Социология Школы вычислительных социальных наук Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tenishewa.soc@gmail.com

Александра Игоревна Литвинова, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alitvinova@eu.spb.ru

Information about the authors

Ksenia A. Tenisheva, Candidate of Sociology, Associate Professor, Director of Programs in Sociology, School of Computational Social Sciences, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: enishewa.soc@gmail.com

Aleksandra I. Litvinova, Postgraduate Student, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: alitvinova@eu.spb.ru

Поступила в редакцию 15.07.2025 Одобрена после рецензирования 15.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 15.07.2025 Approved 15.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 40–51.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 40–51.

Научная статья
УДК 303.68
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/40-51

Практики использования генеративного ИИ (GenAI) в образовательной среде: как студенты России и Казахстана осваивают новые цифровые инструменты

Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет, Владивосток;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexandra.filipova77@gmail.com
Евгения Евгеньевна Абросимова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, gaijony@mail.ru
Гульмира Сериковна Абдирайымова
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение отношения студентов вузов России и Казахстана к генеративному искусственному интеллекту (GenAI), а также их опыта использования этих технологий в учебной деятельности. Рассматриваются представления студентов о перспективах дальнейшей интеграции GenAI в систему высшего образования. Цель исследования заключается в выявлении факторов, влияющих на успешность и устойчивость интеграции GenAI в образовательный процесс. Исследование проведено с помощью онлайн-опроса и с использованием выборки из 441 студента, представляющих различные образовательные учреждения в России и Казахстане. В анализе использовались методы корреляционного анализа и множественной регрессии с применением библиотек Python (pandas, statsmodels и другие). Полученные результаты показывают, что частота использования GenAI, наличие специализированного обучения, уровень технической оснащенности и социально-демографические характеристики студентов оказывают влияние на их отношение к технологиям. Выводы исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по эффективной интеграции GenAI в высшее образование, а также для формирования образовательных программ, направленных на повышение цифровой компетентности студентов.
Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект (GenAI), модель ChatGPT, высшее образование, восприятие студентов, образовательные практики, интеграция технологий, цифровая трансформация, критическое мышление, учебная деятельность*
Для цитирования: Филипова А. Г., Абросимова Е. Е., Абдирайымова Г. С. Практики использования генеративного ИИ (GenAI) в образовательной среде: как студенты России и Казахстана осваивают новые цифровые инструменты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 40–51.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/40-51

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/40-51

Practices of Using Generative AI (GenAI) in the Educational Environment: How Students in Russia and Kazakhstan Master New Digital Tools

Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia;
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Alexandra.filipova77@gmail.com
Evgenia E. Abrosimova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, gaijony@mail.ru
Gulmira S. Abdiraiymova
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

Abstract. This article presents the results of a study aimed at examining the attitudes of university students in Russia and Kazakhstan toward generative artificial intelligence (GenAI), as well as their experience in using these technologies in educational contexts. The study considers students' perceptions of the prospects for further integration of GenAI into the higher education system. The objective of the research is to identify the factors that influence the effectiveness and sustainability of GenAI integration into the educational process. The study was conducted via an online survey using a sample of 441 students representing various higher education institutions in Russia and Kazakhstan. Data were collected through a questionnaire that included both closed and open-ended questions to obtain both quantitative and qualitative data. The analysis employed correlation analysis and multiple regression methods using Python libraries such as *pandas, statsmodels*, and others. The results indicate that the frequency of GenAI use, the availability of specialized training, the level of technical infrastructure, and students' socio-demographic characteristics significantly influence their attitudes toward these technologies.The study's findings may be used to develop recommendations for the effective integration of GenAI into higher education, as well as for the design of educational programs aimed at enhancing students' digital competence and literacy.
Key words: *generative Artificial Intelligence (GenAI), ChatGPT model, higher education, student perception, educational practices, technology integration, digital transformation, critical thinking, learning activities*
For citation: Filipova A. G., Abrosimova E. E., Abdiraiymova G. S. The brand of territory and medical tourism: interrelation and conditionality // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 40–51.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/40-51

© Филипова А. Г., Абросимова Е. Е., Абдирайымова Г. С., 2025

Введение

В последние годы генеративный искусственный интеллект (GenAI), представленный такими инструментами, как ChatGPT, стремительно внедряется в образовательную практику, трансформируя подходы к обучению, преподаванию и академическому взаимодействию. Хотя применение подобных инструментов и технологий в образовательной среде ещё находится на стадии осмысления, уже сегодня наблюдается возрастающий академический и исследовательский интерес к их потенциальным возможностям. Есть несколько обстоятельств, актуализирующих данную проблематику. Во-первых, современные исследования показывают, что инструменты генеративного искусственного интеллекта (GenAI) способны улучшать качество обратной связи при оценивании и оптимизировать образовательные процессы **[15, 19]** описывают ряд преимуществ интеграции ChatGPT в систему высшего образования. Несмотря на преимущественно положительный дискурс вокруг внедрения GenAI в образовательную сферу, остаются и определённые риски, связанные с вопросами академической честности, а также фактическими неточностями в ответах, генерируемых ИИ, что делает подобные инструменты потенциально ненадёжными в образовательном контексте **[24]**. Более того, переход от традиционного очного обучения и форм оценивания к онлайн-форматам, ускорившийся в период пандемии COVID-19, во многом оказался сопряжён с развитием и внедрением технологий GenAI **[20].** Исследование авторов также анализирует восприятие студентами надёжности, полезности и важности этих инструментов в академической среде.

Во-вторых, использование ChatGPT как инструмента искусственного интеллекта вызывает определённые споры относительно его потенциального влияния на сферу образования **[13]**. На основе проведённого SWOT-анализа были выделены сильные и слабые стороны технологии, её возможности и угрозы для образовательной среды. В числе сильных сторон авторы подчеркивают использование продвинутой модели обработки естественного языка, способствующая расширению доступа к информации, персонализированному и углублённому обучению, а также снижению нагрузки на преподавателей, повышая тем самым эффективность выполнения ключевых образовательных задач. В то же время среди слабых сторон указывается отсутствие глубокого понимания, сложности с оценкой качества генерируемых ответов, риск предвзятости и дискриминации, а также неспособность системы к проявлению высших мыслительных навыков.

В этом контексте особенно важным становится переосмысление подходов к разработке учебных заданий **[12].** Использование ChatGPT и других языковых моделей в обеспечении персонализированного учебного опыта **[22]**, а также потенциал адаптивного обучения для содействия достижению более высоких образовательных целей **[11]**, делают его эффективным инструментом при разработке заданий, ориентированных на развитие когнитивных навыков.

В-третьих, использование технологии искусственного интеллекта, особенно в форме генеративного ИИ (GenAI), имеет тенденцию к расширенному применению в обучении, однако характер и степень интеграции существенно различаются на разных уровнях образовательной системы. В школах технологии ИИ применяются преимущественно для выполнения базовых организационно-административных задач (например, автоматическая генерация справок), тогда как в университетской среде они всё чаще становятся осознанным инструментом индивидуального и академического развития. Студенты используют ИИ для написания эссе, подготовки презентаций, перевода текстов и самостоятельного обучения, в то время как преподаватели применяют его для разработки учебных материалов, тестов и сценариев занятий. Несмотря на рост применения ИИ в образовании, существующая исследовательская повестка в значительной степени сосредоточена на этических аспектах, регуляторных вопросах и потенциальных рисках. Где сравнительно мало внимания уделяется восприятию и практическому опыту самих студентов как ключевых агентов трансформации в сфере высшего образования. Изучение именно студенческого взгляда на генеративный ИИ приобретает особую значимость, поскольку эта группа выступает не только в роли активных пользователей, но и драйверов изменений в образовательной культуре. В связи с чем

необходимо сместить фокус исследований от нормативных и управленческих дискуссий к эмпирическому анализу практик, установок и перспектив внедрения GenAI в повседневную учебную деятельность студентов.

По мере развития технологий обработки данных и вычислений искусственный интеллект (ИИ) трансформирует современное образование и часто называется искусственным интеллектом в образовании (ИИО). Искусственный интеллект (ИИ) в образовании (ИИО) превратился в значительный массив литературы с различными точками зрения **[21].** Существующие исследования в области искусственного интеллекта в образовании (ИИО) охватывают широкий спектр приложений, включая адаптивное и персонализированное обучение, интеллектуальные системы оценки и управления, профилирование учащихся и прогнозирование их академических результатов, а также разработку новых цифровых образовательных продуктов. Такие приложения, как интеллектуальные системы обучения, панели аналитики обучения, адаптивные обучающие платформы и человеко-компьютерное взаимодействие, продемонстрировали значительный потенциал для улучшения преподавания и обучения **[26]**. Алгоритмы ИИ и образовательные роботы становятся неотъемлемой частью систем управления обучением и подготовки, обеспечивая поддержку широкого спектра учебной деятельности **[9]**.

Более широкое принятие и доверие к ИИ, сопровождаемые ростом знаний, образования и аналитических навыков, могут изменить общественное восприятие технологий ИИ в положительную сторону. Позитивное отношение способствует развитию *грамотности в области ИИ (AI literacy)* – совокупности компетенций, которые позволяют людям критически оценивать ИИ-технологии, эффективно взаимодействовать и сотрудничать с ИИ, а также использовать его как инструмент в повседневной жизни, онлайн и в профессиональной сфере. Как подчёркивают **[17]**, AI literacy включает способность понимать и оценивать концепции ИИ с опорой на этические нормы. Становится особенно важным формировать положительные установки и ценности в отношении ИИ-систем через обучение, направленное не только на освоение технологий, но и на развитие способности к их критическому осмыслению. Более глубокое понимание и практическое освоение ИИ помогает снижать негативные установки в отношении этих технологий **[8].** Результаты других исследований подтверждают, что развитие *AI literacy* облегчает овладение базовыми навыками, необходимыми для жизни, обучения и работы в современном цифровом обществе **[23].**

Согласно когнитивной модели обучения John Biggs **[7]**, восприятие студентами своей учебной среды, уверенность в собственных способностях и предпочтительные стратегии обучения оказывают непосредственное влияние на глубину их познавательной активности и академические результаты. Эта теория актуальна в контексте изучения отношения студентов к технологиям генеративного ИИ, которые становятся новым элементом образовательной среды.

В серии эмпирических исследований анализируется, насколько студенты университетов знакомы с технологиями GenAI (в первую очередь с такими как ChatGPT), как они их используют и какие видят преимущества и угрозы. Например, в исследовании **[10]** было установлено, что студенты, обладающие высоким уровнем понимания принципов работы искусственного интеллекта, выражали меньшую обеспокоенность в связи с его применением. Однако, как показало исследование **[14]**, даже при высоком уровне информированности студенты нередко проявляли амбивалентность: с одной стороны, они признавали потенциальные преимущества ИИ, с другой – выражали обеспокоенность его влиянием на рынок труда и профессиональное будущее.

Анализ данных, полученных в исследовании V. Kuleto, проведённом в Сербии среди 103 студентов, позволил авторам построить регрессионную модель, отражающую восприятие потенциала ИИ и машинного обучения (ML) в высшем образовании. Согласно этой модели, ключевыми преимуществами ИИ являются возможности персонализированного обучения, развитие навыков, создание среды для сотрудничества, а также повышение эффективности и безопасности образовательных учреждений. Степень согласованности индикаторов указывает на устойчивое и позитивное восприятие технологий. При этом, как показывает структура модели, повседневное использование ИИ яв-

ляется ключевым фактором, формирующим общее отношение к ML, а затем и к ИИ в более широком смысле. Это подтверждает тезис о том, что именно практический опыт взаимодействия с технологиями влияет на отношение и готовность студентов к их интеграции в образовательный процесс **[16].**

Согласно данным международных исследований McKinsey **[18]**, значительная часть рабочего времени преподавателей уходит на выполнение административных задач и оценивание учебных достижений студентов, в то время как непосредственное взаимодействие с обучающимися занимает меньшую долю. В этом контексте потенциал GenAI особенно высок в оптимизации рутинных процессов, что позволяет высвободить время для деятельности, менее поддающейся стандартизации, такой как менторство, вовлечение и индивидуальное сопровождение.

В российской академической среде наблюдается растущий интерес к вопросам, связанным с генеративным искусственным интеллектом (GenAI). В исследовании Л. В. Константиновой и др. **[2]** определены пять различных групп мнений относительно перспектив использования GenAI в образовании – от сторонников полного запрета до приверженцев его активного внедрения в учебный процесс. Среди возможных последствий распространения таких технологий авторы называют смену образовательной парадигмы, трансформацию роли преподавателя и необходимость разработки новых нормативных и этико-правовых рамок. Исследования М. В. Субботиной **[6]**, а также ученых из НИУ ВШЭ выявляют тенденции переосмысления университетами собственной миссии и адаптации образовательных практик к изменяющейся цифровой реальности, в том числе на основе анализа студенческого опыта и восприятия ими GenAI.

Исследователи НИУ ВШЭ **[3]** отмечают необходимость развития критического мышления и ИИ-грамотности среди студентов и преподавателей, а также адаптации учебных программ и методов оценивания, чтобы максимизировать преимущества ГИИ и минимизировать риски. Вопрос актуализации и обновления учебных программ и традиционных методов обучения также поднимается и в работе Н. В. Соколова **[5]**. Автор считает, что ИИ является мощным инструментом для модернизации образования, но его внедрение требует решения инфраструктурных, педагогических и этических проблем.

Вопрос автоматизации и оптимизации рутинных и административных процессов в образовании также поднимается российскими исследователями. В работе А. В. Платова **[4]** ИИ анализируется как технологический инструмент, который оптимизирует и улучшает образовательный процесс в университете. В. В. Казарина **[1]** отмечает возможность использования инструментов ИИ для анализа образовательных траекторий и адаптации обучения, автоматизации рутинных задач (проверка работ, администрирование) для высвобождения времени педагогов. Таким образом, современная научная дискуссия подчёркивает необходимость двустороннего подхода к интеграции генеративного искусственного интеллекта (GenAI) в сферу образования: наряду с институциональными стратегиями и нормативно-правовым регулированием особое значение приобретает учёт эмпирических данных о восприятии, мотивации и практическом опыте студентов как активных участников и соавторов трансформации образовательного процесса.

Методология

Цель исследования состоит в изучении восприятия студентами технологий генеративного искусственного интеллекта (GenAI), а также в определении значимых социально-демографических и поведенческих характеристик (частота, цели и условия использования GenAI, наличие обучения, особенности технической инфраструктуры) связанных с положительным или настороженным отношением к ним.

Эмпирическая часть исследования построена на основе количественного дизайна и реализована с использованием онлайн-опроса, что позволило охватить определённую выборку респондентов и обеспечить анализ полученных данных.

В качестве инструментария в исследовании адаптирована анкета, разработанная Slobodan Adžić и Tijana Savić Tot для онлайн-опроса студентов из Сербии и Австрии **[25].** Отправной точкой послужило стремление изучить,

какие инструменты генеративного искусственного интеллекта (GenAI) студенты используют в академической деятельности, а также выявить их общее отношение к ИИ. Анкета включала 30 вопросов: пять из которых определяли демографические характеристики респондентов; один вопрос являлся открытым, позволивший участникам оставить развёрнутые комментарии. Оценка отношения и мнений студентов по поводу генеративного ИИ осуществлялась с использованием пятибалльной шкалы Лайкерта, где 1 обозначало полное несогласие, а 5 – полное согласие с утверждениями. На основе ответов, связанных с практиками использования и установками в отношении генеративного ИИ, были построены две интегральные переменные: индекс использования генеративного ИИ и индекс отношения к генеративному ИИ, что позволило провести дальнейший количественный анализ и выявить взаимосвязи между индивидуальными характеристиками студентов и их восприятием искусственного интеллекта в образовательной среде.

В использованной нами версии анкета была скорректирована и дополнена следующими вопросами:

- Открытый вопрос о технологиях, платформах и LLM, используемых студентами;
- Вопрос о городе проживания (с последующей категоризацией: крупные города vs прочие);
- Альтернативный вопрос о возможности замены преподавателя ИИ;
- Дихотомический вопрос о том, учат ли преподаватели работать с ИИ-технологиями.

Во вводной части анкеты были сформулированы цели исследования, представлено определение генеративного искусственного интеллекта (GenAI), а также обозначены ключевые условия участия: добровольность, анонимность и согласие респондентов на использование полученных данных в академических целях.

Данные были собраны методом удобной выборки через онлайн-платформу. В опросе приняли участие студенты из России (n = 321) и Казахстана (n = 120). Метод имеет ряд ограничений: неслучайность выборки, возможный перекос в сторону активных и мотивированных респондентов, а также отсутствие контроля за идентичностью участников. Следовательно, возможности генерализации полученных данных на всю студенческую популяцию ограничены. Далее, говоря об ИИ, мы будем иметь в виду преимущественно генеративный ИИ, а именно такие его инструменты, как ChatGPT, DeepSeek, Perplexity, Gemini, GigaChat, Claude. Однако в образовании ИИ используется шире, включая не только генеративные функции, но также функции перевода текста, проверки грамматики и проч.

Гипотезы исследования

1. Предполагается, что существует положительная зависимость между частотой использования ИИ в обучении и уровнем положительного восприятия данных технологий студентами.

2. Пол студента является значимым фактором, влияющим на отношение к ИИ, при этом обучающиеся мужского пола проявляют более позитивное отношение к ИИ, чем женского.

3. Существует различие в восприятии технологий генеративного ИИ в зависимости от уровня обучения: чем выше уровень и курс обучения, тем менее позитивным является отношение студентов к данным технологиям.

4. Место обучения (крупный мегаполис или город меньшей размерности) оказывает влияние на отношение студентов к технологиям ИИ, при этом студенты из мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга, Алматы и Астаны) оценивают технологии генеративного искусственного интеллекта более положительно, чем студенты из менее крупных городов.

5. Существует положительная зависимость между используемых студентом цифровых устройств в учебных целях и уровнем его позитивного отношения к ИИ.

6. Наличие у студентов опыта по использованию технологий ИИ оказывает положительное влияние на отношение студентов к ним.

Переменные

Поведенческие характеристики использования GenAI (независимые переменные):

Индекс использования ИИ – это суммарный показатель частоты и разнообразия применения ИИ-инструментов в учебных целях, рассчитанный на основе 13 пунктов, каждый из которых оценивался по 5-балльной шкале Лайкерта (где 1 – полное несогласие, а 5 – полное согласие), включая такие виды использования, как поиск информации, генерация идей, проверка знаний, осмысление проектов, экономия времени, прояснение понятий, резюмирование текстов, помощь в переводе, оформление ссылок, программирование, проверка грамматики, создание мультимедийного контента и презентаций, с общим диапазоном значений от 13 (минимальное использование) до 65 (максимальное использование).

Количество устройств – переменная, представляющая сумму используемых для учебной или научной работы цифровых устройств из перечня (ноутбук, планшет, смартфон, настольный ПК) либо респондент мог предложить свой вариант устройства.

Обучение ИИ – категориальная переменная с вариантами "да/нет", представляющая ответы на вопрос: "Преподаватели университета учат вас работать с инструментами ИИ?".

Социально-демографические переменные:

Пол респондента – категориальная переменная, собрана с помощью вопроса с вариантами ответа: "мужской", "женский". Представлена как категориальная переменная.

Уровень обучения – категориальная переменная, отражающая уровень и курс обучения: бакалавриат (1–4 курс), магистратура (1–2 курс), аспирантура / докторантура. Данные были перекодированы в три четыре группы: 1 курс, 2 курс, старшие курсы бакалавриата, магистратура и далее.

Направление обучения – категориальная переменная, полученная на основе самозаполненного респондентами поля. Все направления были перекодированы в три группы: общественные науки, гуманитарные и прочие, включая естественные, технические, медицинские, IT, экономические и иные области.

Тип города проживания – категориальная переменная, разделяющая города на две группы: крупнейшие города (Москва, Санкт-Петербург, Алматы, Астана) и остальные города. Переменная сформирована из ответа на вопрос о городе проживания.

Зависимая переменная:

Индекс отношения к ИИ отражает общее восприятие ИИ студентами и рассчитывается на основе 7 утверждений (шкала 1–5), включая позитивные ("ИИ – возможность для развития") и негативные ("ИИ опасен", с инверсией значений). Итоговый индекс (сумма баллов) варьируется от 7 до 35.

Для обработки полученных данных использовались инструменты и библиотеки Python – pandas (для загрузки, очистки и предварительной обработки данных), numpy (для выполнения математических операций и работы с массивами), matplotlib и seaborn (для визуализации результатов анализа, включая графики остатков, линии регрессии, распределения переменных и взаимодействий), statsmodels (для построения и интерпретации регрессионных моделей), pingouin (для медиаторного анализа и расчёта показателей надёжности, таких как α Кронбаха).

Для проверки гипотез применялись корреляционный анализ и множественная линейная регрессия. Предположения регрессионного анализа (нормальность остатков, гомоскедастичность, мультиколлинеарность) проверялись с использованием соответствующих диагностических графиков и статистических тестов.

Дескриптивный анализ

Исследуем количественные переменные – индексы использования ИИ и отношения к ИИ, количество устройств. В *таблице 1* приведена описательная, а по этим переменным.

Количество используемых цифровых устройств колеблется от 0 до 5, при этом медианное и 75-процентное значения равны 2, что указывает на наличие

Таблица 1. Описательная статистика по переменным
Table 1. Semantic series from the first popular adjective

Показатель	Индекс использования ИИ	Индекс отношения к ИИ	Кол-во устройств
Количество	441	441	441
Среднее	33,51	24,05	2,05
Стандартное отклонение	12,14	5,35	0,74
Минимум	13	8	0
25-й перцентиль	25	20	2
Медиана (50%)	33	24	2
75-й перцентиль	40	28	2
Максимум	65	35	5

Примечание: составлено авторами статьи по результатам исследования.
Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

у большинства респондентов двух устройств. Обращение к данным показало, что эти устройства – ноутбук и смартфон. Так как большинство респондентов используют два устройства, мы не сможем проверить гипотезу 5 о связи количества устройств с отношением к ИИ.

Для проверки внутренней согласованности шкал, лежащих в основе индексов, была рассчитана альфа Кронбаха. Индекс использования ИИ продемонстрировал высокую внутреннюю согласованность (α = 0,912), что позволяет говорить о его надёжности. Индекс отношения к ИИ показал приемлемый уровень согласованности (α = 0,700), однако дальнейший анализ выявил, что удаление отдельных пунктов могло бы незначительно повысить α, например, удаление пункта "необходимости контроля над ИИ" увеличило бы значение α на 0,039.

Анализ категориальных переменных выявил несбалансированность выборки по ряду характеристик (*табл. 2*). В данных есть два пропуска – у двух респондентов не указан город проживания.

Результаты и их обсуждение

Согласно полученным в ходе опроса данным, 81 % респондентов используют технологии искусственного интеллекта в учебной и научной деятельности.

Большинство опрошенных в академической деятельности используют ChatGPT (40,2 %), DeepSeek (27,5 %), Perplexity (5,9 %), GigaChat (4,9 %), Яндекс Алиса/Нейро (4,2 %), Телеграм-боты ChatGPT (5,7 %). Меньшая доля приходится на такие сервисы, как Qwen (2,5 %), Gemini (3,8 %), Gamma (2,1 %), Grok (0,8 %), OpenAI (1,3 %), ClaudeAI (0,4 %) и различные специализированные сервисы (Scite, Typeset, You.com и др. – по 0,4 %, а также сервисы генерации презентаций и изображений – 0,2%).

Для проверки гипотез построим регрессионную модель, где зависимая переменная – индекс отношения к ИИ. В качестве предикторов добавим в модель индекс использования ИИ, пол, уровень обучения, направление обучения, город проживания. Переменная "город проживания" не оказывает статистически значимого влияния на зависимую переменную, поэтому она не будет включена в итоговое регрессионное уравнение (гипотеза 4 не подтверждается).

Данные регрессионной модели представлены в *таблице 3.*

Модель объясняет около 13,3 % вариативности отношения к ИИ. Согласно F-статистике, модель в целом статистически значима (p <0,001). Муль-

Таблица 2. Характеристики категориальных переменных выборки (n = 441)
Table 2. Characteristics of categorical sample variables (n = 441)

Переменная	Категория	n	%
Пол	Женский	317	71,9
	Мужской	124	28,1
Уровень обучения	1 курс	207	47,0
	2 курс	60	13,6
	Старшие курсы	69	15,6
	Магистратура и далее	105	23,8
Тип города проживания	Москва и Санкт-Петербург	103	23,4
	Другие города России	219	49,7
	Алматы и Астана	98	22,2
	Другие города Казахстана	19	4,3
	Неизвестно	2	0,5
Направление обучения	Общественные науки	209	47,4
	Гуманитарные науки	121	27,4
	Прочие	111	25,2
Преподаватели обучают ИИ	Да	116	26,3
	Нет	325	73,7

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.
Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

тиколлинеарности нет, все VIF < 5. Модель интерпретируема, предикторы линейно независимы.

Опишем значения полученных коэффициентов:

- при увеличении индекса использования ИИ на 1 балл, индекс отношения к ИИ увеличивается в среднем на 0,11 балла – связь положительная и статистически значимая (подтверждает гипотезу 1);
- студенты мужского пола в среднем относятся к ИИ лучше, чем студенты женского пола, на 1,74 балла (подтверждает гипотезу 2);
- студенты общественных наук оценивают ИИ более позитивно, чем студенты, обучающиеся на гуманитарных специальностях, разница статистически значима; а для студентов прочих специальностей разница с гуманитариями незначима;
- чем выше уровень обучения, тем менее позитивно отношение к ИИ, особенно у магистрантов (подтверждает гипотезу 3).

Проверка модели показала, что она в целом удовлетворяет требованиям к построению линейной регрессии. Остатки не демонстрируют выраженной гетероскедастичности или систематических ошибок.

Для проверки гипотезы 6 была проанализирована опосредованность индекса использования ИИ и связи между переменной "обучение ИИ" (бинарный индикатор того, обучают ли преподаватели студентов ИИ-технологиям) и нашей зависимой переменной – индексом отношения студентов к ИИ. Несмотря на то, что переменная "обучение ИИ" не продемонстрировала статистически значимого прямого влияния на отношение к ИИ в базовой регрессионной модели, мы провели медиаторный анализ (следуя за Shrout & Bolger **[23]**).

Медиаторная модель представлена на *рисунке 1*.

В модели M (медиатор): результаты показали, что если преподаватели не обучают ИИ, то индекс использования ИИ у студентов в среднем ниже на 3. 05 балла (–3,05, p = 0,021).

Таблица 3. Данные регрессионной модели
Table 3. Regression model data

Переменная	β	p-значение
Константа	–	< ,0001
Пол = мужской	1,74	0,001
Направление = общественные науки	1,23	0,038
Направление = прочие	0,54	0,419
Уровень обучения = 2 курс	−2,61	0,001
Уровень обучения = магистратура и далее	−2,48	< ,0001
Уровень обучения = старшие курсы	−1,27	0,084
Индекс использования ИИ	0,11	< ,0001

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.
Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

В модели Y (зависимая переменная – отношение к ИИ): Модель включала оба предиктора (обучение ИИ и индекс использования ИИ) и объясняла около 13,9 % дисперсии отношения к ИИ. Чем чаще студент использует ИИ, тем положительнее он к нему относится (0, 113, p <0,001). В то же время прямое влияние "обучение ИИ" оказалось положительным, но статистически незначимым (0,916, p = 0,100).

Оценим косвенный эффект:

$a \times b = -3{,}05 \times 0{,}1130 = -0{,}3441$

Таким образом, было выявлено отрицательное опосредованное влияние: отсутствие преподавания ИИ снижает уровень его использования, что, в свою очередь, снижает положительное отношение к ИИ. Это указывает на наличие медиаторного пути с негативным эффектом.

Заключение

Результаты проведённого исследования показали, что отношение студентов к искусственному интеллекту в образовательной среде существенно варьируется в зависимости от пола, уровня и направления подготовки, а также частоты использования ИИ-инструментов. Студенты, обучающиеся по направлениям социальных наук, как правило, демонстрируют более позитивное восприятие ИИ, тогда как старшекурсники и магистранты проявляют большую осторожность и критичность по отношению к данным технологиям. Выявлена устойчивая положительная связь между активным использованием ИИ в учебной деятельности и положительным отношением к технологиям искусственного интеллекта. Практики и сценарии использования генеративного искусственного интеллекта GenAL можно разбить по категориям: академическая работа (подготовка конспектов, объяснение сложных тем, подготовка к экзаменам); письменные задания (помощь в написании эссе, редактирование и улучшение текстов, переводы и парафраз). GenAL широко применяется магистрантами и докторантами в научно-исследовательской деятельности – от генерации идей для проектов и исследований, анализа данных, до поиска и анализа литературы. При этом важно учитывать вопросы этики и ответственности: студенты должны осознавать ограничения технологии и использовать её как вспомогательный инструмент, не подменяющий собственное мышление и академическую честность.

Анализ барьеров использования генеративного искусственного интеллекта студентами показывает, что, несмотря на растущую популярность технологии, ее применение сталкивается с рядом ограничений: (1) наблюдается недостаток цифровой грамотности среди студентов; (2) неуверенность в досто-

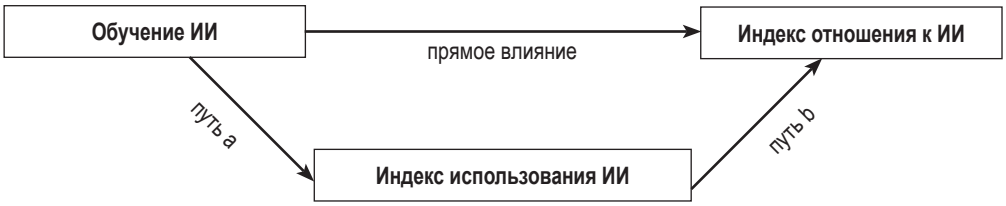


Рис. 1. Медиаторная модель

Источник: составлено авторами статьи по результатам исследования.

Fig. 1. Mediator model

Source: compiled by the authors of the article based on the research results.

верности информации; (3) технические барьеры, включающие ограниченный доступ к качественным инструментам (платные подписки, нехватка ресурсов и другое).

Особую роль в формировании отношения студентов к ИИ играет педагогический фактор. Несмотря на то, что прямое влияние преподавания основ ИИ на отношение к технологиям не оказалось статистически значимым, медиаторный анализ выявил важную опосредующую связь: преподавание ИИ способствует увеличению частоты его использования, а уже само использование оказывает позитивное влияние на отношение студентов. Таким образом, отсутствие целенаправленного преподавания ИИ ведёт к его меньшему использованию, что, в свою очередь, связано с менее позитивным восприятием данных технологий.

Полученные результаты подчёркивают значимость интеграции ИИ в образовательный процесс не только с целью формирования прикладных цифровых компетенций, но и для развития у студентов положительного отношения к инновационным технологиям как важного условия их дальнейшего эффективного применения в академической и профессиональной деятельности. Позитивное восприятие ИИ может выступать важным фактором цифровой готовности выпускников и их адаптивности к изменяющимся требованиям рынка труда.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, в частности за счёт включения студентов инженерных и технических направлений подготовки, а также с более детальным анализом влияния преподавания ИИ в различных образовательных контекстах (университеты, дисциплины, курсы, форматы подачи материала). Представляется также важным изучение динамики отношения к ИИ и его использования в образовательной среде во времени, включая повторные замеры и лонгитюдные подходы. Отдельного внимания заслуживает кросс-культурный анализ, в частности сравнение установок и практик студентов из России и Казахстана, что позволит глубже понять роль национальных и институциональных факторов в формировании цифровых установок и поведения.

Литература / References

1. Казарина В. В. Барьеры внедрения искусственного интеллекта в образование: мифы и реальность // Педагогический имидж. 2021. Т. 15. № 4 (53). С. 382–397. https://doi.org/10.32343/2409-5052-2021-15-4-382-397
   Kazarina V. V. Barriers to the implementation of artificial intelligence in education: Myths and reality // Pedagogical Image. 2021. Vol. 15. No. 4 (53). P. 382–397. https://doi.org/10.32343/2409-5052-2021-15-4-382-397 (In Russ.).
2. Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М. [и др.]. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36–48. https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48
   Konstantinova L. V., Vorozhikhin V. V., Petrov A. M. [et al.]. Generative artificial intelligence in education: Discussions and forecasts // Open Education. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 36–48. https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48 (In Russ.).

3. Кузьминов Я. И. [и др.]. Начало конца или новой эпохи? Эффекты генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 64 с. (Современная аналитика образования; № 8 (82)).
Kuzminov Ya. I. [et al.]. Or the beginning of the end of a new era? Effects of generative artificial intelligence in higher education. Moscow: HSE University, 2024. 64 p. (Modern Analytics of Education; No. 8 (82)). (In Russ.).
4. Платов А. В., Гаврилина Ю. И. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10. № 1. С. 26–43. https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3
Platov A. V., Gavrilina Yu. I. Artificial intelligence in education: Evolution and barriers // Research Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 26–43. https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3 (In Russ.).
5. Соколов Н. В., Виноградский В. Г. Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76–2. С. 166–169.
Sokolov N. V., Vinogradsky V. G. Artificial intelligence in education: Analysis, prospects and risks in the Russian Federation // Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. No. 76–2. P. 166–169. (In Russ.).
6. Субботина М. В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 176–183. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183
Subbotina M. V. Artificial intelligence and higher education: Enemies or Allies // RUDN Journal of Sociology. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 176–183. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183 (In Russ.).
7. Biggs J. What the student does: Teaching for enhanced learning // Higher Education Research & Development. 1999. Vol. 18. No. 1. P. 57–75.
8. Cengiz S., Peker A. Generative artificial intelligence acceptance and artificial intelligence anxiety among university students: the sequential mediating role of attitudes toward artificial intelligence and literacy // Current Psychology. 2025. Vol. 44. P. 7991–8000. https://doi.org/10.1007/s12144-025-07433-7
9. Costa B., Fonseca B., Santana M. A., Ferreira de Araújo F., Rego J. Evaluating the effectiveness of educational data mining techniques for early prediction of students' academic failure in introductory programming courses // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 73. P. 247–256.
10. Dahmash A. B., Alabdulkareem M., Alfutais A., Kamel A. M., Alkholaiwi F., Alshehri S., Zahrani Y. A., Almoaiqel M. Artificial intelligence in radiology: Does it impact medical students preference for radiology as their future career? // BJR Open. 2020. Vol. 2. No. 1. 20200037. https://doi.org/10.1259/bjro.20200037
11. Gašević D., Siemens G., Sadiq S. Empowering learners for the age of artificial intelligence // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2023. Vol. 4. 100130. https://doi.org/10.1016/j.caeai.2023.100130
12. Farrokhnia M., Baggen Y., Biemans H., No.roozi O. Bridging the fields of entrepreneurship and education: The role of philosophical perspectives in fostering opportunity identification // The International Journal of Management Education. 2022. Vol. 20. No. 2. 100632. https://doi.org/10.1016/j.ijme.2022.100632
13. Farrokhnia M., Banihashem S. K., No.roozi O., Wals A. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research // Innovations in Education and Teaching International. 2023. Vol. 61. No. 3. P. 460–474. https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2195846
14. Jefrey T. Understanding college student perceptions of artificial intelligence // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2020. Vol. 18. No. 2. P. 8–13. URL: https://www.iiisci.org/journal/sci/FullText.asp?var=&id=HB785NN20 (accessed 10.07.2025).
15. Kelly A., Sullivan M., Strampel K. Generative artificial intelligence: University student awareness, experience, and confidence in use across disciplines // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2023. Vol. 20. No. 6. https://doi.org/10.53761/1.20.6.12
16. Kuleto V., Ilić M., Dumangiu M., Ranković M., Martins O. M. D., Păun D., Mihoreanu L. Exploring Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence and Machine Learning in Higher Education Institutions // Sustainability. 2021. Vol. 13. No. 18. 10424. https://doi.org/10.3390/su131810424
17. Long D., Magerko B. What is AI literacy? Competencies and design considerations // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2020. P. 1–16. https://doi.org/10.1145/3313831.3376727
18. McKinsey. Global Teacher and Student Survey. Average of Canada, Singapore, United Kingdom, and United States in 2017. 2017. URL: https://www.mckinsey.com/industries/public-and-social-sector/our-insights/how-artificial-intelligence-will-impact-k-12-teachers (accessed 10.07.2025).
19. Perera P., Lankathilaka M. AI in higher education: A literature review of ChatGPT and guidelines for responsible implementation // International Journal of Research and Innovation in Social Science. 2023. Vol. 7. No. 6. P. 306–314.

20. Sánchez-Ruiz L. M., Moll-López S., Nuñez-Pérez A., Moraño-Fernández J. A., Vega-Fleitas E. ChatGPT challenges blended learning methodologies in engineering education: A case study in mathematics // Applied Sciences. 2023. Vol. 13. No. 10. 6039. https://doi.org/10.3390/app13106039
21. Wang S., Wang F., Zhu Z., Wang J., Tran T., Du Z. Artificial intelligence in education: A systematic literature review // Expert Systems with Applications. 2024. Vol. 252. 124167. P. 1–19.
22. Shen Y., Heacock L., Elias J., Hentel K. D., Reig B., Shih G., Moy L. ChatGPT and other large language models are double-edged swords // Radiology. 2023. Vol. 307(2). e230163.
23. Shrout P. E., Bolger N. Mediation in experimental and nonexperimental studies: New procedures and recommendations // Psychological Methods. 2002. Vol. 7. P. 422–445.
24. Sullivan M., Kelly A., McLaughlan P. ChatGPT in higher education: Considerations for academic integrity and student learning // Journal of Applied Learning and Teaching. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 1–10. URL: http://dx.doi.org/10.37074/jalt.2023.6.1.17 (accessed 10.07.2025).
25. Understand Student Attitudes Towards AI Tools Dataset // Mendeley Data. URL: https://data.mendeley.com/datasets/yz47kwzrx2/1 (accessed 10.07.2025).
26. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – Where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. 39.

◆

Информация об авторах

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук, профессор, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexandra.filipova77@gmail.com

Евгения Евгеньевна Абросимова, канд. соц. наук, доцент кафедры общей и юридической психологии Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: gaijony@mail.ru

Гульмира Сериковна Абдирайымова, д-р соц. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

Information about the authors

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Childhood Studies, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, e-mail:

Evgeniya E. Abrosimova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of General and Legal Psychology, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: gaijony@mail.ru

Gulmira S. Abdiraiymova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

Поступила в редакцию 17.07.2025 Одобрена после рецензирования 11.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 17.07.2025 Approved 11.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 52–62.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 52–62.

Научная статья
УДК 316.2
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62

Генеративные нейронные сети в эмпирическом социологическом исследовании: возможности и ограничения

Владимир Алексеевич Смирнов
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, kano_igt@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется использование алгоритмов искусственного интеллекта в профессиональных практиках социологов-эмпириков, в частности, исследуются возможности и ограничения применения генеративных нейронных сетей для разработки программы исследования, обработки и анализа данных. Предлагается типология нейронных сетей, используемых при проведении исследований и анализе данных, а также выделяются ключевые практики их использования. Представлено осмысление отдельных возможностей и ограничений инкорпорирования генеративных нейронных сетей в профессиональные практики социологов-эмпириков.
Ключевые слова: *эмпирическая социология, генеративные нейронные сети, большие языковые модели, искусственный интеллект*
Для цитирования: Смирнов В. А. Генеративные нейронные сети в эмпирическом социологическом исследовании: возможности и ограничения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 52–62. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62

Generative Neural Networks in Empirical Sociological Research: Opportunities and Limitations

Vladimir A. Smirnov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, kano_igt@mail.ru

Abstract. The article analyzes the use of artificial intelligence algorithms in the professional practices of empirical sociologists, in particular, it explores the possibilities and limitations of using generative neural networks for developing research program, processing, and analyzing data. The article proposes a typology of neural networks used in research and data analysis, and highlights key practices for their use. It also provides insights into the specific possibilities and limitations of incorporating generative neural networks into the professional practices of empirical sociologists.
Key words: *empirical sociology, generative neural networks, large language models, artificial intelligence*
For citation: Smirnov V. A. Generative Neural Networks in Empirical Sociological Research: Opportunities and Limitations // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 52–62.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62

Введение

Генеративные нейронные сети (далее ГНС) – бурно развивающийся сегмент искусственного интеллекта. Это тип нейронных сетей, в основе которых лежит способность генерировать новые данные, не существующие в первоначальном наборе, но максимально похожие на реальные **[17]**.

Очевидным становится тот факт, что дальнейшее развитие генеративного искусственного интеллекта приведёт к важнейшим изменениям в профессиональных практиках, осуществляемых людьми. Затрагивает этот процесс и эмпирическую социологию **[13]**.

Сегодня всё больше исследователей начинают экспериментировать с технологиями искусственного интеллекта. Так, например, психологи активно изучают возможности ГНС для первичной психологической поддержки клиентов **[28]**, анализируют их через призму психометрических методик, формируя различные психологические профили больших языковых моделей **[29]**. Всё больше исследователей используют генеративные нейронные сети для работы с различного рода психическими заболеваниями и отклонениями **[20; 23]**.

Сегодня можно встретить работы, в которых авторы используют большие языковые модели для конструирования логики социологического исследования в целом **[10]**, а также анализируют, например, каким образом социокультурные стереотипы, характерные для того или иного сообщества, трансформируются в предвзятости нейронных сетей и в дальнейшем воспроизводятся при выдаче результатов пользовательских запросов **[14]**.

Представляется важным исследовать особенности проникновения генеративных нейронных сетей в профессиональные практики социологов-эмпириков, таких как: разработка программы социологического исследования,

© Смирнов В. А., 2025

приведение данных к "опрятному виду", анализ и представление результатов исследования. Их выбор обусловлен тем, что именно они являются ключевыми при проведении эмпирического социологического исследования. Кроме этого, эти практики становятся областью интенсивных экспериментов по использованию алгоритмов искусственного интеллекта при организации и проведении исследования.

Целью настоящей статьи является анализ возможностей и ограничений использования генеративных нейронных сетей в контексте реализации указанных профессиональных социологических практик.

Искусственный интеллект в социологическом исследовании: основные направления дискуссий

Обсуждение вопросов, связанных с проникновением технологий искусственного интеллекта в эмпирические социологические исследования, строится сегодня вокруг нескольких ключевых тем.

Во-первых, это обсуждение будущего эмпирической социологии, вытеснение её технологиями машинного обучения и анализом больших данных. Фактически речь идет о том, что классическое выборочное социологическое исследование должно быть заменено анализом цифровых "следов", что позволит не только репрезентировать происходящие социальные процессы, но и предсказать их динамику и последствия. Часть радикально настроенных представителей современных компьютерных наук полагают, что "…мы можем анализировать данные без гипотез о том, какие связи должны в них присутствовать. Мы можем поместить все эти цифры в самые большие компьютеры, какие только известны миру, и позволить статистическому алгоритму найти паттерн там, где его не видит наука…" **[24, с. 4]**. Экспансия "вычислительных социальных наук" вызывает значительное число споров и противостояний социологов и аналитиков данных **[24]**. Очевидно, что широкое распространение генеративных нейронных сетей лишь усиливает эту дискуссию.

Во-вторых, развитие алгоритмов искусственного интеллекта имплицитно актуализирует спор между приверженцами "кнопочных интерфейсов" и "кодерами" **[15]**. Сущность настоящей дискуссии в осмыслении важности "осознавания" социологом процесса манипулирования данными, что наиболее выражено проявляется именно в ситуации написания кода. Это можно рассматривать как процесс экстернализации внутренней логики работы социолога с эмпирическими данными. Этого невозможно достичь, следуя ограниченному набору паттернов, заложенных разработчиками в специализированные программы.

Сегодня это противостояние становится более дифференцированным за счёт тех исследователей, кто потенциально готов к ещё большему "отчуждению" от "ручного" анализа данных и замене "кнопочного интерфейса" грамотно сформулированным промтом для генеративной нейронной сети.

В-третьих, появление больших языковых моделей, использование их в профессиональных социологических практиках обнажает дискуссию о валидности и надежности выдаваемой нейронной сетью информации. Ряд исследователей стараются не обращать внимание на это обстоятельство, концентрируясь на эффектах, получаемых от использования генеративных нейронных сетей **[21]**, убеждая себя в возможности критически оценивать полученный результат. Так участник одной из дискуссий достаточно чётко сформулировал данную позицию: "сейчас у нас какие-то базовые болванки анкет чат (имеется в виду ChatGPT) быстрее собирает. Да, это надо проверять, да, это надо обсуждать, понимать, на самом деле, как был сформирован запрос, хорошо или нет. Ну как бы человек, вооружённый чатом, действует быстрее человека, пардон, вооружённого Excel..." **[2]**. С другой стороны, большое число исследователей занимают достаточно критическую позицию в отношении использования генеративных нейронных сетей при разработке и реализации социологического исследования, указывая не только на факт их предвзятости и непрозрачности, но и на потерю социологом целого спектра профессиональных компетенций **[25]**.

Типология нейронных сетей в контексте реализации профессиональных практик социолога-эмпирика

Сегодня можно выделить три группы нейронных сетей, которые в том или ином качестве используются в работе социологов-исследователей. Выделяемые ниже группы зачастую могут решать сходные задачи, их различие, с нашей точки зрения, заключается в степени их универсальности / ориентации на решение специализированных задач.

Первая группа – это универсальные нейронные сети, доступные всем пользователям и не имеющие каких-либо специфических особенностей. Наиболее известными моделями данной группы являются российская YandexGPT, американская ChatGPT, китайская Deepseek.

В контексте эмпирического социологического исследования данные сети чаще всего используются для выполнения рутинных операций, таких как проверка орфографии и пунктуации, перевод аннотации и т. д. **[19]**.

Исследователи, в том числе социологи, проводят достаточно много экспериментов, связанных с использованием больших языковых моделей в своей работе. В литературе описываются эксперименты по использованию сетей для анализа социально-политических теорий и подготовки на основе них статей или эссе **[11]**, подготовки элементов исследовательских гайдов или же отдельных блоков анкеты с дальнейшей корректировкой социологом **[2]**.

Вторая группа – более специализированные нейронные сети, ориентированные на исследователей. Этот тип алгоритмов также не предназначен только для социологов, тем не менее функционально он сфокусирован на решении профессиональных научных задач.

Основной направленностью данного типа сетей является работа с источниками и литературой, составление библиографического списка под конкретную тему. ГНС позволяют искать публикации на основе запроса исследователя, созданного на естественном языке, используя не только ключевые слова, введённые пользователем, но и самостоятельно генерируя "тематическое смысловое поле", что позволяет получить расширенный и междисциплинарный набор источников. В качестве примера можно привести платформу Scite[1], в основе которой лежит ряд алгоритмов искусственного интеллекта, обученных на текстах научных публикаций и работающих с основными международными базами цитирований.

Часто социолог-исследователь при организации и проведении эмпирического исследования сталкивается с необходимостью разработки социологического инструментария в новой для него области социальной реальности. Для получения надёжных и валидных результатов исследователю необходимо осуществить операционализацию основных понятий, сформулировать адекватные гипотезы, цели и задачи исследования, изучить результаты схожих работ. Если область исследования является новой для социолога, решение указанных задач традиционными методами может занимать значительный объём времени. В ситуации же использования обученных нейронных сетей такая задача значительно упрощается. В качестве примера можно привести ресурс Elicit[2], в основе которого лежит большая языковая модель, обученная для погружения пользователя в новое исследовательское поле. Наибольший интерес представляет сервис, получивший название "список концепций". В данном случае алгоритм позволяет не просто находить публикации и исследования в области интересов пользователя, но и на основе междисциплинарного дискурса способен предлагать новые идеи, направления и подходы к решению стоящих перед социологом задач.

Третья группа – это нейронные сети, ориентированные на работу с данными, их анализ, преобразование и моделирование. В данной группе можно увидеть как платформенные решения, так и нейронные сети, обучаемые самими исследователями.

---

[1] Платформа Scite. URL: https://scite.ai/assistant (дата обращения: 20.06.2025).

[2] Платформа Elicit. URL: https://elicit.com/ (дата обращения: 20.06.2025).

Если говорить о первой группе, представляет интерес платформа "Sociology Assistant"[3]. Она позволяет осуществить теоретический социологический анализ, получить необходимые методологические рекомендации для проведения количественных и качественных социологических исследований, генерировать описание каких-либо тенденций и трендов в различных областях социальной реальности, а также может представить различные варианты дизайна прикладного исследования в зависимости от задач социолога.

Сегодня появляется всё больше приложений, в основе которых лежат алгоритмы искусственного интеллекта, позволяющие извлекать релевантную информацию из самых разнообразных документов и баз данных, создавать информационные аналитические платформы и дашборды (например, такие приложения как DeepBI[4], NextBI[5], PandaAI[6]).

Что касается алгоритмов, обученных самими исследователями для решения социологических задач, здесь мы можем наблюдать значительное разнообразие моделей, создаваемых под конкретные запросы. Для решения данной задачи отсутствуют специализированные платформы и интерфейсы, и исследователи чаще всего используют самостоятельно созданные нейронные сети, например, с использованием языка программирования Python **[6]**.

Одной из наиболее популярных моделей для работы с текстом, которую исследователь может обучить для анализа открытых вопросов, транскриптов интервью, различных цифровых следов и т. д., является модель BERT[7]. BERT – это предварительно обученная модель, которую можно дообучить под конкретные задачи. Поскольку в основе модели лежат алгоритмы обучения без учителя **[6]**, это делает данную модель достаточно гибкой для решения целого спектра социологических задач, связанных с выявлением латентных закономерностей в текстовых данных.

Алгоритмы третьей группы являются более адаптированными для решения прикладных социологических задач, при этом они требуют подготовки социолога в области анализа современных цифровых данных, понимания логики работы технологий искусственного интеллекта, владения базовыми навыками программирования. Несмотря на тот факт, что далеко не все представители социологического сообщества разделяют идею о важности данных компетенций, по нашему мнению, движение в сторону "погружения в данные" является наиболее оптимальной траекторией современного социального исследователя **[12]**.

Представленная типология позволяет, с одной стороны, увидеть развитие ГНС в конкретных "узкоспециализированных" профессиональных областях, включая эмпирическую социологию, а с другой – увидеть разные типы профессиональных практик социологов в контексте взаимодействия с алгоритмами искусственного интеллекта.

ГНС в профессиональных практиках социологов

Одной из ключевых профессиональных практик в процессе проведения эмпирического социологического исследования является разработка его программы. В случае, когда речь идет о прикладном социологическом исследовании, его программа носит рамочный характер, не претендуя на выявление глубинных социальных проблем и феноменов. Его основная задача – стать опорой для принятия управленческого решения или запуска какого-либо социального проекта **[18]**.

Использование ГНС может стать инструментом для создания прототипа программы эмпирического социологического исследования. Преимуществом

---

[3] Платформа Sociology Assistant. URL: https://www.yeschat.ai/gpts-9t55QZZvXyX-Sociology-Assistant (дата обращения: 20.06.2025)

[4] Платформа DeepBI. URL: https://www.aitoolnet.com/ru/deepbi (дата обращения: 20.06.2025)

[5] Платформа NextBI. URL: https://www.aitoolnet.com/ru/nextbi (дата обращения: 20.06.2025)

[6] Платформа PandaAI. URL: https://www.aitoolnet.com/ru/pandaai (дата обращения: 20.06.2025)

[7] Модель BERT. URL: https://huggingface.co/docs/transformers/model_doc/bert (дата обращения: 20.06.2025)

такого подхода является возможность получить несколько альтернативных вариантов того или иного элемента программы исследования (например, формулировок проблемы, объекта и предмета) или же всего документа в целом.

Приведем пример использования YandexGPT для формулирования перечня возможных проблем исследования по теме "Социальное самочувствие российской молодёжи" (исследование проводилось автором в 2024 г.). Для получения результатов в ГНС использовался режим "рассуждать", который позволяет не только получить сгенерированный результат, но и увидеть процесс "мыследеятельности" алгоритма. ГНС была предложена следующая формулировка промта: "Ты социолог. Перед тобой стоит задача разработать и провести эмпирическое исследование на тему "Социальное самочувствие российской молодёжи". Предложи варианты формулировок исследовательской проблемы". Был получен следующий перечень:

1. Проблема неопределенности будущего.
2. Проблема ценностного разрыва.
3. Проблема регионального неравенства.

После получения первого результата, ГНС был направлен запрос предложить более углубленные формулировки исследовательских проблем по данной тематике. В результате были получены следующие формулировки:

1. Проблема экзистенциальной пустоты в цифровую эпоху.
2. Проблема "двойной идентичности".
3. Проблема "невидимой травмы" поколения Z.
4. Проблема "постгероического нарратива".
5. Проблема "цифрового неравенства 2.0".
6. Проблема "сломанной агентности" (суть: противоречие между желанием молодёжи влиять на свою жизнь и ощущением, что ключевые решения принимаются без их участия (государством, корпорациями, алгоритмами). Аспекты для анализа:

- Феномен "оптимизированной пассивности": использование цифровых инструментов для точечного контроля над жизнью (трекеры привычек) при глобальной беспомощности.
- Парадокс "свободы выбора без свободы последствий" (например, образование есть, но трудоустройство не гарантировано)).

ГНС не просто предложила формулировки проблем, но и дала достаточно подробное описание каждой формулировки, выделив ключевые аспекты (в качестве примера представлена проблема "сломанной агентности"), а также предложила разные исследовательские подходы для разных типов проблем: от количественного опроса в первой группе проблем до "этнографии цифровых пространств" во второй. Таким образом, находясь в диалоге с ГНС, возможно "сконструировать" программу эмпирического исследования шаг за шагом, выделяя наиболее интересные аспекты, предлагаемые алгоритмом.

Несомненным преимуществом такого подхода является способность ГНС выдавать широкий спектр направлений для возможного анализа, при этом многие аспекты, предложенные нейронной сетью, выглядят не очевидными, что дает возможность выйти за рамки профессионального "туннельного" мышления и сформулировать нестандартные исследовательские вопросы.

В то же время, нельзя не заметить и некоторых симптомов галлюцинирования в предложенной выдаче. В частности, термин "сломанная агентность" хоть и является привлекательным и "схватывающим" определенные социальные феномены не встречается в современных социологических теориях. В этом контексте социологу нужно принять решение о возможности включения таких терминов в предметное поле исследования и их операционализации. Отметим, что здесь также возможен дальнейший диалог с нейронной сетью уже в направлении осмысления и концептуализации предложенного ею понятия.

Как отмечалось выше, нейронные сети используются в эмпирических социологических исследованиях и для разработки исследовательского инструментария (анкет, гайдов интервью).

В сообществе исследователей сегодня можно встретить мнения о том, что генеративная нейронная сеть может выступать полноценным разработчиком социологического инструментария. Развитием данной практики является ситуация, когда сеть не только разрабатывает программу, но и генерирует

исследовательское "поле", формируя выборку респондентов по определённым заданным параметрам. В одной из публикаций авторы описывают процесс создания нейронной сетью базы из 2000 респондентов на основе различных литературных персонажей с последующим их социально-психологическим тестированием **[28]**. Можно выдвинуть предположение о том, что подобные эксперименты будут активно продолжаться, что обусловлено развитием таких социальных локальностей, как Метавселенные **[1]**, генерирующих новые формы социальности и структурирования своего свободного времени. Пространства "second life" активно используются сегодня для проведения переговоров, консультаций и т. д. **[30]**, их развитие приведет к необходимости изучения и описания виртуальных сообществ, социальных структур, групп, стратификации и неравенства.

Перспективным направлением использования генеративных нейронных сетей является предобработка социологических данных **[16]**, приведение их к "опрятному" виду. В условиях увеличения источников данных для проведения эмпирического социологического исследования остро встает вопрос их обработки, устранения пропусков, дубликатов и т. д. Данная тематика начала актуализироваться достаточно давно **[4]**, но с бурным развитием генеративных нейронных сетей её решение вышло на новый уровень **[3]**. В данном контексте решаемые задачи могут варьироваться от простых до достаточно сложных. Приведем пример из практики автора, связанный с необходимостью преобразования данных для дальнейшего анализа.

При проведении онлайн-опросов, а также использовании данных из открытых источников часто возникает ситуация, когда данные о каком-либо феномене "слиты" в один признак. Задачей исследователя становится "расслоить" его, для того чтобы иметь возможность анализировать отдельные феномены. Так, например, в одном из исследований наставничества был задан вопрос о мотивации участия в этой деятельности. Поскольку респондент имел возможность выбрать несколько вариантов, все ответы попали в один столбец и были разделены знаком ";". В ситуации, когда таких данных может быть несколько тысяч, их ручная обработка займёт длительное время. Решить проблему средствами специализированных программ типа SPSS – нетривиальная задача, поскольку для этого требуется использовать встроенный язык скриптов. Ситуация легко разрешается с помощью 1–2 строк кода на языках Python или R, но сегодня не все социологи имеют компетенции кодера.

Возможно ли решение данной проблемы с использованием ГНС? Загрузив файл с данными в YandexGPT и сформировав промт: "приведи данный к опрятному виду, разделитель – ";", замени пропуски 0, остальные значения 1" на выходе можно получить таблицу, в которой каждый тип мотивации окажется в отдельном столбце и каждая ячейка будет содержать значение 0 или 1. Таким образом, нейронная сеть "понимает", что такое опрятные данные и способна преобразовать загруженный файл в вид, пригодный для анализа. В то же время, проблемой остаётся то обстоятельство, что ГНС не способна сохранить файл на диске, а вывод преобразованных данных ограничен объёмом оперативной памяти пользовательского компьютера, что не всегда позволяет скопировать всю преобразованную таблицу. Несмотря на это обстоятельство, социолог может использовать преобразованные данные для анализа с помощью ГНС. В данном примере нейронная сеть успешно смогла произвести как одномерное распределение типов мотивации (промт: "проанализируй результаты"), проиллюстрировав результаты на графике, так и провести факторный анализ методом главных компонент (промт: "проведи факторный анализ методом главных компонент"), выведя информацию о факторах, факторных нагрузках и проценте объясняемой дисперсии. Кроме этого, во всех типах анализа были предложены интерпретации, которые могут быть расширены или трансформированы социологом.

Таким образом, ГНС может выступать эффективным инструментом преобразования данных, их адаптации для исследовательских задач социолога, хотя в данный момент и в несколько ограниченном виде.

Ещё одной профессиональной практикой, внутри которой активно происходит освоение ГНС, является собственно анализ данных. Несомненно, классические методы, основанные на статистической оценке и вероятностных моделях также позволяют решать многие исследовательские задачи, но в ус-

ловиях эскалации новых данных социолог не всегда способен охватить всю палитру факторов, предикторов, переменных и тем самым использовать все возможности имеющихся массивов. Кроме этого, сегодня социолог сталкивается с данными, представленными в табличной, текстовой форме, в видео или аудио формате и т. д. Именно эти обстоятельства стимулируют интерес к ГНС, которые способны интегрировать их все, представив неочевидные связи и закономерности в наглядном виде **[7]**.

Наибольший интерес сегодня представляют большие языковые модели, которые позволяют социологу "ставить" аналитические вопросы к конкретным данным и получать релевантные ответы по всему массиву. Здесь уже можно говорить об имитации социологической дискуссии для выявления неочевидных, нестандартных подходов к решению задачи. В российской исследовательской социологической и социально-политической практике можно встретить примеры экспериментов с такой коммуникацией, результатом которой становится новое "алгоритм-человеческое" знание, в дальнейшем используемое для достижения поставленных в исследовании задач **[5]**. Всё чаще сегодня можно услышать позицию исследователя о том, что "ChatGPT – это собеседник, младший партнер..., который обладает экспертизой, знаниями и способностями, которыми не обладаешь ты сам" **[5, с. 131]**.

С точки зрения развития данного направления, представляет интерес предложенная Яндексом модель "Нейроэксперт"[8], которая позволяет загрузить набор документов (результаты опроса, транскрипт интервью и др.) и в диалоговом режиме работать со всем массивом, извлекая значимые для социолога данные. На сегодняшний момент модель позволяет загрузить не более 25 документов, тем не менее, данного объёма чаще всего хватает для работы и с количественными, и с качественными данными. Авторское тестирование данной модели было реализовано в рамках исследования особенностей реализации университетской молодёжной политики, информационную базу которого составили 48 глубинных интервью (общий объём массива – 7,2 п. л.) с представителями топ-менеджмента российских университетов. Документы были разделены на несколько групп по типу информантов, и каждая группа загружена в "Нейроэксперт". В процессе работы с массивом было использовано три вида текстового анализа, с которыми модель успешно справилась.

Во-первых, был проведён простой контент-анализ и осуществлён подсчёт наиболее часто встречающихся терминов (промт: "проведи количественный контент-анализ и выведи 10 наиболее часто встречающихся слов"). На сегодняшний день модель не умеет осуществлять лемматизацию и стемминг слов, что, конечно же, снижает качество анализа. Тем не менее, она достаточно эффективно "схватывает" ключевые термины несмотря на то, что они не приводятся ею к начальной форме. Подтверждением этому стало проведение простого подсчёта слов с использованием языка программирования Python, результат которого на 95% совпал с выводом ГНС.

Во-вторых, модель позволяет достаточно эффективно проводить открытое (промт: "проведи открытое кодирование текстов") и осевое кодирование (промт: "проведи осевое кодирование текстов") в методологической логике grounded theory.

В-третьих, модель может осуществить самостоятельный анализ, "опираясь" на встроенные алгоритмы (промт: "проведи самостоятельный анализ текстов, сделай выводы"). Результаты такого анализа можно расширять и уточнять с помощью вопросов как по всем документам, так и по отдельным, интересующим исследователя, аспектам. Такой анализ может быть использован в самом начале, чтобы получить иной взгляд на массив данных, увидеть неочевидные аспекты и сформулировать исследовательские гипотезы.

Важной особенностью модели является её способность имитировать методологическую стилистику разных аналитических жанров. Так, в частности, автор для расширения понимания анализируемого массива предлагал модели сделать самостоятельный анализ текстов в стиле "обоснованной теории", "критического дискурс-анализа", "герменевтики". При этом выдача результата и акценты менялись нейронной сетью. Такой подход позволяет социоло-

[8] Модель "Нейроэксперт". URL: www.expert.ya.ru (дата обращения: 20.07.2025).

гу, знакомому с данными подходами расширить представление о имеющемся массиве и наметить неочевидные возможности для анализа.

Отметим, что классический "человеческий" анализ такого массива документов, даже с использованием программных средств (например, AtlasTi), требует значительных временных ресурсов, которые существенно сокращаются при использовании ГНС. В то же время, нельзя забывать о том, что только социолог определяет, какие методы, подходы он будет применять к тем или иным данным, и в этом контексте профессиональные компетенции исследователя становятся ещё более значимыми, поскольку он не только должен правильно поставить вопрос алгоритму, но и оценить выданный им результат с точки зрения его валидности, надёжности и релевантности.

Возможности и ограничения ГНС в контексте эмпирической социологии (вместо заключения)

Проведённое исследование продемонстрировало, что сегодня генеративные нейронные сети активно проникают в профессиональные практики социологов и социальных аналитиков. Нельзя сказать, что это проникновение носит системный характер, скорее речь идёт об отдельных экспериментах, которые пока ещё слабо легитимизированы в научном социологическом сообществе. Несмотря на это, представляется, что данная тенденция будет сохраняться и развиваться, расширяя сферы использования искусственного интеллекта в эмпирическом социологическом исследовании.

Инкорпорирование ГНС в эмпирические исследования характеризуется определённой амбивалентностью. Сторонники фокусируются на преимуществах, способности ГНС нивелировать профессиональную рутину и даже приводить к новым исследовательским инсайтам. Способность алгоритмов за несколько секунд анализировать огромные массивы литературы, суммаризировать тексты, находить неочевидные связи в данных – всё это делает этот инструмент привлекательным для социолога-эмпирика. Очевидно, что технологии искусственного интеллекта имеют серьёзный потенциал для повышения эффективности и качества эмпирических социальных исследований, и многое зависит от готовности профессионального сообщества принять это как данность и начать осваивать этот инструмент. Эта уверенность возрастает с учётом того факта, что практически ежедневно происходит модернизация нейронных сетей, их оптимизация и развитие. Например, в момент написания настоящей статьи разработчики ряда нейронных сетей инициировали создание "общей памяти", что позволяет сохранить историю коммуникации пользователя с любой из сетей и "бесшовно" переходить к взаимодействию с другой. При этом сам пользователь при наличии определённых навыков может создать персонализированную "память" под решение своих задач. Нейросети впервые обрели общую память **[9]**.

Если границы возможностей использования ГНС в эмпирическом социологическом исследовании хотя и размыты, но более или менее верифицируемы, то потенциальные ограничения внедрения искусственного интеллекта не так очевидны. На самом "грубом" уровне осмысления этой темы такими ограничениями выступают: снижение уровня критического мышления, профессиональной насмотренности, социологического воображения и т. д. Ряд социологов идут ещё дальше, указывая на то, что "глобальная компьютеризация таит в себе опасность утраты диалогичности в общении с другими людьми... порождает "дефицит человечности", появление раннего психологического старения общества, человеческое одиночество и даже снижение физического здоровья" **[8, с. 4]**. Недавнее исследование Массачусетского технологического института выявило целый спектр измеримых изменений в мозге, возникающих под влиянием использования ChatGPT **[28]**, которые приводят к "мягкой когнитивной атрофии" в результате регулярного использования больших языковых моделей.

Менее очевидным ограничением использования ГНС является усиление эффекта "чёрного ящика". Непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта, с одной стороны, и "выдача" внешне адекватных результатов с другой, может способствовать снижению интереса исследователя к эпистемологическим и методологическим основаниям того или иного метода и формированию "абсолютного доверия" к ГНС. В этой ситуации социологи, сле-

дуя веянию времени, будут использовать уже обученные модели, проверить релевантность вывода которых они не смогут. При этом лёгкость получения результата на свой запрос от ГНС будет ещё больше стимулировать подобные практики, снижая мотивацию к пониманию логики развертывания и обучения нейронных сетей.

Литература / References

1. Болл М. Метавселенная: как она меняет наш мир. М.: Альпина Паблишер, 2023. 368 с.
   Ball M. The Metaverse: How It's Changing Our World. Moscow: Alpina Publisher, 2023. 368 p. (In Russ.).
2. ВЦИОМ. Шаблон оформления транскриптов фокус-групп. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2023/stenogramma_2023/intellektualnyj_tandem_sociologi_i_ChatGPT.pdf (дата обращения: 20.06.2025)
   VTsIOM. Template for formatting focus group transcripts. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2023/stenogramma_2023/intellektualnyj_tandem_sociologi_i_ChatGPT.pdf (accessed 20.06.2025) (In Russ.).
3. Гуляев А. В., Пивнева С. В. Применение двунаправленной многослойной нейронной сети для восстановления пропусков во временных рядах // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2025. Т. 27. № 2. С. 54–61. https://doi.org/10.18127/ j19998554-202502–06
   Gulyaev A. V., Pivneva S. V. Application of a Bidirectional Multilayer Neural Network for Restoring Missing Values in Time Series // Neurocomputers: Development, Application. 2025. Vol. 27. No. 2. P. 54–61. https://doi.org/10.18127/ j19998554-202502-06 (In Russ.).
4. Зангиева И. К. Сравнительный анализ алгоритмов заполнения пропусков в социологических данных. Дисс. … канд. социол. наук. М. 2012.
   Zangieva I. K. Comparative Analysis of Algorithms for Filling in Missing Values in Sociological Data. Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2012 (In Russ.).
5. Инструмент "философского вопрошания": chat gpt и другие модели искусственного интеллекта в политической теории, методологии и прикладных исследованиях // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. С. 130–139.
   The tool of "philosophical questioning": chat gpt and other artificial intelligence models in political theory, methodology, and applied research // Comparative Politics. 2022. Vol. 13. P. 130–139 (In Russ.).
6. Лейн Х Х. Обработка естественного языка в действии. СПб, "Питер". 2020. 576 с.
   Lane H. H. Natural Language Processing in Action. St. Petersburg, Peter. 2020. 576 p. (In Russ.).
7. Моисеев С., Стаф М. "There's an AI for that": возможности ChatGPT для работы с открытыми источниками данных // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 7–8 (27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/theres-an-ai-for-thatvozmozhnosti-chatgpt-dlja-raboty-s-otkrytymi-istochnikami-dannykh (дата обращения: 20.06.2025).
   Moiseev S., Staff M. "There's an AI for that": ChatGPT capabilities for working with open data sources // Sociodigger. 2023. Vol. 4. Issue 7–8 (27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/theres-an-ai-for-thatvozmozhnosti-chatgpt-dlja-raboty-s-otkrytymi-istochnikami-dannykh (accessed 06.20.2025). (In Russ.).
8. Осипова Н. Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 4. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42
   Osipova N. G. Digitalization of Social Reality: Key Discussions // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 4. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42 (In Russ.).
9. Открытая память. URL: https://github.com/mem0ai/mem0/tree/main/openmemory (дата обращения: 20.06.2025).
   OpenMemory. URL: https://github.com/mem0ai/mem0/tree/main/openmemory (accessed 20.06.2025).
10. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 3–22. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384
    Rezaev A. V., Tregubova N. D. From the Sociology of Algorithms to the Social Analytics of Artificial Sociality: An Analysis of API and ChatGPT Cases // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2023. No. 3. P. 3–22. https://doi.org/10.14515/ monitoring.2023.3.2384 (In Russ.).
11. Романчуков С. В., Берестнева О. Г., Петрова Л. А. Обучение нейронной сети, моделирующей социально-экономическое развитие региона // Цифровая социология. 2019. № 2 (2). С. 34–40. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-34-40

Romanchukov S. V., Berestneva O. G., Petrova L. A. Training a Neural Network that Models the Socioeconomic Development of a Region. Digital Sociology // Digital Sociology. 2019. No. 2(2). P. 34–40. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-34-40 (In Russ.).
12. Смирнов В. А. Новые компетенции социолога в эпоху больших данных. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № (2). С. 44–54. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.04
Smirnov V. A. New Competencies of a Sociologist in the Era of Big Data. // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. No. 2. P. 44-54. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.04 (In Russ.).
13. Смирнов В А. "Цифровизация" социологии: новые возможности и ключевые противоречия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 30(4). С.146–164. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163
Smirnov V. A. "Digitalization" of Sociology: New Opportunities and Key Contradictions // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2024. No. 30(4). C.146-164. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163 (In Russ.).
14. Тертышникова А. Г., Павлова У. О., Старовойтова М. Д. Нейронная сеть как зеркало социальных установок: анализ искажений в генеративных изображениях // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 4. С. 13–21.
Tertyshnikova A. G., Pavlova U. O., Starovoytova M. D. Neural Network as a Mirror of Social Attitudes: Analysis of Distortions in Generative Images // Digital Sociology. 2024. Vol. 7, No. 4. P. 13–21. (In Russ.).
15. Толстова Ю. Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.
Tolstova Yu. N. Sociology and Computer Technologies // Sociological Research. 2015. No. 8. P. 3–13. (In Russ.).
16. Тронов К. А., Фёдоров В. О. Рекуррентные нейронные сети с управляемыми рекуррентными блоками для многомерных временных рядов с пропущенными значениями // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12, № 12. С. 352–359.
Tronov K. A., Fedorov V. O. Recurrent Neural Networks with Controlled Recurrent Blocks for Multidimensional Time Series with Missing Values // Original Research. 2022. Vol. 12, No. 12. P. 352–359. (In Russ.).
17. Фостер Д. Генеративное глубокое обучение. Творческий потенциал нейронных сетей. СПб: Питер, 2020. 352 с.
Foster D. Generative Deep Learning. The Creative Potential of Neural Networks. St. Petersburg: Peter, 2020. 352 p. (In Russ.).
18. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2003. 596 с.
Yadov V. A. Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, and Understanding of Social Reality. Moscow: Dobrosvet, 2003. 596 p. (In Russ.).
19. Якимова О. Нейросети в исследовательской практике // Социодиггер. 2024. Том 4, № 7-8. URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/neiroseti-v-issledovatelskoi-praktike#_ftn3 (дата обращения: 20.06.2025).
Yakimova O. Neural networks in research practice // Sociodigger. 2023. Vol. 4, No. 7-8. URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/neiroseti-v-issledovatelskoi-praktike#_ftn3 (accessed 20.06. 2025) (In Russ.).
20. Khayretdinova M., Pshonkovskaya P., Zakharov I., Adamovich T., Kiryasov A., Zhdanov A., Shovkun A. Predicting placebo responses using EEG and deep convolutional neural networks: correlations with clinical data across three independent datasets // Neuroinformatics. 2025. No. 23 (2). URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12089153/ accessed 20.06. 2025).
21. King G. Restructuring the Social Sciences: Reflections from Harvard's Institute for Quantitative Social Science // PS: Political Science & Politics. 2013. Vol. 47. No. 1. P. 165–72.
22. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts // Big Data & Society. 2014. Vol. 1, No. 1. P. 1–12. https://mural.maynoothuniversity.ie/id/eprint/5364 (accessed 20.06.2025).
23. Kolenik T., Gams M. Intelligent Cognitive Assistants for Attitude and Behavior Change Support in Mental Health: State-of-the-Art // Technical Review. Electronics. 2021. Vol. 10, No. 11. https://doi.org/10.3390/electronics10111250
24. Lazer D., Pentland A. et al. Computational social science // Science. 2009. Vol. 323, № 5915. P. 721–722.
25. Lupton D. Thinking with care about personal data profiling: A more-than-human approach // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14. P. 3165–3183
26. Pellert M., Lechner C. M., Wagner C., Rammstedt B., Strohmaier M. AI Psychometrics: Assessing the psychological profiles of large language models through psychometric inventories // Perspectives on Psychological Science. 2024. Vol. 19, No. 5. https://doi.org/10.31234/osf.io/jv5dt
27. Silva-Ramírez E.-L. et al. Single imputation with multilayer perceptron and multiple imputation combining multilayer perceptron and k-nearest neighbours for monotone patterns // Applied Soft Computing. 2015. No. 29. P. 128–132.

28. Winter J. de, Driessen T., Dodou D.. The use of ChatGPT for personality research: Administering questionnaires using generated personas // Personality and Individual Differences. 2024. No. 228. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886924001892?via%3Dihub#bi0005 (accessed 20.06.2025).
29. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task. URL: https://arxiv.org/pdf/2506.08872 (accessed 20.06.2025)
30. Yu F. Y., Hsieh H. T., Chang B. The potential of Second Life for university counseling: a comparative approach examining media features and counseling problems // Research and Practice in Technology Enhanced Learning. 2017. No. 12. URL: https://telrp.springeropen.com/articles/10.1186/s41039-017-0064-6 (accessed 20.06. 2025).

◆

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Смирнов, д-р соц. наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, kano_igt@mail.ru

Information about the author

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kano_igt@mail.ru

Поступила в редакцию 07.07.2025 Одобрена после рецензирования 17.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 07.07.2025 Approved 17.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 63–72.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 63–72.

Научная статья
УДК 303.7
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72

Применение ИИ для разработки категорий в качественном исследовании: что возможно в текущем моменте

Ольга Борисовна Савинская
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru

Аннотация. Представлен обзор опыта применения искусственного интеллекта для анализа качественных данных, и, в частности, разработке социологических категорий и понятий в качественном исследовании на примере интервью с женщиной, пережившей беременность во время студенчества. Опираясь на логику кодирования для последующей концептуализации данных, предлагается систематизация заданий для искусственного интеллекта (большой языковой модели) для использования его как помощника в анализе данных и аналитической триангуляции.
Ключевые слова: *качественный анализ, понятия и категории, тематическое кодирование, теоретическая чувствительность, Open AI, триангуляция с ИИ*

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Савинская О. Б. Применение ИИ для разработки категорий в качественном исследовании: что возможно в текущем моменте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 63–72. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72

Using AI to Develop Categories in Qualitative Research: What is Possible at the Moment

Olga B. Savinskaya
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, osavinskaya@hse.ru

Abstract. n overview of the experience of using artificial intelligence for the analysis of qualitative data, and, in particular, the development of sociological categories and concepts in qualitative research is presented coding the interview with a woman who experienced pregnancy during her student years. Based on the logic of coding for subsequent conceptualization of data, a systematization of tasks for artificial intelligence (a large language model) is proposed for using it as an assistant in data analysis and analytical triangulation.
Key words: *qualitative analysis, concepts and categories, thematic coding, theoretical sensitivity, Open AI, triangulation with AI*

The article was prepared as part of a research project conducted within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

For citation: Savinskaya O. B. Using AI to Develop Categories in Qualitative Research: What is Possible at the Moment // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 63–72. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72

Введение

В последние годы стремительно набирает обороты искусственный интеллект (ИИ), включаясь в решение многих задач, не только рутинного характера. Мощность искусственного интеллекта увеличивается год за годом, а практика применения расширяется во многих профессиональных сферах. Технологии в образовании и науке всё больше учитывают возможности ИИ, увеличивается спектр задач, которые может решать искусственный интеллект **[3; 5]**. Для развития социологического анализа и особенно для работы с текстовыми исходными данными, социологи обращаются к появившимся в последние годы хорошо натренированным LLM (large language model, далее "языковая модель"), которые позволяют генерировать осмысленный текст, основываясь на уже имеющихся в их распоряжении опубликованных текстах. Наиболее известная из них – это ChatGPT. Набирает также популярность и китайская нейросеть / LLM DeepSeek. "Языковые модели" всё больше приближаются к естественному языку и ментальности людей, помогая рассказать об их жизни, мышлении, установках. И это становится полезным инструментом для социологов-качественников.

Качественные данные могут быть полезными в разных сферах социального знания, в том числе сугубо прикладного знания. Например, маркетин-

© Савинская О. Б., 2025

говые исследования потребительского поведения, когда важно понять логику потребления или увидеть обыденность потребителей в деталях для принятия практического решения при работе в сообществе, когда требуется буквально суммировать мнения информантов, оставаясь в поле обыденного языка. Иногда социологу, применяющему этнографический подход, также важно освоить язык, диалекты, ход мысли и взгляд на мир с точки зрения своих информантов. В этом случае погружение в обыденный язык также оказывается осознанной стратегией поискового исследования.

В академической социологии только этой стратегии часто недостаточно. От обыденных представлений, иногда нелогичных и непоследовательных, учёный переходит к научным понятиям и категориям, чтобы системно описать и объяснить феномен. Социолог в этом случае использует социологические теории и формирующие их понятия и категории. Категориальное мышление – основа качественного анализа в академической социологии: при работе с эмпирическими данными социолог-исследователь применяет теоретические концепции, чтобы эти данные объяснить. А если подходящей теории нет, то пытается её вырастить **[14]**, развивая в себе теоретическую чувствительность **[15].** При этом знания о социологических теориях всё равно остаются основой компетенций – новая частная (substantive) теория должна встраиваться в общее поле социологического знания.

Натренированные в том числе, на социологических текстах языковые модели становятся всё более полезными для социологов не только в тематической группировке данных и конденсации смысла, но и в разработке социологических категорий. С 2023 г. "языковые модели" стали включаться в пакеты компьютерной обработки качественных данных. Так, компании, разрабатывающие пакеты ATLAS-ti и MAXQDA заключили соглашение с Open AI по интеграции ChatGPT в анализ данных. Однако возможности "языковых моделей" для социологического анализа текстовых данных в качественном исследовании остаются пока ограниченными. Разработка ясных алгоритмов для взаимодействия с "языковой моделью" и методическая дискуссия вокруг этого – актуальный этап современного развития ИИ и его помощи для решения социологических и социальных вопросов.

Данная статья направлена на обзор опыта привлечения "языковой модели" к анализу качественных данных и разработке социологических категорий на основе данных. Мы опишем возможности и ограничения применения "языковых моделей" в социологическом теоретизировании.

Теория и эмпирика в качественном исследовании: связь через категории

Если мы применяем качественные методы в научном, академическом исследовании, то оставаться в регистре обыденного языка недостаточно. Цель научного исследования – умело работать в двух регистрах – обыденных представлений и научных концепций, объяснять через теорию человеческую рутину.

Методологи качественного анализа говорят о двух стратегиях работы с данными: движение от теории к данным (theory-driven) и от данных к теории (data-driven) **[16, с. 7]**. И та, и другая стратегии полезны для решения разного типа задач, но объединяет их одно – социолог, даже если он занимается сугубо эмпирическими исследованиями, должен с одной стороны хорошо владеть социологическими теориями, быть холодным, отстранённым и рациональным, с другой – быть всегда восприимчивым к обыденному языку и подготовленным к изучаемым практикам, применять в поле активно развивающиеся в последние десятилетия принципы включенности, инклюзивности, открытости к "другому" **[20, 17]**. И наконец, независимо от стратегии анализа данных, уметь рефлексивно описывать свой путь между этими полюсами, эксплицировать свой научный вывод.

Теоретическая модель анализируемого материала в качественной методологии достигается за счёт учёта широкого контекста изучаемого феномена. Это касается не только знаний об окружающей социальной реальности, но и теоретических и методологических знаний. А. Кларке подробно раскрывает это в ситуативном анализе как методологическом подходе: феномен происходит и развивается в определённой ситуации, которая становится условием и средой его существования **[11, 12]**. Её модель перекликается с парадигмаль-

ной моделью её учителя А. Страусса **[14]**. К. Шармаз добавляет к классической версии обоснованной теории "теоретическое кодирование" как аналитическую процедуру, связывая её с "теоретической выборкой" и "теоретическим насыщением" **[10]**. В "обоснованной теории" хотя и делается акцент на "кодировании", этот процесс полностью предопределяется аналитическими усилиями исследователя и его "теоретической чувствительностью" в движении к построению своей частной (substantive) теории **[4]**.

Начиная с Глезера и Страусса (1967), авторы, описывающие кодирование, предлагают свои определения видов кодирования, но едины в одном: кодирование проводится не единожды, а несколько раз, итеративно, и у каждого этапа кодирования свои цели, правила работы с кодами и критерии качества. Так, например, К. Шармаз **[10]** выделяет разные виды кодирования двигаясь от простого, изначального к фокусированному и осевому, и наконец, к теоретическому.

Методология анализа и теоретизирования в биографическом подходе также предполагает многоэтапную аналитическую работу: "анализ ситуации его генезиса, формальные характеристики материала, направление анализа, теоретическое дифференцирование вопроса, определение техник(и) анализа и выбор конкретной его модели, дефиниции единиц анализа, шаги анализа с помощью системы категорий: обобщение, истолкование и структурирование, проверка системы категорий на теории и на эмпирическом материале, интерпретация результатов в зависимости от основного вопроса" **[7, с. 121].**

Приведённые примеры указывают на то, что за кодированием в качественном исследовании скрывается менее алгоритмизированная работа аналитика, предполагающая знание не только теорий, но и разного рода социальных контекстов. Некоторые темы предполагают погружение в поле и рефлексию своей позиции в полевых взаимодействиях **[2]**. Обладание этими разными компетенциями приводит к результативному завершению исследования – не только построению детальной схемы кодов, но и теоретическому насыщению понятий и применению их в подробном описании и глубокой интерпретации феномена.

Описанные выше компетенции – характеристики естественно интеллекта, которым обладают исследователи с накопленным жизненным и профессиональным опытом. У искусственного интеллекта таких возможностей нет, но его потенциал становится всё более мощным. Тогда как на данный момент его развития, мы можем применять его в кодировании, разработке категорий и социологической концептуализации?

Какие задания возможно дать "языковой модели": кейс с ChatGPT

Для того, чтобы показать возможности присвоения кодов "языковой моделью" и дальнейшее построение категорий с её помощью, обратимся к примеру. Для иллюстрации взят фрагмент интервью с молодой женщиной, имевшей опыт беременности и родов на первом курсе обучения в университете в 18 лет. Исследование проводилось в рамках поиска новых механизмов политики повышения рождаемости в РФ и было направлено на изучение современного опыта беременности в вузе и рефлексии этого опыта молодой мамой. Целью исследования была реконструкция событий во время беременности, выявление позитивного и негативного опыта, его типологизация и нахождение позитивных стратегий проживания опыта беременности в вузах. Нам важно было не только зафиксировать факты из жизни беременных, но и отношение к ним, выраженное в их рассказе. Анализ нарративов в последующем мог быть полезен для выявления сложностей ранних студенческих браков и разработки институциональных механизмов и языка поддержки.

Для методического разбора в данной статье мы отобрали фрагмент интервью с описанием завершенного события в развивающихся отношениях. На небольшом примере предлагаем разобрать, как возможно взаимодействие с искусственным интеллектом для разработки категорий. Здесь интервьюер просит рассказать о том, как складывались отношения с супругом (отцом ребенка), а информантка же после общей оценки отношений для её раскрытия, обратилась к одному из запомнившихся событий периода беременности.

"Инт: ***Он так же к тебе продолжал относиться, как к женщине – что женщина должна это всё делать? Или это было ещё больше, потому что ты сейчас мама – ты вообще должна…***

Вера: Нет, грубо говоря, требования ко мне те же и остались: то есть, ты женщина – ты должна то-то, то-то, то-то, то-то, вот… и это не менялось, ммм… При этом даже был один случай… э-э-э… случилось так, что я в марте, э-э-э… получается, у меня была 23–25 неделя беременности – я попала в больницу, вот. Ну, произошёл немножко несчастный случай – я упала с лестницы, вот, и-и-и просто из-за риска возможности прерывания беременности было решено лечь в больницу, просто понаблюдаться хотя бы. Меня привезли после того в больницу на осмотр, потому что, когда я упала, я сказала, что мне нужна скорая, потому что я беременна и как бы, ну мало ли, вдруг что, не дай Бог, вот… И когда меня просто привезли туда, то выяснилось, что всё в порядке и с ребенком всё тоже хорошо, но тем не менее посоветовали просто понаблюдаться какое-то время в больнице, вот. И наверное, да, неделю я там лежала. При этом я сообщила об этом и молодому человеку, и родителям – и тем, и тем – о том, что я остаюсь в больнице, вот. Рассказала всю эту ситуацию, ммм… короче говоря, дошло просто до того, что, наверное, на третий день, э-э-э… утром мне звонит молодой человек – говорит, мол, не знаю, делай, чё хочешь, типа, но мне дома – цитата: "жрать нечего" – типа, я сам себе приготовить не знаю что, типа, мол, я хочу есть. Я говорю: "Ром, ну ты сам понимаешь – я в больнице лежу. Когда меня выпустят, я не знаю." Вот, говорю, сходи к маме – может быть, у мамы поужинай – или, господи, купи себе сосисок, свари себе сосиски с макаронами, пельмени, я говорю, не знаю, те же наггетсы пожарь. То есть, ну что там – достал, бросил на сковородку и жди там, когда они пожарятся. Ну всё, ну элементарно. "Нет, и всё. Мне нужна, типа дома ты, мол, я сам – я не могу."

Но вот благо, наверное, там был выходной день и особо так сильно не контролировали – я отпросилась на время тихого часа. Я отпросилась у главной медсестры съездить домой под предлогом, что дайте себя хотя бы в порядок привести, то есть, там, душ принять, голову помыть – хоть что-то. "Да, хорошо, езжай, типа, но к 4м должна вернуться." Без проблем. Получается, где-то в 2, наверное, я приехала домой. Я приготовила ему ужин, всё это оставила дома. Я поехала туда обратно. Вот вечером он мне опять звонит, типа: "А я не понял, а чё ты не дома?" Я говорю: "А как ты себе это представляешь?" Я говорю, меня отпустили на 2–3 часа и то под обязательной подпиской, что я вернусь. Он говорит: "Ну вот, ну хоть спасибо еду оставила." То есть в таком плане. Ну то есть это про… ну, 1 или 2 раза ещё так приезжала туда домой. Вот, пока… Также родила ребенка. Ну я не скажу, что прямо как-то особо его отношение ко мне как-то там изменилось в лучшую или худшую сторону, ммм... Ну, мне кажется просто отношение – оно как было, так оно и осталось. То есть, да отношения у нас, ммм, продолжали быть тёплыми, но-о-о всё равно вот эти вот все требования: что ты женщина, ты должна – оно осталось. То есть никаких поблажек тоже, ну там, на все мои просьбы, что вот, пожалуйста, спина болит, там, или мне тяжело наклоняться, там, чтобы пол протереть или ещё что-то – ну помоги хоть чем-то. Нет, это всё не делалось".

Опишем основные этапы кодирования во взаимодействии с ИИ по правилам "обоснованной теории". Данный фрагмент был предложен для прочтения Chat-gpt 4.5 с последующим заданием "конденсировать смысл по ходу прочтения теста". Был получен следующий ответ:

"Вот по ходу интервью я выделяю основные смыслы и подтексты, которые передаёт молодая мама:

1) Отношения с молодым человеком во время беременности не претерпели значительных изменений. Прямой смысл: героиня отмечает, что "ничего сильно не поменялось". Подтекст: это говорит скорее не о стабильности, а о застое в отношениях – несмотря на беременность, её партнёр не стал более чутким, ответственным или заботливым.

2) Гендерные стереотипы: "ты женщина – ты должна". Это – центральная линия интервью: молодой человек, по словам героини, продолжает считать, что все заботы и обязанности – на женщине. Даже беремен-

ность и физические ограничения не вызвали сочувствия или пересмотра ролей. Он требует, чтобы она обслуживала его, даже когда сама находится в больнице.

3) Эпизод с больницей как показатель крайнего неравенства. Она попадает в больницу из-за падения, и её самочувствие – потенциально под угрозой. Вместо поддержки, партнёр жалуется на голод и требует, чтобы она приехала готовить еду, несмотря на госпитализацию. Ключевая цитата: "Мне дома жрать нечего" – это подчеркивает незрелость и эгоцентризм партнёра.

4) Самоотверженность и подавление своих потребностей. Она отпрашивается из больницы под надуманным предлогом, чтобы угодить его требованиям – хотя сама нуждается в заботе. Героиня демонстрирует жертвенное поведение, на фоне эмоционального и бытового давления.

5) После родов – всё то же. Отношение не изменилось, несмотря на появление ребенка. Никаких "поблажек" она не почувствовала: ни во время беременности, ни после. Физические трудности (боль в спине, невозможность наклоняться) игнорируются партнёром".

Предложенная конденсация смысла имеет хронологическую последовательность, но мы видим, что данном интервью нет подробного рассказа о том, что происходило после родов, однако "языковая модель" достраивает пятый пункт. "Боль в спине, невозможность наклоняться" относились к опыту во время беременности, но после выписки из больницы. Этот пример показывает, что ИИ может давать основу для описания случая, но критическая перепроверка предложенной структуры нарратива должна начинаться с первых этапов работы с текстом и построения категориальной сетки. Это же касается и формулировки смыслов и акцентов. Например, мы видим фразу "самочувствие под угрозой", больше описано негативное поведение партнёра, нежели реконструированы мотивы и поведение самой информантки.

Следуя логике кодирования, мы шли пошагово, предлагая задания (промты) по открытому (первичному), осевому (фокусированному) кодированию. Мы заметили, что ответы на запросы не всегда согласовывались между собой. Возможно, это связно с логикой работы "языковой модели". В алгоритме нет самостоятельного "редактирования", сомнения и скептицизма по предложенным кодам и смыслам. ChatGPT среагирует на новый запрос, если этот запрос будет уточнён, переформулирован другими словами. Алгоритм продолжает нашу реплику, начиная снова писать, базируясь на всех предыдущих текстах, а не редактирует свою. Также, в разные дни предлагая чату тот же фрагмент интервью и давая схожий промт / задание, мы получали различающиеся варианты ответов. В этом смысле языковая модель похожа на человеческое сознание, осуществляющее интерпретацию – она также как и человек не повторяет буквально порядок слов, а даёт новую версию, близкую по смыслу.

В ходе осевого кодирования мы предлагали осевые категории, основанные на теориях. Например, мы давали такие запросы: *"Используй для кодирования и конденсации смысла феминистские теории гендерного режима"* или *"Используй для кодирования теории телесности для интерпретации проживания беременности".*

Получили ответ модели:

"Добавим категорию "гендерного режима" в структуру анализа, с опорой на теории феминистской социологии (в частности, Рэйвена Коннелл), и встроим её в существующую систему категорий по логике обоснованной теории.

Сначала – краткое теоретическое обоснование, затем – включение в категориальную схему и взаимосвязи.

1. Теоретическая основа: гендерный режим.

Понятие "гендерного режима" (gender regime) предложено социологом Р. У. Коннелл для описания того, как конкретные институции, организации или практики воплощают и воспроизводят гендерный порядок.

Гендерный режим – это не просто совокупность норм, но и структурно закреплённый способ организации: труда и заботы; власти и подчинения; сексуальности и телесности; символических ожиданий и нормативных ролей.

В контексте интервью молодой мамы гендерный режим проявляется как устойчивая структура взаимоотношений в паре, где: женщина (даже беременная) несёт полную ответственность за быт и заботу; мужчина освобождён от этих обязанностей и не видит причин менять поведение; беременность усиливает асимметрию, а не смягчает её.

2. Категория в системе обоснованной теории.

Название категории: Гендерный режим домашнего уклада. Примеры кода: Нормализация неравенства: "Он так же ко мне относился… ничего не изменилось". Институционализация женской ответственности: "Мне нужна ты дома… Я не могу сам". Отсутствие пересмотра ролей после беременности и родов. Неприсутствие мужчин в заботе: "Сама себе приготовь, я не знаю как".

Описание категории: "тот гендерный режим формирует устойчивую модель домашней жизни, в которой женщина – основной ресурс ухода, эмоционального труда и физического обеспечения, независимо от её состояния. Мужчина – бенефициар системы, в которой женская забота воспринимается как "естественная" и "бесконечная". Беременность усиливает, а не ослабляет эти механизмы".

В зависимости от предложенных заданий, варианты предлагаемых кодов ожидаемо различались. Предложенный "языковой моделью" текстовый материал становился поводом для дальнейших размышлений: соотнесения предложенных категорий с текстом, обсуждения достаточности материала в тексте для принятия категории, её редактирование для описания более точного смысла. Так, например, ChatGPT предлагал категорию "эмоциональное обесценивание" беременной её партнёром, хотя буквально об этом не шла речь во фрагменте интервью. Или сконструировал не используемую в сообществе исследователей категорию "гендерное ожидание".

Двигаясь далее, мы запросили на основе данного фрагмента сконструировать парадигмальную модель по Б. Глезеру и А. Страуссу (1967). ChatGPT предложил вот такую версию:

"1) Явление (Central Phenomenon): Переживание женщиной беременности и материнства в условиях гендерного неравенства и эмоционального обесценивания со стороны партнёра.

2) Каузальные условия (Causal Conditions): Воспитание в патриархальных культурных установках: "женщина обязана заботиться". Низкий уровень эмпатии и зрелости у партнёра. Закреплённая модель: "забота – это женская обязанность вне зависимости от состояния". Отсутствие опыта взаимного партнёрства.

3) Контекст: Беременность (физиологически и психологически уязвимое состояние). Госпитализация из-за угрозы прерывания беременности. Совместное проживание с партнёром, зависимость в быту. Отсутствие поддержки со стороны семьи/окружения.

4) Интервенирующие условия (Intervening Conditions): Образ "хорошей женщины / матери", навязанный социальной нормой. Чувство вины за "неудовлетворённость" партнёра. Ограниченный доступ к альтернативным моделям отношений. Ожидание благодарности за минимальные действия ("спасибо, что оставила еду").

5) Стратегии действия / взаимодействия (Action/Interaction Strategies): Подчинение и сохранение отношений любой ценой. Самообесценивание: отказ от признания собственной боли. Выполнение эмоционального и физического труда, несмотря на медицинские показания. Рационализация поведения партнёра (поиск оправданий)".

6) Последствия (Consequences): Закрепление неравного положения женщины в семье. Повышенная нагрузка и стресс в период беременности. Отсутствие полноценной заботы в важнейший период жизни. Продолжение циклов обесценивания и эксплуатации. Риск психологических и физических осложнений".

Данная парадигмальная модель отличается от нашей тем, что в ней не все логики, заявленные информанткой, отражены. Подчёркнута излишняя жертвенность информантки, нет интерпретации её активизма, желания поддержать отношения согласно традиционным ценностям, вписаться в требования общества и соответствовать им. Посредством своего приезда в дом,

она хотела угодить мужу, показать свою энергичность, желание поддержать "тёплые отношения". Еще одна линия – это её почти подростковая молодость, желание "играть в выполнение заданий", не соотнося со своими силами. В рамках данного исследования мы предполагали показать разные логики действия беременных в процессе беременности и их собственное понимание, а языковая модель давала только самые распространённые в мировой науке интерпретации. Возможно, для развития осевого кодирования стоит давать разные задания и потом соотносить их для получения более полной картины.

В нашем примере модель построена только по фрагменту интервью, то есть по отдельной ситуации, которая является частью прожитого опыта за время беременности и в интервью также рассматривали и другие стороны жизни информантки – отношения со своими родителями, с родителями мужа, обучение в университете, отношения с преподавателями и со студентами. Однако, для описания только приведённого во фрагменте случая важно учитывать контекст всего интервью.

Этот пример показывает, что для включения "языковой модели" в аналитический процесс, нужно реализовывать итерационное многоэтапное взаимодействие с "языковой моделью", разрабатывать подробные формулировки для каждого этапа кодирования, принимая тот факт, что алгоритм начнёт писать, реагируя буквально на наши слова в запросе. Поэтому мы можем менять формулировки, изучая, как меняется ответ / реплика используемой "языковой модели". Не стоит предлагать "сложных" заданий для модели, чтобы избегать "опрометчивых" реакций. И наконец, процесс верификации остается полностью под ответственностью исследователя, который перепроверяет каждый предложенный код и категорию, перепроверяя сначала достаточность данных для их принятия и точность переданных смыслов.

Сопоставим результаты нашего взаимодействия с ChatGPT с опытом коллег, апробировавших его для качественного анализа ранее. Для того, чтобы показать, как различаются ручное кодирование и кодирование языковой моделью Д. Морган представил в своей статье несколько примеров сравнительного анализа кодов и их интерпретации **[18]**. Его результаты также показали, что используемый им ChatGPT лучше справился с описанием и выделением тем, нежели с их последующей интерпретацией и связыванием с теоретическими понятиями. Опыт российских коллег **[1]** показал, что языковая модель может провести объективный семантический анализ больших текстовых данных, то есть выделить наиболее часто встречающиеся слова, на основании которых можно зафиксировать тематику разговора или изучаемого медийного поля, и провести сентимент-анализ (тональность текстов). Однако эти выполненные "языковой моделью" задания оказываются подготовительными этапами для дальнейшего теоретического осмысления текстового материала. Все примеры указывают на то, что обращение к "языковой модели" должно быть осмысленным и управляемым со стороны исследователя, а её мощности дополнять имеющиеся у исследователя знания и давать почву для новых идей и новых заданий / промтов.

Учитывая ранее описанные типы кодирования для естественного интеллекта, но предполагающую пошаговую работу от сырых данных к социологической концептуализации, логика написания промтов / заданий для "языковой модели" – может быть следующей:

Задания на поиск данных, если речь идет об открытых данных в медиа.

1) По имеющимся ключевым словам, найти ссылки на данные, где много об этом говорится.

2) Поиск статей, в которых есть теории, касающемся какой-то социологической категории, допустим "доверия".

Задания на группировку частей/секвенций текста.

3) Группировка текста и кодирование – разметка текста по темам, которые предложит сама "языковая модель" (что-то похожее на первичное кодирование), или разметка текста по предложенным темам (близкое к осевому кодированию).

4) Уточнение группировки текста за счёт конкретизации задания – добавления деталей, фокусов тем, фактов, логики проявления изучаемого феномена (доработка осевого кодирования).

5) Пошаговая работа в каждым кодом / категорией при уточнении заданий (что-то близкое к выборочному, фокусированному кодированию).

Аналитические задания.

6) Свободное "размышление" о найденных данных по определенному коду, категории.

7) Более фокусные задания на размышление: проведение сравнительного анализа разных цитат из текста, помеченных как релевантные коду (предложить найти сходства и различия), выявление разных логик присвоения кодов цитатам, поиск цитат, которые можно было бы объединить по общей логике действия, произошедших событий, имеющихся ресурсов, похожих условий и т. д.

8) Задания на размышления, которые обосновывают применение социологического понятия для объяснения сгруппированных данных.

9) Задания на поиск релевантных статей, где в похожем ключе применяется социологическое понятие или социологическая теория для объяснения собранных данных.

10) Визуализация данных, ментальная карта описанных слов, образов и т. д.

Работа с "языковой моделью" как аналитическая триангуляция

Как показывает опыт, тест Тьюринга на идентификацию себя как профессионала-социолога "языковые модели" пока ещё сдать не могут. Как отмечает К. Бейл, "LLM, по-видимому, присваивают более точные коды одним темам, чем другим, что может быть артефактом способа их обучения" **[9, p. 5]**, что связано с тем, что задания универсального характера машина выполняет чаще, чем социологические, и быстрее тренируется. Во-вторых, "одним из существенных недостатков количественного анализа текстов выступает отсутствие специализированных социологических словарей, которые могли бы эффективно работать со сложными социальными значениями слов" **[1, с. 113]** и помогать "языковым моделям" точнее идентифицировать как задания, так и данные, на которых нужно их выполнить. "Языковые модели", как и люди, проходят "социализацию", что влияет на выборочность знаний и умений, предубеждения и готовность "галлюцинировать" ради выполнения задания.

В своё время Б. Глезер и А. Страус **[14]** практиковали приглашение в свою аналитическую команду свежих сил, не являющихся социологами, которые могли выдвигать самые разные, в том числе и "странные" идеи для их дальнейшего критического осмысления. В современном партисипаторном подходе также важно видеть разные стороны осмысления социальной проблемы. И поскольку мы живём в цифровом мире, то к процессу аналитической триангуляции **[13]** или методу длинного стола **[8]** мы приглашаем искусственный интеллект, чтобы он внёс свой вклад. Триангуляция предполагает, что каждый вносит свою лепту в первичный материал для дальнейшего сравнения. Это хорошо согласуется со стратегией применения "языковой модели" для выполнения тематического анализа, которую предлагают М. Наим, Т. Смит и Л. Томас, советуя исследователям выполнять ручное кодирование на всех этапах и сравнивать его с машинным **[19]**, контролируя смысловые смещения, заданные несовершенством алгоритма **[21]**.

Однако, за здравый смысл и результат исследования отвечает только исследователь. Искусственный интеллект пока оказывается той "свежей головой" непрофессионала, который предлагает новые идеи, иногда необоснованные, требующие со стороны исследователя перепроверки и осмысления, критического мышления и творческого развития идей. С другой стороны, необычные идеи могут заложить новые тематические векторы анализа, снять "замыленность" исследовательского взгляда. Как в свое время отмечал Б. Глезер, "странные" данные никогда не смогут стать источником помех при опровержении гипотезы, полученной в ходе дедукции, но они дают отличную возможность с точки зрения того, что они могут привнести в результате сравнения в теоретическое расширение, оттачивание и обогащение возникающей теории**" [15, p. 37–38; 4, с. 127].** Описанные им процедуры индукции, дедукции в верификации в процессе сравнительного анализа, даже если мы его делаем вместе с "языковой моделью", помогают делать шаги к научному выводу, эксплицировать его логику.

Заключение

Применение "больших языковых моделей" на данном этапе их развития даёт основания проблематизировать их потенциал для качественного анализа в социологии, формировать правила и этику применения. Во-первых, важно декларировать и чётко обозначать использование ИИ: в каких конкретно процедурах был использован, для чего это нужно было исследователю, как применение ИИ вписывалось в общую логику анализа, какие запросы к "языковой модели" осуществлялись и как исследователь контролировал несовершенства алгоритма. Во-вторых, этап применения ИИ должен быть итерационным, то есть должна производиться пошаговая серия запросов, уточняющая и развивающая предыдущий, и триангуляционным – ИИ только предлагает идеи, а их осмысление, обозначение вектора дальнейшего развития, корректировка и верификация должны осуществляться исследователями. Исследователь контролирует процесс "выращивания" теории – связки предложенных кодов/категорий с социологическими теориями, дает интерпретацию полученных категорий, вдохновившись или удивившись сгенерированным текстам ИИ, и остается главным ответственным лицом за полученные результаты.

Литература / References

1. Давыдов С. Г., Матвеева Н. Н., Адемукова Н. В., Вичканова А. А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3. С. 32–44.
   Davydov, S. G., Matveeva, N. N., Ademukova, N. V., Vichkanova, A. A. Artificial intelligence in Russian higher education: Current state and development prospects // University Management: Practice and Analysis. 2024. Vol. 28. No. 3. P. 32–44. (In Russ.).
2. Галкин К. А., Петухова И. С., Парфенова О. А. OPEN AI как помощник при анализе интервью // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 105–116. https://doi.org/10.31857/S0132162525040095
   Galkin, K. A., Petukhova, I. S., Parfenova, O. A. OPEN AI as an assistant in interview analysis // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2025. No. 4. P. 105–116. https://doi.org/10.31857/S0132162525040095 (In Russ.).
3. Готлиб А. С. Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах). (Часть I) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2016. № 18. С. 5–16.
   Gotlib A. S. Autoethnography (a conversation with myself in two registers). (Part I). // Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (Sociology: 4M). 2016. No. 18. P. 5–16. (In Russ.).
4. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории: версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124–142.
   Zabaev I. V. The logic of data analysis in grounded theory: B. Glaser's version. // Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (Sociology: 4M). 2011. No. 32. P. 124–142. (In Russ.).
5. Моисеев С., Стаф М. "There's an AI for that": возможности ChatGPT для работы с открытыми источниками данных // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 7–8(27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algoritmy- iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh- sociologicheskikh-issledovanijakh (дата обращения: 13.07.2025)
   Moiseev, S., Staf, M. "There's an AI for that": Opportunities of ChatGPT for working with open data sources. // Sociodigger. 2023. Vol. 4. Issue 7–8(27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algoritmy- iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh- sociologicheskikh-issledovanijakh (accessed 13.07.2025) (In Russ.).
6. Практики анализа качественных данных в социальных науках : учебное пособие / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. 383 с.
   Practices of qualitative data analysis in the social sciences: A textbook / Ed. E. V. Polukhina. Moscow: HSE Publishing House, 2023. 383 p. (In Russ.).
7. Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8
   Rozhdestvenskaya, E. Yu. INTER-Encyclopedia: Narrative interview. // Interaction. Interview. Interpretation. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8 (In Russ.).
8. Штейнберг И. Е. Метод "длинного стола" в качественных полевых социологических исследованиях. М: ВЦИОМ, 2021. 300 с.
   Shteinberg I. E. The "long table" method in qualitative field sociological research. Moscow: VCIOM, 2021. 300 p (In Russ.).

9. Bail C. A. Can Generative AI improve social science? // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2024. No. 21 (121). e2314021121. https://doi.org/10.1073/pnas.2314021121
10. Charmaz K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks (CA): Sage, 2006. 224 p.
11. Clarke A. Situational Analysis: Grounded Theory after the Postmodern Turn. Thousand Oaks (CA): Sage, 2005. 365 p.
12. Clarke A. Situational Analyses: Grounded Theory Mapping After the Postmodern Turn // Symbolic Interaction. 2003. 26 (4). P. 553–576. https://doi.org/10.1525/si.2003.26.4.553
13. Denzin N. K. The research act: A theoretical introduction to sociological methods (2nd ed.). New York, NY: McGraw Hill, 1978. 379 p.
14. Glaser B. G., Strauss A. L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. New York: Aldine, 1967. 271 p.
15. Glaser B. G. Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory. Mill Valley (CA): Sociology Press, 1978. 164 p.
16. Guest G., MacQueen K. M., Namey E. E. Applied Thematic Analysis. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc. 2012. 320 p. https://doi.org/10.4135/9781483384436
17. Ledwith M., Springett J. Participatory practice. community based action for transformative change. Bristol: Polity Press. 2010. 312 p.
18. Morgan D. L. Exploring the Use of Artificial Intelligence for Qualitative Data Analysis: The Case of ChatGPT // International Journal of Qualitative Methods. 2023. No. 22 (6). P. 1–10. https://doi.org/10.1177/16094069231211248
19. Naeem M., Smith T., Thomas L. Thematic Analysis and Artificial Intelligence: A Step-by-Step Process for Using ChatGPT in Thematic Analysis // International Journal of Qualitative Methods. Vol. 2023. No. 24 (7). P. 1–18. https://doi.org/10.1177/16094069251333886
20. The SAGE Handbook of action research: Participative inquiry and practice. London, UK: Sage, 2001. 720 p.
21. Ukanwa K. Algorithmic bias: Social science research integration through the 3-D Dependable AI Framework // Current Opinion in Psychology. 2024. Vol. 58. 101836. https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2024.101836

◆

Информация об авторе

Ольга Борисовна Савинская, канд. соц. наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия, e-mail: osavinskaya@hse.ru

Information about the author

Olga B. Savinskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Methods of Collecting and Analyzing Sociological Data, leading research fellow of the International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: osavinskaya@hse.ru

Поступила в редакцию 16.07.2025 Одобрена после рецензирования 07.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 16.07.2025 Approved 07.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 73–83.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 73–83.

Научная статья
УДК 316.014
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83

Искусственный интеллект в качественном анализе данных фокус-групп: сравнительное исследование ручного и автоматизированного подходов

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова
Московский психолого-педагогический университет, Москва, Россия, husnutdinovaMR@mgppu.ru
Ирина Игоревна Баранова
независимый исследователь, Россия, Baranovairinaa99@gmail.com
Оксана Геннадьевна Зубова
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, zubovaoksana@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены возможности применения искусственного интеллекта в качественном анализе данных фокус-групп. Реализован эксперимент с тремя исследователями: первый проводил ручной анализ транскриптов фокус-групп, второй использовал модель DeepSeek, третий сравнивал результаты. Эмпирическая база включает материалы двух фокус-групп с подростками, собранные в Пермском крае в 2022 г. Теоретической основой выступил участвующий подход социологии детства с операционализацией модели участия Р. Олсен. Выявлены преимущества LLM в структурировании данных и автоматизации рутинных задач, однако обнаружены существенные ограничения: искажения цитат, генерация несуществующей информации и односторонность анализа. Сделан вывод, что LLM не могут заменить человека в глубоком анализе качественных данных, но эффективны как инструмент первичной обработки. Разработан алгоритм работы с LLM для анализа качественных данных.
Ключевые слова: *искусственный интеллект, большие языковые модели, промпт-инженеринг, качественный анализ, соучаствующее проектирование, фокус-группы, социология детства*
Для цитирования: Хуснутдинова М. Р., Баранова И. И., Зубова О. Г. Искусственный интеллект в качественном анализе данных фокус-групп: сравнительное исследование ручного и автоматизированного подходов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 73–83.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83

Artificial Intelligence in Qualitative Focus Group Data Analysis: A Comparative Study of Manual and Automated Approaches

Margarita R. Khusnutdinova
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, husnutdinovaMR@mgppu.ru
Irina I. Baranova
Independent Researcher, Russia, Baranovairinaa99@gmail.com
Oksana G. Zubova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, zubovaoksana@bk.ru

Abstract. The article examines artificial intelligence applications in qualitative focus group data analysis. An experiment involved three researchers: the first conducted manual analysis of focus group transcripts, the second used the DeepSeek model, the third compared results. The empirical base includes materials from two focus groups with teenagers collected in Perm region in 2022. The theoretical basis was the participatory approach of childhood sociology with R. Olsen's participation model operationalization. LLM advantages in data structuring and routine task automation were identified, however, significant limitations were found quote distortions, generation of non-existent information and one-sided analysis. It was concluded that LLM cannot replace humans in deep qualitative data analysis but are effective as primary processing tools. An algorithm for working with LLM for qualitative data analysis was developed.
Key words: *artificial intelligence, large language models, prompt engineering, qualitative analysis, participatory design, focus groups, sociology of childhood*
For citation: Khusnutdinova M. R., Baranova I. I., Zubova O. G. Artificial Intelligence in Qualitative Focus Group Data Analysis: A Comparative Study of Manual and Automated Approaches // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 73–83. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) становится неотъемлемой частью научных исследований. Учёные применяют его практически на всех этапах – от генерации идеи до создания итоговых презентаций. Это порождает актуальные научные дискуссии о роли исследователя и его возможном замещении при быстром развитии инновационных технологий, связанных с ИИ. Некоторые эксперты видят в нейросетях огромный потенциал ускорения исследований, когда ИИ может заменить рутинный труд, снизить трудоёмкость часто повторяющихся операций, но основную интеллектуальную работу исследователь делает самостоятельно. Другие видят возможность сотрудничества, самостоятельного решения ИИ более сложных задач, связанных с анализом и интерпретацией данных **[1; 2].**

© Хуснутдинова М. Р., Баранова И. И., Зубова О. Г., 2025

В арсенале современных исследователей качественных данных присутствует широкий спектр специализированных программ, таких как NVivo, MAXQDA, Atlas.ti, LIWC, IBM Watson Natural Language Understanding, MonkeyLearn и др. Эти инструменты предлагают автоматизацию транскрипции и кодирования, обнаружение тематических паттернов с помощью методов обработки естественного языка (NLP), анализ эмоционального фона дискуссии и визуализацию результатов.

Появление больших языковых моделей (Large Language Models, LLMs), таких как GPT (Generative Pre-trained Transformer), DeepSeek, Grok4, Gemini (семейство моделей от DeepMind (часть Google)), Claude (семейство моделей от Anthropic), и других знаменует собой новый подход к обработке и интерпретации качественных данных. Традиционные методы анализа, основанные на ручном кодировании и экспертной интерпретации, постепенно дополняются и трансформируются. Это позволяет не только ускорить обработку больших массивов текстовой информации, но и повысить качество и глубину аналитики за счёт выявления скрытых паттернов, эмоциональных оттенков и семантических связей.

LLMs представляют собой нейронные сети, обученные на больших объемах текстовых данных, что позволяет им генерировать связный и контекстуально релевантный текст, понимать естественный язык, отвечать на вопросы, резюмировать информацию и выполнять другие сложные лингвистические задачи **[8]**. Нейросети – это разновидность искусственного интеллекта, представляющие собой компьютерные модели, вдохновленные работой человеческого мозга. Хотя их функционирование схоже с мозгом, оно не является его точной копией. В мозге сигналы передаются через нейроны, тогда как в нейросетях используются вычислительные элементы, которые взаимодействуют между собой, обмениваются данными и производят результат.

Уникальность нейросетей в контексте анализа качественных данных заключается в способности работать с неструктурированным текстом на естественном языке – именно той форме, в которой представлены данные фокус-групп. В отличие от традиционных специализированных программ для качественного анализа, которые имеют платный доступ и требуют от пользователя освоения интерфейса программного обеспечения, LLMs взаимодействуют через интуитивно понятный чат. Это позволяет сосредоточиться на постановке исследовательских вопросов и интерпретации результатов, а не на финансовых и технических аспектах работы с инструментом. Кроме того, в отличие от специализированных программ, LLMs предоставляет исследователю больше контроля в работе с данными **[8]**.

Традиционная модель предполагает исследователя, использующего инструменты (будь то ручной анализ или использование специализированных программ). Модель, формирующаяся с приходом LLMs, все чаще описывается как взаимное дополнение, симбиоз человеческого интеллекта исследователя и алгоритмических возможностей модели. LLMs берут на себя автоматизацию рутинных и трудоемких задач (транскрипция, первичное кодирование, извлечение цитат, составление кратких резюме), освобождая время и когнитивные ресурсы исследователя для углубленной интерпретации, теоретизирования и критической рефлексии. Более того, интерактивная природа LLMs позволяет исследователю "обсуждать" данные, проверять гипотезы, получать альтернативные интерпретации или формулировки, преодолевая тем самым "академическое одиночество" **[8]**. LLMs становятся "коллегой-ассистентом", который сохраняет контекстную целостность данных и усиливает, но не заменяет человеческую интерпретацию **[12; 7]**. Происходит не просто автоматизация работы и быстрое получение выводов, а расширение и усиление аналитических и творческих возможностей исследователя.

Мы придерживаемся позиции, что исследователь остается ключевым агентом в создании данных: тщательно формулирует промпты, критически оценивает валидность всех выходных данных LLM, контекстуализирует результаты, сохраняет авторство итоговой интерпретации и несёт ответственность. LLM – эффективный помощник, но не автономный аналитик.

Динамичное использование LLMs порождает ряд вопросов по методологии и этике. Сокращение времени работы с текстовым материалом может приводить к риску снижения глубины понимания высказываний участников

фокус-групп **[12]**, в том числе из-за того, что не формируется эмпатия **[8]**. Автоматическое кодирование может быть слишком общим **[8]**. Часто нейросетевые модели производят галлюцинации, то есть генерируют несуществующую информацию, фантазируют и создают убедительные, но ложные выводы **[12]**. Кроме того, встают вопросы о том, насколько алгоритмы влияют на самостоятельность мыслительных процессов исследователя, формируют восприятие и задают некий шаблон анализа.

Ключевым инструментом взаимодействия с LLMs является промпт-инженерия – проектирование входных запросов для решения специфических аналитических задач. Промпт представляет собой структурированную инструкцию. Промпт-инженерия включает: формулировку инструкций; выбор формата (one-shot, few-shot, chain-of-thought и др.); подбор примеров и контекста; оптимизацию для конкретной задачи (например, тематический анализ, категоризация, выявление паттернов) **[9]**.

Нейросеть анализирует огромные массивы данных, чтобы находить в них закономерности и на основе этого принимать решения. Следует учитывать, что нейросеть не обладает человеческим мышлением и не способна к осмысленному восприятию текста. Её функционирование основано на моделировании поведения, при котором генерируемые ответы определяются вероятностными связями, а не логическим размышлением. Поскольку результат зависит от характера запроса, предъявляемого системе, ключевым условием для достижения качественного результата является формулировка точного и корректно структурированного запроса.

Современные ученые детально систематизируют процедуру создания промптов, предлагая базовые техники **[9; 4]** и каталоги паттернов для реализации исследовательских задач **[10]**. Однако, на данный момент отсутствуют стандартизированные оценки надежности и валидности промптов, что ограничивает воспроизводимость результатов **[9]**. Необходимым этапом является пилотное тестирование: проверка промптов на подвыборке, анализ ошибок и искажений.

Эффективным решением достижения методической строгости и валидности результатов является использование системного промпта, под которым понимается начальное сообщение, содержащее инструкцию с правилами: роль, стиль, формат вывода ответов и ограничения, которые модель должна соблюдать на протяжении всей сессии **[9]**. Это существенно снижает риск галлюцинаций, а повторные прогоны дают сопоставимые результаты. В анализе качественных данных системный промпт позволяет исключить смещение, присущее свободной интерпретации LLM, обеспечив привязку выводов к теоретической рамке и дать эмпирическое подтверждение на основе релевантных цитат.

Общими рекомендациями для создания эффективного промпта являются: использование кратких и точных формулировок, уточнение роли и контекста, указание объема (количество слов, абзацев), включение примера для лучшего понимания. После получения ответа от модели необходимо проверить его соответствие целям исследования. В случае необходимости доработать формулировку промпта.

Методология исследования

Цель данного исследования заключается в анализе потенциала применения технологий искусственного интеллекта, в частности больших языковых моделей (LLM), для обработки и интерпретации качественных социологических данных на материале транскриптов фокус-групп. Методологический дизайн исследования основан на сравнительном анализе эффективности традиционного ручного подхода и автоматизированного анализа качественных социологических данных с использованием больших языковых моделей. Исследовательская процедура предполагала независимое выполнение аналитических задач тремя исследователями в рамках экспериментального дизайна. Первый исследователь осуществлял традиционный качественный анализ транскриптов фокус-групп с применением методов интерпретативной социологии. Второй проводил автоматизированный анализ идентичного эмпирического материала посредством большой языковой модели DeepSeek на основе структурированного исследовательского запроса. Третий выполнял функции

независимого эксперта, осуществляя сравнительный анализ результатов двух подходов с целью выявления различий в интерпретации данных и оценки особенностей каждого из применяемых аналитических инструментов.

Эмпирической базой исследования стали материалы фокус-групп, собранные в ходе научно-исследовательской экспедиции в Пермский край в 2022 г. Экспедиция была направлена на изучение результатов совместного проектирования городской среды, выполненного взрослыми (архитекторами, кураторами и родителями) и подростками – участниками проекта "Лаборатория архитектурной мысли", реализуемого НКО "Улица детства". Первый этап включал лекции и конкурс рисунков среди школьников. По его итогам отбирались участники, которых приглашали на следующий этап – командную работу по созданию макетов будущих проектов. По завершении воркшопов проходил конкурс, в ходе которого выбирался проект для дальнейшей реализации, в которой подростки могли принять участие. Например, в г. Чусовой были сделаны гамаки, а в г. Горнозаводск – бетонная лавочка.

Для настоящего исследования были выбраны материалы двух фокус-групп с подростками, ранее участвовавшими в разработке и создании проектов общественных пространств г. Чусовой и г. Горнозаводск Пермского края.

Выбор лишь двух фокус-групп обусловлен исследовательской задачей: сопоставлением особенностей анализа качественных социологических данных, выполненного человеком и LLM. Такой подход требует более глубокого разбора текстов с последующим сравнением интерпретаций, что делает невозможным охват всех доступных материалов в рамках одной статьи. При этом выбранные фокус-группы обеспечивают достаточное тематическое и содержательное разнообразие для постановки и решения задач, связанных с изучением различий в аналитических стратегиях человека и ИИ.

Для обеспечения аналитического единства всем исследователям был предложен единый исследовательский вопрос – *каковы основные трудности в коммуникации взрослых и детей в процессе реализации соучаствующего проектирования городской среды?* В качестве теоретической основы для анализа данных фокус-групп использован участвующий подход социологии детства. Подход базируется на признании детей активными социальными акторами, способными к самостоятельному действию и влиянию на социальные структуры. Соучастие детей реализуется через создание пространства "этической симметрии" между взрослыми и детьми, где дети выступают равноправными участниками исследовательских и социальных процессов **[3]**. Важным теоретическим вкладом в понимание детского участия является концепция "Лестницы участия" Роджера Харта **[5]**, которая предлагает семиступенчатую модель участия детей от "Я ничего не решаю, ни в чем не участвую" до "Я сам принимаю решения и информирую о них взрослых". Эта модель позволяет различать подлинное участие детей от простого токенизма.

Показатели активного участия, выделенные Р. Олсен стали теоретической рамкой для анализа транскриптов фокус-групп **[6]**. В системный промпт была вставлена следующая исследовательская модель: информированность (доступ к понятным данным о цели, процессе и своей роли в проекте), автономия (свобода формировать/выражать мнение без давления), признание (ощущение, что взгляды ребёнка услышаны и учтены) и альянс (чувство партнёрства и взаимной значимости в совместной работе).

Сравнительный анализ ручного и автоматизированного подходов

В рамках исследования было проведено сопоставление результатов ручного и автоматизированного анализа данных фокус-групп с подростками по следующим 10 пунктам, которые позволяют наглядно выявить особенности каждого подхода.

Стиль изложения текста. Без использования специального промпта LLM выдает информацию в виде конспекта, используя схемы, пункты, таблицы. В рамках эксперимента DeepSeek предложил следующую классификацию мотивации участников: практическая (бесплатный кофе, возможность пропускать школу), творческая (интерес к работе с бетоном, реализация идей) и социальная (общение, совместный труд), что расскрывает мотивацию более широко. Исследователь придерживается научного стиля изложения (использование структуры и терминологии, опора на научные концепции со

ссылками на них), в то время как LLM склонен к воспроизведению, смешению множества разных источников, в т. ч. и нерелевантных для научных текстов, и генерации на их основе собственных суждений, которые видоизменяются при прописывании нового запроса. Структурирование текста языковой модели похоже на первичную кодировку собранных данных при ручной обработке результатов исследования. В обоих случаях в тексте выделяются ключевые слова и темы.

Цитирование. ИИ подвержен семантическим искажениям при цитировании, в том числе фабрикации элементов, отсутствующих в исходном тексте. К примеру, добавлена не существовавшая в оригинале оценка: "это было не актуально". Произведено перефразирование, где исходное высказывание "Единственное, что изменилось, – нас начали замечать. Нас поздравили с днём строителя" редуцировано до "Самое важное – нас поздравили с Днём строителя!", что исказило смысл, исключив ключевой контекст "начали замечать".

Использование теоретической рамки. И ручной, и автоматизированный анализ строились на основе теории участия Р. Олсен **[6]**, с использованием четырех категорий подросткового участия: информация, автономия, признание и альянс.

Исследователь даёт развернутые определения основных понятий, а DeepSeek использует более сжатую форму на основе промпта. В категории "информация" исследователь акцентирует внимание на проблемах информирования и возможном принуждении к участию, а LLM подчёркивает неясность критериев отбора, реализации и последующей судьбы проектов.

В блоке "автономия" ИИ трактует вмешательство кураторов как ограничение творческой свободы и указывает на принудительный характер групповой работы. Исследователь признаёт ограниченность автономии на этапе реализации (вследствие материальных и бюрократических факторов), но отмечает учёт мнения подростков и смешанный стиль общения взрослых (директивный и демократический).

В категории "признание" исследователь выделяет ограниченное влияние подростков на важные решения, несмотря на активное вовлечение на ранних этапах. DeepSeek фиксирует игнорирование мнения при выборе локаций и отсутствие связи с результатом.

В категории "альянс" ИИ указывает на низкую степень соучастия, отсутствие совместного целеполагания и разрушение доверия, однако последний аргумент основан на искажении, что свидетельствует о рисках генерации неверных выводов. Исследователь же рассматривает альянс как следствие взаимодействия со взрослыми, указывая на рост интереса подростков к благоустройству городской среды, несмотря на ощущение недостаточного учёта их мнения.

Сравнение демонстрирует, что ручной и машинный анализ по-разному акцентируют внимание на аспектах участия, и их сочетание может углубить интерпретацию полученных данных.

Ошибки и искажения данных. Человек склонен допускать ошибки ввода – например, пропуски или перестановку данных, тогда как LLM может искажать информацию. Так, модель DeepSeek указала на слабую координацию со школами на основе одного высказывания, не учитывая, что другие сообщали об осведомленности учителей и наличии подтверждающих документов.

Кроме того, модель иногда самостоятельно "достраивает" информацию, которая может быть важна для анализа: так, она сгенерировала возраст участников, хотя такие сведения отсутствовали в транскриптах.

При этом ручной анализ также подвержен интерпретационным ошибкам. В одном из выводов исследователь указал на негативную оценку подростками связи проекта с историей Пермского края. В качестве аргумента была приведена цитата: *"Мы должны были это все связать с историей Пермского края. Вот с этим всем. Поэтому все проекты, изделия должны были быть из бетона и связаны с бетоном, потому что в городе бетонный завод"*, в которой не прослеживается однозначное негативное отношение к данной концепции.

Пропуск значимых деталей. Упущение ключевых аспектов может нарушать логическую целостность и повлиять на достоверность выводов. Например, при сравнении двух фокус-групп модель DeepSeek заключает: "В Чусовом выше вовлеченность учителей и разнообразие проектов, но слабее связь с реализованным объектом". Однако в этом выводе не учитывается разное количество участников (Чусовой – 11, Горнозаводск – 4), а также различие в фокусе обсуждений.

Также при машинном анализе не применялась концепция "Лестница участия" **[5]**, из-за отсутствия её упоминания в промпте. Исследователь, напротив, использует её как диагностический инструмент для оценки субъективного восприятия подростками своей роли во взаимодействии со взрослыми.

При этом в анализе исследователя отсутствует аспект, связанный с готовностью рекомендовать проект друзьям, тогда как ИИ раскрывает эту тему с нескольких точек зрения: 1. Ироничное подтверждение ценности полученного опыта. 2. Идея: "Процесс важнее результата: коллективный опыт как самоцель".

Создание несуществующих взаимосвязей. Модель DeepSeek интерпретирует высказывания подростков как выражение фрустрации из-за неполной реализации проекта, утверждая, что участники отказались доделывать гамаки. Однако в действительности подростки отмечали ограниченность по времени: *"У нас было мало времени на реализацию гамаков. Мы сделали всего лишь 3, а надо было 6, поэтому строители сами уже все доделывали"*. Также модель указала на логистические трудности: "участники ходили пешком из-за пропущенных автобусов", тогда как подростки, напротив, сообщают, что пеший маршрут был осознанным и удобным выбором.

Восприятие и интерпретация контекста. Подростки отмечали трудности в коммуникации с кураторами, что исследователь трактует как ограничение возможностей выражения мнения и проявление директивного стиля общения, а DeepSeek – как противоречивость указаний от кураторов. ИИ интерполирует эмоциональный контекст, приписывая участникам эмоции обиды и бессилия, чего не подтверждают данные, ручной анализ, напротив, фиксирует в целом положительныйэмоциональный фон: "респонденты дают положительные эмоциональные оценки, связанные с новым опытом, возможностью коммуникации с разными людьми, приятной атмосферой", что подтверждается цитатами из фокус-групп.

Критичность выводов и полнота анализа. В эксперименте исследовательский вопрос касался трудностей коммуникации взрослых и подростков. DeepSeek сфокусировался лишь на проблемах, тогда как ручной анализ учёл и позитивные аспекты (уважительное отношение к детям и обучение новому). Кроме того, LLM прибегает к необоснованной стигматизации, утверждая, что "маленькие группы в депрессивных городах (Горнозаводск) склонны к цинизму; большие группы с опытом грантов (Чусовой) – к рефлексии системных проблем", что не подтверждается данными транскриптов и противоречит принципам научной интерпретации.

Рекомендации и прогнозы. Положительной стороной использования LLM является то, что помимо анализа имеющихся данных она генерирует и прогнозные данные в виде рекомендаций и возможных последствий. Так, при раскрытии основных трудностей в коммуникации модель приводит возможные последствия: снижение веры в эффективность соучастия, восприятие процесса как "взрослой инициативы" без реального влияния, эмоциональное выгорание.

Разница во временных затратах. Одним из основных различий является количество затраченного времени на анализ. Использование языковой модели значительно сокращает время работы, но все равно требует тщательной проверки со стороны исследователя.

Этапы реализации анализа данных фокус-групп с помощью LLM

В нашем исследовании мы решили использовать бесплатную и доступную в России модель. Из возможных вариантов была выбрана DeepSeek. Это одна из мощных современных моделей с функцией reasoning (с англ. – рассуждение), что оптимально для реализации исследовательских задач. Экспериментальные исследования подтверждают, что DeepSeek демонстрирует вы-

сокую точность при тематическом кодировании, анализе длинных контекстов (до 128K токенов), распознавании имплицитных социальных паттернов **[3]**. По данным платформы OpenLM.ai (https://openlm.ai/chatbot-arena/) DeepSeek занимает лидирующие позиции. Кроме того, предварительное тестирование нескольких моделей (Qwen, Perplexity, DeepSeek, Gigachat, YandexGPT) с помощью специального инструмента Chatbot Arena показало, DeepSeek хорошо справляется с качественным анализом транскриптов фокус-групп.

В рамках настоящего исследования применены две методики промпт-инженерии:

1. Chain-of-Thought (CoT): Пошаговая декомпозиция рассуждений, усиливающая интерпретируемость выводов.

2. Role Prompting: Назначение LLM специализированной роли (например, *"эксперт по социологии"*) для активации доменно-специфических знаний.

Важно корректно подготовить транскрипты: обеспечить конфиденциальность данных и присвоить участникам соответствующий код, обозначить возраст и пол, сохранять реплики с указанием кода участника. Желательно структурировать по тематическим разделам.

Использовалась простая и короткая цепочка действий без дополнительных промптов на выявление специфики по отдельным темам (в реальном социологическом исследовании необходимо более глубоко и детально изучать). Ниже представлен план.

1. В диалоговом окне прикреплен полный текстовый файл с транскриптом фокус-группы в г. Горнозаводск и написан промпт:

```
/промпт
        Изучи данный файл
```

2. В диалоговом окне прикреплен полный текстовый файл с транскриптом фокус-группы в г. Чусовой и написан промпт:

```
/промпт
        Изучи данный файл
```

3. Сформулирован системный промпт, интегрирующий исследовательский вопрос и теоретическую модель, включающий следующие блоки:

- присвоение роли профессионального социолога;
- определение задачи и указание следовать исследовательской модели;
- механизм валидации через цитирование первичных данных и обозначение формата написания цитат;
- формулировка вывода на основе исследовательского вопроса;
- формат вывода итогового ответа.

```
/промпт
        Ты – профессиональный социолог и пишешь научную статью. На основе глубокого анализа транскриптов обеих фокус-групп [ФГ Чусовой, ФГ Горнозаводск] выдели и перечисли ключевые темы, которые часто упоминаются или кажутся значимыми в обсуждении в соответствии с исследовательской моделью:
        ["Информация". Доступ к понятным данным о цели, процессе и своей роли. Объяснение контекста (напр., "Зачем мы встречаемся?"), визуализация этапов процесса.
        "Автономия". Свобода формировать/выражать мнение без давления. Открытые вопросы, время на размышление, отказ от корректировки высказываний ребенка.
        "Признание". Ощущение, что взгляды ребенка услышаны и учтены. Активное слушание, вербализация понимания ("Я слышу, ты хочешь...").
        "Альянс". Чувство партнерства и взаимной значимости в совместной работе. Совместная постановка целей (напр., "Давай решим эту проблему вместе")]
        1. **Структурируй выводы по каждому принципу модели: **
        Начни с чёткого обозначения принципа (например, **Информация **).
        Под принципом **перечисли ключевые выявленные темы (проблемы)**, связанные с его нарушением или неполной реализацией в коммуникации взрослых и детей. **Сформулируй каждую тему полно и содержательно, отражая суть проблемы в контексте соучаствующего проектирования.** Избегай общих фраз, делай акцент на конкретных аспектах взаимодействия.
```

После каждой темы приведи **2-3 полные, релевантные цитаты из транскриптов** (с указанием кода участника, например `[Д9]), которые **наглядно иллюстрируют** именно эту конкретную тему. Убедись, что цитата напрямую подтверждает сформулированную тему.

Цитату оформляй так – вначале текст с высказыванием участника в кавычках, затем в круглых скобках код участника и город, по следующему примеру "Когда нас объединяли в группы по рисункам, мы не понимали, что там общего" (Д8, Чусовой)`

Укажи *контекст* (когда, на каком этапе это происходило, если это ясно из данных).

2. **Ответ на исследовательский вопрос:**

На основе структурированного анализа по пункту 1, **сформулируй итоговый ответ** на вопрос [Основные трудности в коммуникации взрослых и детей в процессе реализации соучаствующего проектирования городских проектов].

Ответ должен **обобщать ключевые проблемы**, выявленные по всем четырем принципам модели, подчёркивая их влияние на процесс соучастия. Свяжи проблемы с нарушением конкретных принципов модели. Кратко укажи последствия этих трудностей (например, снижение мотивации, ощущение декоративности участия, разочарование).

Примечание: с целью лучшего понимания моделью заданий промпта, используются специальные обозначения. Материал для анализа включается в квадратные скобки.

* – одна звёздочка обозначает акцент, модель обращает повышенное внимание, однако такие фразы не считаются жёсткими инструкциями. Например: уточнения, нюансы, примечания; обозначение переменных-заполнителей внутри шаблона; выделение примеров, чтобы отделить их от основной инструкции.

** – две звёздочки – директива, то есть модель интерпретирует выделенный фрагмент как ключевую директиву / термин, к которому нужно строго "прислушаться".

4. В диалоговое окно отправлен промпт с заданием сформулировать неочевидный инсайт:

/промпт

На основе анализа обсуждения темы [Основные трудности в коммуникации взрослых и детей в процессе реализации соучаствующего проектирования городских проектов] в фокус-группах [ФГ Горнозаводск, ФГ Чусовой], сформулируй один неочевидный, но потенциально важный инсайт о глубинных мотивах или барьерах участников, связанных с этой темой. Подкрепи инсайт конкретными примерами цитат из разных групп.

5. Промпт на сравнительный анализ между двумя фокус-группами.

/промпт

Сравни две фокус-группы [ФГ Горнозаводск и ФГ Чусовой] по обсуждению ключевой темы [Основные трудности в коммуникации взрослых и детей в процессе реализации соучаствующего проектирования городских проектов]. Выдели основные сходства и различия в восприятии, аргументации, эмоциональной окраске. Укажи, какие социодемографические или контекстуальные факторы (если они тебе известны: [указать, например, возрастной состав, регион]) могли повлиять на эти различия?

Системный промпт для формулирования итогового заключения по всему анализу. Здесь мы не будем его приводить, так как он большой и занимает большое количество знаков. Но логика соответствует системному промпту на шаге 3.

В качестве практических комментариев следует добавить, что первые промпты на шагах 1 и 2 написаны в максимальной простой форме с целью получения более качественной информации на шаге 3. На начальном этапе были протестированы различные варианты промптов, включая запросы на выявление ключевых идей, консенсуса и разногласий между участниками, а также определение эмоциональной окраски дискуссии. Однако такие инструкции оказались ограничивающими, что привело к уменьшению глубины и качества выводов при использовании системного промпта на шаге 3.

После серии итеративных экспериментов был выбран более гибкий подход: предоставление модели возможности автономного изучения текста без детализированных указаний исследователя. Этот метод позволил расширить спектр интерпретаций материала, сделав их более содержательными и релевантными для целей качественного анализа. Полученные результаты демон-

стрируют значительное улучшение как в объёме выявленных тем, так и в их глубине.

Особое внимание уделялось разработке эффективной стратегии создания промптов. Основной вывод заключается в том, что наиболее продуктивным решением является делегирование задачи по формированию промпта самой модели. Исследователь может задать свои цели в общем виде, после чего модель способна предложить структурированный запрос или улучшить его на основе обратной связи. Такой подход позволяет минимизировать требования к исследователю в части владения навыками создания промптов и обеспечивает возможность получения содержательных результатов даже на начальных этапах работы с большими языковыми моделями (LLM).

В части повышения методологической точности перспективно применение технологии Retrieval-Augmented Generation (RAG) в анализе качественных данных. Но так как в нашу задачу входил поиск наиболее простого и доступного способа работы с современными нейросетевыми моделями для начинающего пользователя, данный вариант не использован.

Концептуальная архитектура RAG-систем включает два основных компонента: модуль поиска релевантной информации и модуль генерации ответов на основе найденного контекста **[9]**. То есть мы создаём базу с документами (наша теория и транскрипты) и работаем непосредственно с ней. В контексте анализа транскриптов фокус-групп данная архитектура обеспечивает систематический подход к извлечению и интерпретации качественных данных, минимизируя риск галлюцинаций и повышая обоснованность исследовательских выводов.

Таким образом, комбинирование гибкого подхода к формулировке запросов с использованием RAG представляет собой перспективную методологию для качественного анализа данных фокус-групп, позволяя достигать более точных и информативных выводов.

Заключение

Возможности применения ИИ в анализе качественных данных связаны, прежде всего, со значительной экономией времени и ресурсов из-за автоматизации рутинных задач. Как и профессиональные программы, в короткие сроки мультифункциональный ИИ способен проводить все необходимые процедуры, связанные с кодированием и аналитикой качественных данных, но этот процесс направляет исследователь.

Одной из актуальных проблем при использовании ИИ в качественных исследованиях является его неспособность полноценно обрабатывать невербальные данные, что наиболее важно при анализе фокус-групп, так как метод связан с групповой динамикой. Эти аспекты часто имеют критическое значение для последующих интерпретаций. Важна и методологическая позиция исследователя, который определяет подход к данным и их анализу, пока технология не может заменить глубину понимания и контекстуальные особенности.

Сложности связаны и с особенностями интерпретации. Системы ИИ делают ошибочные выводы из-за неполной информации и изначально заложенных представлений о социально-демографических характеристиках разных социальных групп. Присутствуют и культурные различия, так как все нейросети отражают специфические стереотипы и особенности, в том числе связанные с представлениями о гендерном порядке.

К общим проблемам использования современных ИКТ можно отнести как возрастающую зависимость от технологий, так и безопасность, и приватность данных, ведь системы могут стать объектом хакерских атак, а несанкционированный доступ к большим объемам личной информации иметь серьезные последствия для пользователей.

Проведённое исследование показало, что результаты анализа с использованием больших языковых моделей в значительной степени зависят от компетенций исследователя, работающего с ними. Ключевыми условиями эффективного применения ИИ являются точность формулировки задач, выбор аналитического ракурса и построение чётких методологических установок.

Ручной и машинный анализ акцентируют внимание на разных аспектах изучаемых данных, совместное использование которых может дать более

глубокие интерпретации. LLM может выступать в роли помощника исследователя, способного снизить когнитивную и временную нагрузку при выполнении рутинных задач – таких как первичная кодировка, составление кратких резюме, тематическое структурирование данных и генерация альтернативных точек зрения.

Тем не менее, на данном этапе развития технологии языковые модели не способны заменить человека в задачах глубокого анализа качественных данных. Они не обеспечивают достаточную связность, логичность и стилистическую точность при формировании научных текстов. Важно учитывать, что модели подвержены генерации недостоверной информации и "галлюцинациям", а также могут выдавать непроверенные или фиктивные ссылки, что требует тщательной редакционной и концептуальной доработки со стороны исследователя.

Также следует учитывать этические риски использования LLM в гуманитарных исследованиях. Автоматическая интерпретация данных, особенно собранных у уязвимых групп (в данном случае – подростков), может привести к искажению смыслов, неоправданной стигматизации или ошибочным выводам. Это требует ответственного подхода к внедрению ИИ и чёткой фиксации границ его аналитических возможностей.

Использование ИИ предоставляет множество преимуществ, но несёт в себе и риски, которые требуют внимания со стороны профессионального научного сообщества. Разработка и соблюдение этических стандартов, обучение новым алгоритмам взаимодействия с ИИ, позволяют исследователю более качественно и эффективно решать поставленные задачи. Опыт расширяется, как и меняется статус исследователя как архитектора, выстраивающего методологию своей работы, но с использованием возможностей ИИ, расширяющих его опции, способного даже к научной дискурсивности, но не решающего творческие задачи и не принимающего итоговые решения.

Литература / References

1. Горбачева Т. А. Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 1. С. 96–105. Gorbacheva T. A. Artificial intelligence: risks and problems of implementation in the Russian Federation // Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts. 2025. No. 1. P. 96–105. (In Russ.).
2. Мокшанов М. В. Применение искусственного интеллекта в анализе данных: обзор текущего состояния и будущих направлений // Universum: технические науки. 2024. № 5–1 (122). С. 40–48. Mokshanov M. V. Application of artificial intelligence in data analysis: a review of the current state and future directions. // Universum: Technical Sciences. 2024. No. 5-1 (122). P. 40–48. (In Russ.).
3. Хуснутдинова М. Р., Филипова А. Г. "Распаковка" агентности в школьном проекте: перспективы участвующего подхода // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19, № 2. С. 139–154. Khusnutdinova M. R., Filipova A. G. "Unpacking" agency in a school project: perspectives of a participatory approach // Education and Self-Development. 2024. Vol. 19, No. 2. P. 139–154. (In Russ.).
4. Chen B., Zhang Z., Langrené N., Zhu S. Unleashing the potential of prompt engineering for large language models // Patterns. 2025. T. 6. No. 6. P. 101–260.
5. Hart R. Children's Participation: From Tokenism to Citizenship. Florence: UNICEF / International Child Development Centre, 1992. 39 p.
6. Olsen R. K., Stenseng. F., Kvello O. Key Factors in Facilitating Collaborative Research with Children: A Self-Determination Approach // Academic Quarter. Akademisk Kvarter. 2022. No. 24. P. 135–148. https://doi.org/10.54337/academicquarter.vi24.7256
7. Schroeder H., Quéré M.A.L., Randazzo C., Mimno D., Schoenebeck S. Large Language Models in Qualitative Research: Uses, Tensions, and Intentions. Large Language Models in Qualitative Research // arXiv, 2025. URL: https://arxiv.org/abs/2410.07362 (accessed 05.07.25).
8. Schroeder H., Randazzo C., Mimno D., Schoenebeck S., Aubin Le Quere M. Large Language Models in Qualitative Research: Can We Do the Data Justice? // ResearchGate In Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI EA'25), April 26–May 1, 2025. Yokohama, Japan. ACM, New York, NY, USA, 2025. https://doi.org/10.48550/arXiv.2410.07362.
9. Schulhoff S., Ilie M., Balepur N., Kahadze K., Liu A., Si C., Li Y., Gupta A., Han H., Schulhoff S., Dulepet P. S., Vidyadhara S., Ki D., Agrawal S., Pham C., Kroiz G., Li F., Tao H., Srivastava A., Costa H. D., Gupta S., Rogers M. L., Goncearenco I., Sarli G., Galynker I., Peskoff D., Carpuat M.,

White J., Anadkat S., Hoyle A., Resnik P. The Prompt Report: A Systematic Survey of Prompt Engineering Techniques. The Prompt Report / arXiv:2406.06608 [cs]. – arXiv, 2025.
10. White J., Fu Q., Hays S., Sandborn M., Olea C., Gilbert H., Elnashar A., Spencer-Smith J., Schmidt D. C. A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with ChatGPT / arXiv:2302.11382 [cs]. – arXiv, 2023. // arXiv, 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2302.11382 (accessed 05.07.25).
11. Wong L. Z., Bhattacharya P., Loh S. B., Oh H. S., Juraimi S. A., Anant N., Pillay A., Chong M. F.-F., Fogel A., Sheen F., Pink A. E. Utilizing Large Language Models to Conduct Thematic Analysis: A Case Study on Focus Group Transcripts. Utilizing Large Language Models to Conduct Thematic Analysis. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2025. 56 p.
12. Zhang H., Wu C., Xie J., Lyu Y., Cai J., Carroll J. M. Redefining Qualitative Analysis in the AI Era: Utilizing ChatGPT for Efficient Thematic Analysis // // arXiv, 2025. https://arxiv.org/html/2309.10771v3 (accessed 05.07.25).

◆

Информация об авторах

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова, канд. соц. наук, старший научный сотрудник Московского психолого-педагогического университета, Москва, Россия, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Ирина Игоревна Баранова, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Baranovairinaa99@gmail.com

Оксана Геннадьевна Зубова, канд. полит. наук, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: zubovaoksana@bk.ru

Information about the authors

Margarita R. Khusnutdinova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Irina I. Baranova, Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia, e-mail: Baranovairinaa99@gmail.com

Oksana G. Zubova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: zubovaoksana@bk.ru

Поступила в редакцию 16.07.2025 Одобрена после рецензирования 12.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 16.07.2025 Approved 12.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 84–94.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 84–94.

Круглый стол
УДК 378:001.89:004.94
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/84-94

Будущее высшей школы и науки в грядущем нейросетевом сообществе

Григорий Анатольевич Алексанин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, aleksanin.ga@dvfu.ru
Илья Игоревич Докучаев
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ilya_dokuchaev@mail.ru
Роман Игоревич Дремлюга
Дальневосточный центр искусственного интеллекта, Владивосток, Россия, dremliuga.ri@dvfu.ru
Борис Анатольевич Карев
Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, Karevdok.27@mail.ru
Александр Александрович Львов
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, camenes@yandex.ru
Сергей Евгеньевич Ячин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yachin.se@dvfu.ru

Ключевые слова: *искусственный интеллект, информационные технологии, информация, знание, образование, высшая школа, наука, нейросетевое общество, эпистемология*
Для цитирования: Алексанин А. Г., Докучаев И. И., Дремлюга Р. И., Карев Б. А., Львов А. А., Ячин С. Е. Будущее высшей школы и науки в грядущем нейросетевом сообществе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 84–94. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/84-94

Round Table
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/84-94

The Future of Higher Education and Science in the Coming Neural Network Community

Grigory A. Aleksanin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, aleksanin.ga@dvfu.ru
Ilya I. Dokuchaev
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ilya_dokuchaev@mail.ru
Roman I. Dremlyuga
Far Eastern Center for Artificial Intelligence, Vladivostok, Russia, dremliuga.ri@dvfu.ru
Boris A. Karev
Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, Karevdok.27@mail.ru
Alexander A. Lvov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, camenes@yandex.ru
Sergey E. Yachin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yachin.se@dvfu.ru

Key words: *artificial intelligence, information technology, information, knowledge, education, higher education, science, neural network society, epistemology*
For citation: Aleksanin G. A., Dokuchaev I. I., Dremlyuga R. I., Karev B. A., Lvov A. A., Yachin S. E. The Future of Higher Education and Science in the Coming Neural Network Community // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 84–94. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/84-94

Мы становимся свидетелями и участниками *прогрессирующего ускорения социального времени,* открывающего перед человечеством грандиозные перспективы, и вместе с ними – новые риски. Идёт формирование акторно-сетевого сообщества людей и антропоцентрированных машин. Прежде всего, изменения затрагивают интеллектуальную атмосферу в научно-академической среде. Требуют пересмотра почти все привычные формы производства, хранения и трансляции знания, а также принципы принятия стратегических решений. Остро ощущается кризис дисциплинарного знания, всех привычных форм его трансляции и связанных с ними научных методов. Основным становится вопрос о статусе личного знания в образовании и исследованиях, его критериях и квалификационном подтверждении.

Проведённый мониторинг среди преподавателей и молодых учёных ДВФУ показывает, что большая их часть не осознаёт радикальность происходящих перемен. Новые информационные технологии воспринимаются как внешние инструменты поддержки и усиления человеческих интеллектуаль-

© Алексанин А. Г., Докучаев И. И., Дремлюга Р. И., Карев Б. А., Львов А. А., Ячин С. Е., 2025

ных и творческих способностей. Неизбежность и последствия глубинной нейросетевой интеграции осознаются недостаточно; отсутствует ясное понимание различия между трансляцией информации и передачей знания в учебном процессе.

На обсуждение участников данного круглого стола были вынесены три главных вопроса:

- Необходима ли радикальная реформа системы высшего образования, учитывая, что большая часть профессиональных компетенций более не требует фундаментальной подготовки? Возможности информационных технологий позволяют осуществлять профессиональную деятельность на уровне владения компьютерными программами. Как должны быть сформулированы базовые компетенции университетски образованной личности?
- Как должен измениться учебный процесс и роль преподавателя в нём? Как избежать тенденции, наблюдаемой уже сегодня (и вызванной непониманием различия знания и информации), к изъятию живого преподавателя из учебного процесса и подчинению этого процесса собственной логике информационных технологий?
- Исходя из того, что возможности искусственного интеллекта (ИИ) не отменяют целиком человеческое творчество и человеческую разумность, но признавая, при этом, что все творческие достижения будут получены в диалоге с ИИ, как должны быть сформулированы требования к человеческому участию в исследованиях и разработках? К каким последствиям должно привести появление социальных акторов, по своей мощности превосходящих человеческий коллективный интеллект?

Представляем вниманию читателей сокращенные версии докладов участников круглого стола, который был организован в виде серии встреч и обсуждений, прошедших в марте – апреле 2025 г. Модератором круглого стола выступил д-р филос. наук С.Е. Ячин.

Алексанин Г. А. (доклад "Прогноз на ближайшую перспективу (отвечая на поставленные вопросы")): Процесс самообучения нейросетей запущен и идёт с ускорением, которое уже в ближайшей перспективе изменит почти все существующие профессии. Нейросети сегодня пишут код, диагностируют болезни, сочиняют музыку и стихи. Следует ли конкурировать с ними или вступить в тандем? Последнему нет альтернативы. Мир меняется так быстро, что образование больше не может оставаться "консервной банкой" знаний – оно должно стать гибким, как стартап. Профессии трансформируются стремительнее, чем университеты успевают обновить программы. ИИ перестал быть просто инструментом – он стал соучастником творчества.

Но здесь кроется ловушка: автоматизация навыков не отменяет необходимости понимать, как всё устроено. Да, нейросеть за секунды проведёт анализ данных, но без вашего глубинного понимания контекста она может выдать абсурд. Машины не думают – они вычисляют. И чтобы не стать заложником их ошибок, нужно знать основы.

Фундаментальные дисциплины не исчезнут – просто их станет меньше. Вместо зубрёжки формул и дат акцент сместится на то, что нельзя скачать в виде программного обеспечения:

Критическое мышление – щит в эпоху фейков и AI-галлюцинаций. Как отличить научную статью, написанную нейросетью, от настоящей? Почему ChatGPT уверенно сочиняет "факты" о несуществующих исторических событиях? Ответы требуют не памяти, а умения задавать вопросы.

Адаптивная обучаемость – навык осваивать новое за дни, а не годы. Системное мышление – видеть связи между технологиями и обществом. Например, внедрение беспилотных машин сократит число ДТП, но оставит без работы водителей. Как решить эту этическую дилемму? Тут не поможет даже самый продвинутый ИИ.

Университет будущего не будет учить на "программиста" или "биолога". Вместо этого он подготовит вас к тому, чтобы за пять лет сменить три роли – от аналитика данных до менеджера AI-проектов.

Представьте ленту TikTok, которая никогда не заканчивается. Теперь умножьте это на 100 – так выглядит информационная перегрузка. Умение фокусироваться станет сверхспособностью. Но как этому научиться?

Ещё один ключевой навык – принятие решений в условиях неопределённости. Допустим, вы руководите проектом по климатическим изменениям. Данные противоречивы: одни модели предсказывают катастрофу, другие – мягкую адаптацию. Нейросеть предложит десяток сценариев, но последнее слово останется за вами. Не случайно будущих инженеров учат философии: этика часто важнее эффективности.

И да, вам не нужно быть математиком, чтобы работать с данными. Современные инструменты превращают числа в визуальные истории. В этих условиях роль преподавателя меняется. Если раньше он был "проводником знаний", то теперь – архитектор возможностей. Его задача – не читать лекции, а создавать среду, где студенты учатся методом проб и ошибок.

Преподаватели-менторы помогут соединить технологии с гуманитарным мышлением. Как? Через проекты на стыке дисциплин: инженеры и философы вместе разрабатывают этические стандарты для роботов-хирургов, биологи и социологи моделируют последствия редактирования генома.

Университет будущего – это не здание с аудиториями, а платформа для непрерывного обновления себя. И главное, что вы вынесете из стен альма-матер – не набор фактов, а умение учиться, переизобретать себя и оставаться человеком в мире машин. Потому что даже если нейросеть напишет за вас диссертацию, защищать её придётся лично.

***

Представьте класс 2035 г. Студенты в VR-шлемах погружаются в виртуальную Древнюю Грецию, нейросеть подбирает каждому персональные задания, а голографический Эйнштейн объясняет теорию относительности. Кажется, живой преподаватель здесь лишний. Но нет, роль учителя всё также остаётся важной, потому что образование – это не передача информации, а искра, которая зажигает мышление.

Роль преподавателя, конечно, изменится. Прямая трансляция знаний уйдёт на второй план. Когда любой факт можно найти за секунду, миссия преподавателя – создавать ситуации, где знание рождается через действие. Учитель здесь – режиссёр, который соединяет технологии с этическими дилеммами. Потому что хотя машина и может выдавать точные решения, принимать их и нести за них ответственность всё равно будет человек.

В 2023 г. ChatGPT советовал пользователям есть грибы-поганки для "повышения продуктивности". Алгоритмы не понимают контекста, не чувствуют боли, не несут ответственности. Именно поэтому задача преподавателя не конкурировать с технологиями, а учить фильтровать и интерпретировать информационный шум. Например, на занятии по истории студенты анализируют ИИ-генерацию текстов о "холодной войне". Задача – не найти ошибки (это сделает машина), а понять: "Почему нейросеть делает акцент на ядерной гонке, а не на культурном обмене? Чьи нарративы она воспроизводит через столько лет?".

***

Представьте, что в 2040 г. на Нобелевскую премию по литературе номинируют нейросеть. Она пишет романы, которые заставляют плакать миллионы читателей. Но когда журналисты спрашивают: "В чём смысл вашего творчества?", алгоритм молчит. Ответить может только человек – тот, кто задал правильные вопросы, отредактировал "сырой" текст и вдохнул в него личный опыт. Таким образом, даже если ИИ создаёт шедевры, оценивать мы будем не его, а человека, который превратил вычисления в смыслы.

Главная угроза теперь – не недостаток знаний, а слепая вера в объективность ИИ. Ключевой навык – умение задавать правильные вопросы, фильтровать и интерпретировать ответы, оценивать достоверность данных, логику ИИ-моделей и их применимость к конкретной задаче.

Докучаев И. И. (доклад "Наука в современной культуре: социальные сети, искусственный интеллект и виртуальная реальность"): Современная наука является частью глобального перформанса, под которым я понимаю превращение подлинной реальности в иллюзию. В этом контексте наука оказывается деятельностью, осуществляемой в сфере виртуальной реальности силами ИИ и социальных сетей.

Социальная сеть – своеобразный субъект сетевой культуры. Это совокупность фрагментов человеческой личности, ников, аватаров, аккаунтов, за которыми скрываются люди, боты, тролли. Мираж, функционирующий только в условиях виртуальной реальности, оказывается в состоянии не только согласованно действовать, но и получать ценные результаты. Великолепный пример подобного труда – проект "Википедия". В современном мире непрерывно меняющейся информации трудно представить себе адекватный словарь имен, фактов и ценностей, который бы создавали профессиональные эксперты. Необходимо было создать открытую платформу, которая бы постоянно менялась, обогащалась новыми фрагментами. Однако риск появления среди такой информации фейков, мифов, ошибок, заблуждений возрастает в подобных условиях многократно. Для амортизации последствий этого были введены несколько уровней контроля за значимостью и достоверностью инноваций. Почти наверняка можно утверждать, что этого контроля недостаточно. Ссылки на источники, которыми верифицируется тот или иной фрагмент словарной статьи, не могут выполнить поставленной задачи, так как сами источники никто проверяет. Это свидетельствует о кризисе важнейшей части подобной работы – её экспертного содержания.

Кризис экспертных процедур приобретает ужасающий характер. Если, по мнению Ницше, место учёного занимает журналист, то сегодня место журналиста уже занимает блогер. Квалификация блогера вообще не поддается какому-либо замеру. Дилетантизм начинает определять все сферы человеческой деятельности. Выходя за пределы Интернета в мир Постинтернета, кризис экспертной деятельности выливается в принципиальное недоверие мнению специалиста. Сама подготовка специалистов, её институты и содержание шельмуются и уничтожаются. Бюрократизация работы таких институтов, имеющая целью компенсацию доверия профессионалам за счёт количественных показателей эффективности, завершает гибель и экспертных, и профессиональных форм человеческой деятельности.

Вместе с тем, имеются и позитивные тенденции. К их числу можно отнести некоторые информационные системы, которые создаются квалифицированными пользователями. Как пример – операционная система Linux. Пока непонятно, кто победит в конкуренции – сетевая информационная система или корпоративная, типа Microsoft, – но уже сам факт длительности этой конкуренции и успешности бесплатной Linux свидетельствует о том, что сетевые проекты, развивающиеся спонтанно и не ограниченные конкретным коллективом разработчиков – важнейший сегмент современной науки.

Ещё один пример положительной практики – рост популяризации научных достижений, привлечения подрастающего поколения к научной деятельности посредством материалов, распространяемых в сети, на файлообменных площадках и хостингах, типа YouTube. Среди продуктов такого рода встречаются настоящие шедевры с точки зрения широты и глубины их содержания и привлекательности формы. Педагогическую составляющую такого контента невозможно переоценить, он составляет настоящую конкуренцию любым продуктам учебно-методического характера, включая как живые курсы мастеров преподавательской деятельности, так и записанные и опубликованные на различных образовательных площадках.

Ещё недавно основной проблемой образования и науки были многочисленные формы плагиата, среди которых встречались и откровенные заимствования чужого текста, и более тонкие результаты обработки этого текста – в форме изложений и рерайтинга. Совершенствование методов плагиата влекло за собой развитие поисковых систем, способных распознавать чужой текст даже в самых изощренных его модификациях. Однако сегодня произошла настоящая революция в развитии инструментов плагиата, и можно говорить, что борьба с ним почти проиграна. Средствами ИИ сейчас можно создавать тексты, настолько оригинальные, связные и даже концептуальные, что никакие поисковые системы и идентификаторы следов конструирования текста чатами нейросетей уже не в состоянии это распознавать. Как победа соответствующей информационной системы над чемпионами мира по шахматам поставила точку в длительной работе по её совершенствованию, так, возможно, скоро придётся ставить точку и в борьбе с мошенничеством в области

создания оригинальных научных (и художественных) текстов, а также иных инновационных продуктов (например, в области искусства).

Если признать, что человеческий мозг – не более чем информационно-вычислительная нейросеть, то нет никаких оснований отвергать идею о том, что развитие ИИ должно завершиться созданием сильного ИИ, не просто воспроизводящего достижения человека, но и создающего принципиально новые и недоступные человеческим возможностям научные результаты. Тексты, генерируемые сегодня ИИ, поражают объёмом обработанных данных, структурированием и проблематизированием предметной области, с которой работает нейросеть, стилистической выразительностью этой информации, связанной с жанром текста. В таких результатах нет пока только одного – оригинальной концептуализации научной проблемы. Речь идёт не столько об обработке информации, сколько о способности заново осмыслить эту информацию исходя из принципиально иных, творчески разработанных, оснований. Но и эта проблема, на мой взгляд, со временем будет решена. Сегодня же генерируемые ИИ тексты становятся незаменимыми инструментами любой инновационной научной работы и, конечно же, педагогической.

Если ИИ справится с указанной задачей, возникнет проблема контроля за его творчеством. Какой окажется научная и образовательная деятельность человека в условиях, когда целые её сферы будут неизбежно переданы в ведение ИИ? Значительная часть традиционной работы станет неэффективной на фоне аналогичных результатов, полученных нейросетью. Уже в ближайшем будущем следует подумать о том, чтобы полностью избавиться от выпускных квалификационных работ текстового характера в сфере профессионального образования. Хорошим вариантом профессиональной инициации в этих условиях является старый средневековый диспут, в котором соискатель должен был выдвинуть ряд тезисов и отстоять в ходе научной дискуссии их аргументацию. Быть может, человеку останется не столько инновационная работа, сколько погоня за уходящим вперед ИИ, трудная деятельность по освоению его достижений. В этом контексте образовательный процесс может вытеснить научный, но профессионализм не должен быть утрачен ни при каком раскладе сил.

Перспективы тотального подавления человека виртуальной реальностью представляют собой действительную опасность. Однако логика эволюции информационных технологий и науки, основанной на них, такова, что ее риски придется учитывать.

Простая отмена таких технологий еще менее реалистична, чем угроза катастрофы. Человечеству придется научиться жить с созданным им миром. Так что, или мы погибнем вместе, или вместе выживем, то есть построим с помощью тех же технологий среду более или менее безопасного сосуществования.

Дремлюга Р. И. (доклад "Большие языковые модели в высшем образовании: запретить нельзя использовать"): Начинать следует с переосмысления того, какой человек найдет себя в новом мире ИИ и больших языковых моделей. Какие компетенции сделают профессионала востребованным и успешным? В мире больших языковых моделей требуются новые компетенции, потому что традиционные навыки работы с информацией, аналитикой и коммуникацией трансформируются под влиянием ИИ.

Большие языковые модели автоматизируют рутинные задачи (написание текстов, анализ данных, генерацию кода), поэтому нет смысла формировать выпускника под узкотехнические навыки без умения работать с ИИ. Очевидно, что в гуманитарном образовании роль академического письма как инструмента формирования критического мышления снижается, при этом само критическое мышление становится необходимым навыком для любой университетски образованной личности.

Фундаментальная подготовка также требует переосмысления. Зачем учить то, что ИИ может выдать за секунды? Пока студенты изучают устаревшие методы и неактуальные знания, рынок труда требует навыков работы с ИИ в различных сферах. Даже в компетенциях "до ИИ" многое из образования не применялось в реальной работе. Трата времени на невостребованные знания и навыки – непростительная роскошь.

В то же время, отношение к фундаментальной подготовке должно быть взвешенным. Поскольку зачастую базовые знания в той или иной области тесно связаны с формированием критического мышления. В условиях, когда большинство информации будет генерироваться с помощью ИИ, базовые знания помогут отличить правильную работу интеллектуальных систем от ошибочной. Так, врачу любого профиля необходимо знание анатомии, а программисту – понимание основ алгоритмизации. Без понимания основ сложно отличить правду от вымысла или выявить "галлюцинацию" большой языковой модели.

В случае выведения фундаментальной подготовки из учебного плана, необходимо найти дополнительные инструменты формирования критического мышления. Без истории, математики или философии в программе критическое мышление придётся выращивать через специальные практики – от деконструкции промптов до междисциплинарных кейсов, где ИИ не формирует ответ, а выступает инструментом для проверки гипотез. В ином случае, будет рост когнитивной зависимости от ИИ, поскольку без базовых знаний пользователи не смогут верифицировать ответы ИИ, принимая ошибки за истину. Также дополнительные инструменты нужны для формирования критического мышления из-за риска утраты способности к глубокому анализу.

Другим важным навыком, который связан с выведением фундаментальной подготовки из образовательных программ, является безопасность и этика использования ИИ в профессиональной сфере. Этика и безопасность в юридическом понимании – это осознавание последствий применения технологий, в том числе неочевидных и отложенных во времени последствий. Так, врач должен понимать не только последствия использования ИИ для лечения конкретного пациента, но и для всей системы здравоохранения в целом, в динамике будущих лет, а юрист, понимающий право, сможет корректировать ИИ-анализ конкретного закона с учётом всей теории права, а также с учётом её развития.

Таким образом, фундаментальные знания – привычный, но не единственный путь к критическому мышлению. Уменьшение роли фундаментальной подготовки назрело, но требует продуманной замены в условиях роста возможностей современных информационных технологий.

***

В перспективе, роль преподавателя как "транслятора знаний" становится полностью неактуальной. Об этом говорят со времени повсеместного проникновения Интернета, сейчас же об этом можно сказать окончательно. С приходом мощных языковых моделей типа ChatGPT, традиционная роль преподавателя как источника информации утрачивает смысл. Когда любой факт, объяснение или инструкцию можно получить мгновенно, ценность педагога, просто пересказывающего учебный материал, стремится к нулю. ИИ доступен круглосуточно, не устаёт, адаптирует объяснения под уровень ученика и зачастую делает это бесплатно. Зачем слушать часовую лекцию, если нейросеть за несколько секунд выдаст персонализированный ответ на любой вопрос? Раньше главной целью было запоминание фактов – дат, формул, правил. Сегодня важнее научиться работать с информацией: анализировать, проверять, применять на практике. Современный студент должен не столько знать, сколько уметь – формулировать запросы к ИИ, выявлять ошибки в его ответах, интегрировать полученные данные в реальные проекты, поэтому роль преподавателя должна быть совершенно иной.

Преподаватель, по сути, должен заниматься формированием критического мышления у студента. Конечно, для этого он сам должен быть не лишён этого самого критического мышления. По сути, преподаватель – это последний барьер на пути бесконтрольного использования ИИ студентами. Сегодня проблема студентов – не недостаток данных, а невозможность ориентироваться в их потоке. И преподаватель должен учить студентов использовать ИИ разумно, этично и безопасно. Дискуссии, анализ ошибок ИИ, проверка гипотез, оценка будущих рисков – вот формы образовательного процесса, которые станут основными в эпоху ИИ. Для этого нужен новый преподаватель, который сам обладает критическим мышлением, умеет коммуницировать с

людьми, вдохновляет и вовлекает студентов в самостоятельное освоение навыков и знаний.

***

В ближайшем будущем всё сведётся к целеполаганию и навыку принятия решений. Всё остальное будут делать машины. Они будут гораздо надежней и эффективней, лучше программировать и писать романы, которые вызовут максимальный эмоциональный отклик и непрерывный читательский интерес от первой до последней страницы. За нами останется только принятие решений, навык который нам жизненно важно сохранить.

Если мы не хотим утратить контроль над технологиями, то нам также необходимо критическое мышление, чтобы не только оценивать результаты работы ИИ, но и понимать последствия и этичность исследований и разработок.

Карев Б. А. (доклад "Цифровые образовательные средства и традиционные педагогические условия: комплиментарность или противоречие"): Находящаяся в постоянной динамике структура социума в обстоятельствах цифровизации является существенным фактором трансформации образовательного процесса.

Целостная система образования в настоящее время подверглась внедрению таких явлений, как ИИ, дистанционное обучение, электронно-образовательная среда и другие. Являются ли эти инструменты рациональным дополнением образовательного пространства или представляют собой "обузу", идущую поперёк традиционным методикам преподавания? Для разрешения противоречия необходимо более предметно разобраться в сущности цифровизации и, в частности, ИИ и его влиянии на образование.

Согласно Федеральному закону от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ, ИИ – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Исходя из положения закона, когнитивные функции человека могут быть смоделированы нейронными сетями посредством реализации алгоритмов и запросов ИИ. Например, одной из функций нейронных сетей является **"диалогово-обучающее" свойство**, согласно которому человек, задавая вопрос ИИ, может получить развёрнутое пояснение с предоставлением всех рассуждений и "логических" связей, которые привели к ответу. То есть ИИ опирается на "логическую" цепочку, которая в его алгоритмическом интеллекте непротиворечива, очевидна и поддаётся объяснению.

Может ли диалогово-обучающая функция заменить реальное общение с педагогом? Конечно, нет. Эмоциональная окраска повествования, преподавательская харизма, личный пример, передача жизненного опыта и разъяснение практико-ориентированных знаний – всё это не присуще функционалу ИИ, да и в целом "живое" общение в образовании не сможет смоделировать в настоящее время ни одна из нейросетей. Но при этом запрет на использование ИИ нецелесообразен. Как обучающиеся, так и преподаватели могут рационально использовать элементы цифровизации, получая эффективные результаты, воплощённые в знаниях или в развитии когнитивных способностей. Рассуждения ИИ могут, например, натолкнуть вас на мысль или поспособствовать построению рассуждений в той или иной области.

Следующая функция ИИ – **персонализация обучения**. Существуют различные платформы, обладающие функционалом персонализированного подхода в педагогическом процессе, такие как:

IntelliBoard – аналитическая платформа, интегрируемая с системами управления обучением (например, Moodle), для создания детализированных отчётов и анализа учебной активности. Она фокусируется на визуализации данных, помогающих лучше отслеживать успехи обучающихся и выявлять области, требующие дополнительной поддержки.

Knewton – адаптивная платформа, специализирующаяся на создании персонализированных учебных траекторий. Она активно использует алгорит-

мы ИИ для подстройки учебного материала под потребности каждого обучающегося, выявления его пробелов в знаниях и формирования индивидуальных рекомендаций. К примеру, решая тест на наличие знаний в определённой области науки, Knewton может смоделировать перечень рекомендаций и соответствующий контент для повышения уровня понимания именно тех направлений, в которых были допущены ошибки.

Может ли программное обеспечение на базе ИИ сделать персонализацию обучения более эффективной? Да, может. Но не стоит забывать, что основным субъектом индивидуального подхода является педагог, который в обстоятельствах цифровизации не должен заменять себя на ИИ. В образовательном процессе необходимо использовать разные методики, уметь мотивировать к учёбе без использования сторонних программ, а также помнить, что излишнее их использование может привести к ухудшению качества образования, так как персонализация обучения строится на понимании индивидуальных особенностей личности, что в полной степени не может охватываться алгоритмами нейросетей.

Также, одной из основных функций выступает **геймификация** образовательного процесса. Геймификация – это метод внедрения игровых элементов в различные сферы деятельности. Вовлечение в процесс обучения может строиться на поощрительных баллах, чувстве соперничества, объединении с другими участниками в команды и т.д. Примером могут служить онлайн-тренинги, сгенерированные ИИ с использованием VR-тренажёров, способствующие развитию коммуникации, быстрому принятию решений, приобретению навыков в профессиональной деятельности и привитию критического мышления.

При геймификации ИИ будет учитывать усилия каждого конкретного участника, выявлять и вознаграждать их, поощрять лучшие идеи и инновации как прообраз качественных будущих результатов. Учащиеся будут вынуждены мыслить нестандартно, ставя себя в условия с высокими ставками, их можно будет включать в серьёзную игру через инструменты ИИ, чтобы познакомить с самыми сложными ситуациями, с которыми они могут столкнуться в реальном мире.

Таким образом, при рациональном использовании инновационных технологий, преподаватель получает эффективное дополнение традиционных методик, что благоприятно скажется на результатах обучения. Но стоит учитывать, что ключевым здесь является именно рационализм.

Львов А. А. (доклад "Педагогические вызовы и мировоззренческие стратегии высшей школы в глобальном информационном обществе"): Информационные технологии – это не та перспектива, которую можно "отыграть" назад: если появляются такие инструменты, которые позволяют существенно сэкономить время на подготовку письменных работ или изучение тех или иных тем, ими непременно будут пользоваться и обучающиеся, и сами исследователи.

Разумеется, что смещение акцента с подготовки специалиста в конкретной области на грамотного пользователя условного чата GPT может грозить выхолащиванием как образования, так и научного исследования. С одной стороны, уверенный пользователь подобных ресурсов, несомненно, может подготовить качественный текст и при этом охватить гораздо больший объём информации, учесть новейшие работы по заявленной теме или присовокупить иностранные источники. С другой стороны, формальные академические виды работ, написанные ИИ (от эссе и презентаций до ВКР и диссертаций), которыми отчитываются обучающиеся, зачастую неотличимы от работы компетентного специалиста. Это не может не порождать также и мировоззренческих вызовов, поскольку речь идёт о сути получения высшего образования и тех компетенций, которыми студенты высшей школы обязаны овладеть.

Можно ли предложить какую-то положительную мировозренческую стратегию во избежание подобного рода формализации получения академических навыков? Если проанализировать подходы в современных исследованиях мировоззрения в педагогическом ключе, то мы обнаружим примеры таких плодотворных стратегий. Остановимся на двух из них.

Так, М. П. Арутюнян в своей монографии "Феномен мировоззрения" предлагает рассматривать мировоззрение как многообразные формы ориен-

тации человека в мире (миф, идеал, картина мира, утопия, идеология, легенда), что в свою очередь предполагает наличие разнообразных "мировоззренческих функционалов": мироощущение, мировосприятие, миропонимание, миропреобразование и др.

Интересные мировоззренческие концепции предлагают и авторы, работающие в области теологии образования. Примером тому служит оригинальный отечественный проект, опирающийся на библейскую догматику и традицию русского православия и учитывающий современные педагогические практики. Со времен бл. Августина хорошо известно, что вера человека в Бога, его стремление познать божественную мудрость и истину Священного Писания могут быть реализованы в педагогической практике – но для подобной стратегии необходимо сформированное представление о "сокровенном субъекте", или, как писал апостол Павел, "внутреннем человеке", который сам находит удовольствие в законе Божьем. То же относится и к мировоззрению как стратегии поиска ориентации человека в мире – в данном случае оно выступает как смысловое ядро внутренней самоорганизации человека.

Если мы говорим о студентах высшей школы, то практический аспект реализации любой мировоззренческой стратегии может быть связан с определением разделяемых каждым обучающимся ценностных или познавательных идеалов, с набором которых знакомит любой курс гуманитарных наук (и прежде всего – философии).

В этом отношении важно избежать эклектизма и иметь в виду возможность преподавания целостного, внутренне структурированного и продуманного курса гуманитарных дисциплин. Возможно ли это в ситуации, когда в информационном и образовательном пространстве нередко еще можно встретить методологический и аксиологический релятивизм? В связи с этим укажем на два обстоятельства.

Первое из них, хотя и формального порядка, но может (и должно) быть истолковано содержательно – это Указ № 809 Президента РФ "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Как представляется, эти ценности должны найти сочувственное отношение, что может способствовать формированию солидарности обучающихся в высшей школе. При этом цифровые технологии должны стать предметом критической оценки со стороны обучающихся в соответствии с привитыми ценностями.

Второй стороной формирования мировоззрения может стать классическая "забота о себе". Принцип *cura sui* – это то, что взывает к личным амбициям и осознанной деятельности любого человека. Применение технологий в этом смысле можно рассматривать как хороший инструмент для реализации собственных проектов и замыслов, но основанных на развитом критическом мышлении и внимательном отношении к себе как к компетентному специалисту. Задача гуманитарных наук – показать, что студент сам должен проявлять внимание к формированию своих компетенций, поскольку никакие внешние инстанции не смогут сделать это за него. *No.n scholae, sed vitae discimus* – мы учимся не для школы, а для жизни.

Современные технологии в образовательном процессе, безусловно, должны быть поняты как логически необходимые достижения глобальной техногенной цивилизации. Бороться с теми вызовами, которые они ставят перед нами, возможно лишь компетентными мировоззренческими стратегиями. Эти последние представляются связанными с развитием навыков сознательной и критической ориентации обучающихся в высшей школе.

Ячин С. Е. (доклад "Эпистемическая компетентность: в ожидании цивилизационного взрыва"): Информационные технологии, в их современном состоянии, носят взрывной характер в отношении всех или почти всех установившихся социальных порядков. Я буду использовать выражение "цивилизационный взрыв" в близком значении к понятию *"культурного взрыва",* которое использовал Ю.Н. Лотман для характеристики интенсивных преобразований, происходящих в одних культурах, когда они вступали в интенсивное текстовое взаимодействие с другими культурами.

Нынешнее воздействие информационных технологий на всю систему социального воспроизводства – в первую очередь на науку и образование – уже сегодня имеет характер взрыва. Эти технологии подрывают эффективность

антропоцентрированных моделей производства, в том числе и производства нового знания в науке и воспроизводства знания в научном образовании.

Риски и угрозы, которые возникают в силу вторжения информационных технологий во все сферы человеческой жизни, – вполне осознаются. Часто предлагаются рецепты, чтобы приостановить это вторжение. Следует заранее понять бесперспективность таких попыток. Если движение материалов, человеческих и энергетических потоков ещё можно контролировать, то всепроникающий характер информационных потоков, наличие независимых центров принятия решений и конкуренция между ними – заранее обрекают эти попытки на крах. Издревле известный тактический приём военного искусства состоит в том, чтобы оставлять простор силе, которую нельзя остановить. Задача в том, чтобы воспользоваться энергией этой силы в своих интересах, предвосхищая опасности. Но это нельзя будет сделать, не изменив приоритеты собственного существования.

Прежде всего, это касается образования: что должен уметь и знать человек, чтобы не потерять свою человечность в условиях тесного взаимодействия с *Искусным Машинным Интеллектом* (ИМИ)?

Уже сегодня мы имеем ситуацию, когда на квалифицированно поставленный вопрос мы получаем едва ли не исчерпывающий ответ со стороны ИМИ. Когда-то бывшее больше пожеланием высказывание: "если вопрос правильно поставлен, то он *уже* решен" – сегодня приобретает буквальный смысл. Это означает, что человеческая компетентность во взаимодействии с ИМИ может и должна состоять в том, чтобы квалифицированно ставить вопросы. В этом не только нет ничего нового, но так мы возвращаемся к истокам собственно человеческого, логосного мышления, как оно, например, было дискурсивно явлено в *диалогах* Платона. Квалифицированно поставленный вопрос фиксирует *парадоксальное знание о своем незнании*. Задавая правильные вопросы, человек и проявляет свою исключительно человеческую *волю к истине*[1]*:* ту самую *свободу целеполагания*, которую Кант утвердил как основной закон разума. Именно в способности ставить идеально должные цели состоит отличие человеческой разумности от всех, превосходящих её по эффективности, возможностей машинного интеллекта.

Подчеркну значение *вопрошания*[2] в человеческом мышлении. Герменевтика показывает, что всякое утверждение имеет смысл, если оно является ответом на явно или неявно заданный вопрос. Именно вопрос (проблема) служит основанием любых осмысленных утверждений. Высказывание, которое не отвечает ни на какой вопрос, не является утверждением. При этом заметим, что в сущностном вопросе аналитически сокрыто целеполагание. Способность задавать квалифицированные вопросы, проблематизировать ситуацию – есть высшая и собственно научная компетентность, которую следует именовать *эпистемической*. Эту компетентность, прежде всего, и обязана формировать система современного высшего научного образования.

Первый шаг на этом пути должен состоять в том, чтобы вернуть знанию, ту ценность и достоинство, которые унижены в нынешней компетентностной модели образования. В этой модели высшей ступенью профессиональной подготовки считается навык, а знание считается только условием приобретения такого навыка. Знание – унижено, поскольку образовательная модель разрывает его аналитическую связь с *истиной*[3] и содержательной стороной человеческого *со-знания*. Человек обладает самосознанием ровно настолько, насколько он рефлексивно и критически осознает свое знание. Понимая знание как условие приобретения какого-то навыка, учащиеся утрачивают ту самую *волю к истине*, которая и делает нас людьми.

Вторжение информационных технологий в образовательный процесс, возможность решения стандартных задач в автоматическом или полуавтоматическом режиме посредством нейросетей – возвращает знанию его подлинный смысл и значение. Общая логика образовательного процесса должна быть сформулирована в методологии управления знаниями. Нынешняя мо-

---

1 Концепт используется в том значении, которое ему придал М. Фуко.

2 Хайдеггер делает вопрошание определением философского разумного мышления.

3 Понятие истины берётся здесь в исходном (греческом) смысле как явленность сущности.

дель управления образовательными программами столь же далека от логики смысла, как компетентностная модель от познания истины.

Складывающаяся ситуация возвращает всю многоступенчатую систему образования к логике её начального звена в школе. Ученик не может усвоить никакое знание, если он не научится читать и писать. Точно также как без первичных навыков чтения и письма в школе нельзя усвоить никакое последующее знание, компьютерная грамотность в современном обществе вынуждена стать начальным звеном любого специального и профессионального образования. То есть любое профессиональное образование должно начинаться с овладения навыками работы с программами. Такого рода навыки могут формироваться и с первых лет школьного обучения, но, скорее всего, университетская ступень должна начинаться с приобретения навыков *машинного обучения*[4]. На второй ступени проясняются правила и законы, по которым работают программы (что соответствует изучению грамматики в школе). На третьей ступени обучающиеся узнают о том, как развиваются, эволюционируют системы знаний, как получаются новые знания. Все ступени связывает способность все более глубоко и осмысленно решать одну и ту же задачу машинного обучения. Способность обучить "сырую" нейросеть решать определённые задачи становится универсальной компетенцией современного человека.

Таким образом, перед нами стоит задача перевернуть ныне существующую модель высшего образования и вернуть знанию его подлинный смысл как собственное содержание всякого со-знания. Эта задача, помимо прочего, устанавливает место эпистемологии (как философской дисциплины) на завершающем этапе высшего профессионального образования.

◆

Информация об авторах

Григорий Анатольевич Алексанин, директор Передовой инженерной школы АТР "Искусственный интеллект и большие данные" Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: aleksanin.ga@dvfu.ru

Илья Игоревич Докучаев, д-р филос. наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Роман Игоревич Дремлюга, канд. юрид. наук, исполнительный директор Дальневосточного центра искусственного интеллекта, Владивосток, Россия, e-mail: dremliuga.ri@dvfu.ru

Борис Анатольевич Карев, д-р пед. наук, профессор кафедры "Психология и педагогика" Амурского государственного университета, Благовещенск, Россия, e-mail: Karevdok.27@mail.ru

Александр Александрович Львов, д-р филос. наук, заведующий кафедрой истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: camenes@yandex.ru

Сергей Евгеньевич Ячин, д-р филос. наук, профессор департамента философии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: yachin.se@dvfu.ru

Information about the authors

Grigory A. Aleksanin, Director of the Advanced Engineering School of the Asia-Pacific Region "Artificial Intelligence and Big Data", Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: aleksanin.ga@dvfu.ru

Ilya I. Dokuchaev, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Roman I. Dremlyuga, Candidate of Law, Executive Director of the Far Eastern Center for Artificial Intelligence, Vladivostok, Russia, e-mail: dremliuga.ri@dvfu.ru

Boris A. Karev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department "Psychology and Pedagogy", Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: Karevdok.27@mail.ru

Alexander A. Lvov, Doctor of Philosophy, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: camenes@yandex.ru

Sergey E. Yachin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yachin.se@dvfu.ru

Поступила в редакцию 25.05.2025 Одобрена после рецензирования 10.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 25.05.2025 Approved 10.08.2025 Accepted 25.08.2025

[4] Имеется в виду способность обучать нейросеть решению задач разного уровня сложности.

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 95–105.
Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 95–105.

Научная статья
УДК 94(521)"1868/1912":378.4:340(091)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/95-105

Становление юридического образования в Токийском университете в период Мэйдзи

Владимир Владимирович Пужаев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, puzhaev_vl@mail.ru

Аннотация. В статье изучены основные исторические события эпохи Мэйдзи, связанные с институциональным оформлением Токийского университета в качестве одного из первых и ведущих государственных центров по подготовке юридических кадров в Японии в период правления императора Муцухито. Определяется вклад иностранных юристов, нанятых на службу японским правительством, в процесс становления юридического образования в Токийском университете в первые годы его существования, а также в предшествовавшей университету школе Кайсэй. В статье отмечается историческое значение факта соперничества в Японии сторонников изучения французского права и сторонников изучения английского права, немецкого права. Это соперничество на протяжении всей эпохи Мэйдзи сопровождало ход развития в Японии сферы профессионального юридического образования.
Ключевые слова: *юридическое образование, вестернизация, рецепция права, Буассонад, Мэйдзи, Токийский университет, история Японии*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00034 "Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии".

Для цитирования: Пужаев В. В. Становление юридического образования в Токийском университете в период Мэйдзи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 95–105.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/95-105

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/95-105

The Formation of Legal Education at the University of Tokyo in the Meiji Era

Vladimir V. Puzhaev
National Research Lobachevsky State University of Nizhny No.vgorod,
Nizhny No.vgorod, Russia, puzhaev_vl@mail.ru

Abstract. The article examines the main historical events of the Meiji era related to the establishment of the University of Tokyo as one of the first and leading state centres for legal education in Japan during the reign of Emperor Mutsuhito. It describes the contribution of foreign lawyers hired by the Japanese government to the process of establishing legal education at the University of Tokyo in the early years of its existence, as well as the contribution of foreigners to the organisation of the work of the University of Tokyo's predecessor, the Kaisei School. The article points out the historical significance of the fact of rivalry between proponents of the study of French law and proponents of the study of English law and German law. This rivalry accompanied the development of professional legal education in Japan throughout the Meiji era.
Key words: *legal education, westernization, reception of law, Boissonade, Meiji, University of Tokyo, history of Japan*

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00034 "Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan".

For citation: Puzhaev V. V. The Formation of Legal Education at the University of Tokyo in the Meiji Era // Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 95–105. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/95-105

Введение

История реформирования сферы народного образования в Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912) уже не раз привлекала к себе внимание отечественных учёных. В монографических работах востоковедов С. Ч. Лим **[5]** и А. Ф. Прасол **[8]** обстоятельным образом были рассмотрены общие вопросы развития японского начального, среднего и высшего образования в конце XIX – начале XX вв. Вместе с тем проблематика становления в Японии профессионального юридического образования в перечисленных публикациях затронута весьма поверхностно и фрагментарно. К настоящему времени в российской японоведческой литературе отсутствуют публикации, предметно посвящённые вопросам институционализации юридического образования в Японии периода Мэйдзи. В данной статье автором предпринята попытка восполнить имею-

© Пужаев В. В., 2025

щийся историографический пробел в части изучения вопроса об организации преподавания юридических дисциплин в Токийском университете – одном из первых государственных центров юридического образования в Стране восходящего солнца.

Хронологические рамки исследования предопределены тем обстоятельством, что до революции Мэйдзи в Японии не существовало специализированных учреждений для подготовки юристов, а в социальной структуре японского общества отсутствовала обособленная страта юристов, если имеем в виду современное понимание термина "юрист". К концу эпохи Мэйдзи ситуация коренным образом изменилась. В результате осуществлённой вестернизации в Японии была выстроена новая судебная система, принято основанное на западных образцах новое законодательство и открыты современные учебные заведения, где японцы, преодолев вступительные испытания, могли получить профильное юридическое образование. Помимо государственных университетов, первым из которых был Токийский, подготовка юристов была налажена во множестве частных специализированных школ. По своему статусу они изрядно уступали императорским университетам, поскольку в период Мэйдзи только императорские университеты считались учебными заведениями высшего образования, тогда как частные юридические школы довольствовались положением повышенных средних школ.

Юридическое образование в Токийском университете: истоки и общие замечания

Университеты (дайгаку) существовали в Японии и до революции Мэйдзи, однако они значительно отличались от западных университетов как в вопросах методики и организации процесса обучения (использовалась китайская учебная система), так и с точки зрения принятой за основу философии преподавания (образцом было конфуцианство). Японский учёный К. Исикава указывает, что "первый университет дайгакурё появился после 702 г. недалеко от императорского дворца" и его назначением была "подготовка управленческого персонала чиновников". В период Хэйан в одноимённой столице Японии "был учреждён университет дайгаку, в котором обучались отпрыски знатных семей с 14 лет, начиная с пятого ранга и выше, а также дети Фубитобэ (учёных людей) из Ямато-Кавачи" **[5, с. 14]**. Можно также упомянуть о существовавшем в Киото в первые годы после реставрации Мэйдзи высшем учебном заведении под названием Дайгаку рёдай (институт принцев) (март 1870–1872), которое в педагогическом отношении также опиралось на идеи конфуцианства **[5, с. 270]**.

Первый японский университет современного типа был основан 12 апреля 1877 г., став результатом объединения двух учебных заведений, существовавших до этого качестве самостоятельных: Токийской школы развития и прогресса (То:кё*:* кайсэй гакко*:*) и Токийской медицинской школы (То:кё*:* игакко*:*) **[5, с. 289; 8, с. 29; 21, p. 1]**. В структуре новообразованного университета, названного по месту расположения Токийским (То:кё*:* дайгаку), на тот момент было выделено четыре департамента или факультета (юридический, естественных наук, литературы, медицинский), а также реализована подготовительная школа при университете.

Токийский университет был создан японским правительством по немецкой модели организации высших учебных заведений, в то время как вошедшая в него школа Кайсэй изначально полагалась на принципы англо-американской системы образования. В исторической науке распространена точка зрения (правда, и она имеет противников), согласно которой немецким влиянием в период Мэйдзи были обусловлены официальные представления японских властей о том, каким образом университеты должны служить обществу. Университет рассматривался в качестве места подготовки, "взращивания" будущих чиновников для пополнения рядов новой государственной бюрократии **[14, p. 252]**. Американский историк Б. К. Маршалл писал, что японские императорские университеты должны были не только прививать студентам технические навыки, необходимые для быстрой индустриализации страны, но и выступать местом централизованной и контролируемой политической социализации, направленной на объединение нации и культивирование у обучающихся чувства идентичности и лояльности к действующей власти **[17,**

p. 386]. Об этом свидетельствовали и современники тех событий. Так, французский профессор А. Дюмолар (1871–1954), служивший непродолжительное время преподавателем в Токийском императорском университете, замечал, что университет в Токио "есть превосходная машина, изготовляющая чиновников или мещан, еле подкрашенных культурой" **[1, с. 213–214]**.

Во второй половине XIX в. Япония остро нуждалась в специалистах, знакомых с принципами и правилами западного права, поскольку рецепция законодательства передовых стран Запада на долгие годы стала одним из приоритетов государственной политики империи Мэйдзи. Это обстоятельство стало определяющим при формировании программ профессиональной подготовки будущих японских юристов, в том числе в Токийском университете. Студентов учили умелому обращению с текстами английских и американских статутов и прецедентов, французских и немецких законов, знакомили с положениями римского и международного права, в то время как изучение китайского права и старого японского права было практически заброшено. В 1893 г. довольно точно отметил эту тенденцию проживший несколько лет в Японии компаративист Дж. Г. Вигмор (1863–1943), по словам которого японцы "отложили в сторону старую Японию и до сих пор так любят новые одежды западной науки, что испытывают презрение к идеям и обычаям прошлого поколения. Достаточно чувствительные в вопросах национальной чести, когда дело касается международных отношений, они ещё не научились ценить наследие своего исторического прошлого, и их нельзя убедить заняться его изучением". На тех преподавателей, кто испытывал интерес к изучению обычного права их страны, "они смотрели с жалостью", как если бы перед ними был человек, который "любит собирать битые кирпичи или старое железо" **[23, p. 22]**. Спустя некоторое время изучение древнего японского права было включено в программу университетского обучения со второго по четвёртый год, однако для этих целей студентам отводилось значительно меньшее количество времени, чем на освоение права западных стран.

В вопросах вводимых программ профессионального обучения и их содержания японцы пошли собственным путём, отказавшись от полного копирования западных образцов. Прагматизм японцев выразился в том, что первые университетские курсы имели практическую направленность, поэтому некоторые дисциплины (как, например, западная теология) не были включены в сформированные учебные программы университета **[13, p. 159]** ввиду отсутствия их прикладной ценности.

Юридический факультет (хо:гакубу) был основан на базе Токийской школы развития и прогресса[1], где ещё в 1874 г. были открыты три профессиональных курса: по праву, химии и инженерному делу (собственно, школа была основана в апреле 1873 г. и находилась в ведении Министерства образования). В то время как видный мыслитель эпохи, философ Хироюки Като: (1836–1916) занял пост ректора университета, руководство факультетом права было возложено на известного японского юриста Нобусигэ Ходзуми (1855–1926), который специализировался на английском праве и имел опыт обучения в Англии.

Помимо должности главы подразделения (хо:гакубу тё), штатный преподавательский состав факультета включал должности кё:дзю (профессор), ко:си (преподаватель, лектор), дзёкё:дзю (ассистент профессора).

В отличие от открытой в 1872 г. юридической школы Министерства юстиции (Мэйхо:рё:, затем Сихо:сё: хо:гакко:), в стенах школы Кайсэй ученики постигали в качестве основы не французское, а английское право. Юристы "французской школы" были сторонниками концепции естественного права, следовали в этом вопросе за своим учителем – юридическим советником Министерства юстиции Японии, парижским профессором Г. Буассонадом де Фонтараби (1825–1910), который много сделал для кодификации японского права в последней четверти XIX в., и признаётся сегодня "французским отцом современного японского права" **[9, с. 15–30]**. Юристы "английской школы"

[1] История школы восходит к 1856 г., когда бакуфу (правительство сёгуната) распорядилось открыть специальное заведение для изучения достижений европейской науки и европейских языков, а также перевода западной литературы. С 1863 и до 1874 г. школа носила название Кайсэйдзё.

выступали против континентальных теорий естественного права, полагая их псевдонаучными выдумками. Если французская школа выступала за универсальность "цивилизованной юриспруденции", что позволяло оправдывать рецепцию западного права, то английская школа следовала за учением немецкой исторической школы права и настаивала на том, что право есть и должно быть воплощением национальных обычаев и традиций **[19, p. 61]**. Во втором случае противники вестернизации громогласно заявляли об упадке общественной морали в результате чрезмерного заимствования всего западного и настаивали на необходимости возврата к традиционно японским ценностям. Иностранные культурные заимствования объявлялись причиной роста в стране либеральных, революционно-демократических настроений, которые якобы несут угрозу монархическому строю, национальному духу тэнноизма.

Стоит ли после этого удивляться, что с самого начала деятельности между двумя юридическими школами сложились непростые взаимоотношения, в которых в полной мере проявился характерный для всей эпохи Мэйдзи дух "фракционного", идеологического соперничества. Конкуренция была настолько высока, что один из современников описываемых событий позволил себе сравнить "противоборство" французской и английской школ права с существовавшими "в древние времена спорами между сабиньянцами и прокульянцами"[2], а равно с соперничеством, наблюдавшимся в конце XIX – начале XX вв. "между йельским и гарвардским методами обучения юриспруденции, между вэйландианцами и лэнгделлианцами"[3] **[20]**.

Если студенты школы Министерства юстиции целенаправленно готовились к последующей работе в судах (на должностях судей и прокуроров), то выпускники юридического факультета Токийского университета были более свободны в выборе будущей юридической профессии, по которой им предстояло трудиться. Большинство студентов по профилю английского права находили своё призвание на поприще адвокатской деятельности, так что довольно скоро подобное "распределение" выпускников по соответствующим направлениям юридической работы стало своего рода устойчивым явлением **[20]**.

В сентябре 1874 г. на юридическое отделение щколы Кайсэй поступили первые студенты. В количественном отношении набор учеников был небольшим, всего девять человек, но восемь из них впоследствии достигли блестящих карьерных высот в японской политике и юриспруденции (при том факте, что один из учеников по имени Наоси Сагисака скоропостижно скончался в 1881 г., находясь в Европе и уже получив к тому времени в Лондоне квалификацию барристера). В 1875 г. Министерство образования направило четверых из них в США для продолжения обучения. При этом речь шла об учёбе в признанных центрах американского высшего образования. Так, Кадзуо Хатояма (1856–1911) получил диплом Колумбийского университета в Нью-Йорке, затем окончил школу права Йельского университета; Дзютаро: Комура (1855–1911) постигал правовую науку в Гарварде; Такэо Кикути (1854–1912) и Сю:итиро: Сайто: (1855–1910) окончили Бостонский университет. В 1876 г. ещё трое учеников из этой когорты были направлены для обучения в Англию. Ими оказались Нобусигэ Ходзуми (1855–1926), Наоси Сагисака (1853–1881), Тинкити Номура (1855–1896) **[15]**.

С точки зрения социального происхождения большинство первых студентов юридического факультета были выходцами из самурайских семей **[6]**. Так, из числа первых выпускников-юристов только один не принадлежал к военному сословию – это был сын богатого столичного торговца. С течением

---

[2] Имеются в виду два противостоявших друг другу направления классической римской юриспруденции (I в. н. э.): школа прокульянцев (названа по имени римского юриста Прокула, последователя Марка Антистия Лабеона) и школа сабиньянцев (названа по имени римского юриста Массурия Сабина, последователя Атея Капитона).

[3] Вэйландианцы – последователи идей Фрэнсиса Уэйланда (F. Wayland, 1826–1904) – известного американского юриста, занимавшего в 1873–1903 гг. пост декана Йельской школы права. Лэнгделлианцы – последователи идей Кристофера Коламбуса Лэнгделла (C. C. Langdell, 1826–1906) – американского юриста, декана Гарвардской школы права в 1870–1895 гг. Лэнгделл вошёл в историю юридического образования благодаря введению в методику преподавания юридических дисциплин так называемого "кейс-метода", который со временем получил повсеместное признание в США в качестве весьма эффективного метода обучения праву.

времени всё большее количество учеников, относящихся к иным сословиям, могли получить университетский диплом, "но всё же это в основном были сыновья политических деятелей, богатых торговцев или крупных собственников" **[10, с. 190]**.

В период существования школы Кайсэй трёхлетняя программа юридической подготовки включала в себя следующие предметные курсы:

- в первый год: английское право (общие принципы, конституционное право, уголовное право), история конституционного права, международное право мирного времени, психология, латынь, французский язык;
- во второй год: английское право (обычное право, договорное право, право справедливости), международное право военного времени, римское право, политика, этика, французский язык;
- в третий год: английское право (частное право, уголовное право, морское право, торговое право), международное частное право, римское право, французское право, теория сравнительного права, доказательственное право **[22, p. 60]**.

В связи с созданием Токийского университета программа подготовки была пересмотрена, утверждено новое распределение предметов и количество часов на их освоение.

Роль иностранных юристов в обеспечении образовательного процесса на юридическом факультете Токийского университета

Изначально преподаванием на факультете права Токийского университета заведовали приглашённые японским правительством специалисты из Великобритании или США, поскольку профессоров из числа японцев в стране не было вовсе. Занятия со студентами проводились на английском языке.

Первым преподавателем юридических дисциплин в тогда ещё школе Кайсэй стал британский юрист по имени У. Э. Григсби (*W. E. Grigsby*, 1847–1899). В истории японского юридического образования Григсби отметился тем, что в 1874 г. прочитал первую в Японии лекцию по римскому праву и ввёл в программу подготовки студентов данный учебный курс. В дальнейшем курсы римского права стали неотъемлемой частью программ юридического образования на большинстве юридических факультетов японских университетов независимо от того, какая система права постигалась студентами (французское, английское или немецкое).

На момент приезда в Японию Григсби исполнилось двадцать семь лет. Несмотря на относительно молодой возраст, он уже имел хорошее образование, полученное сначала в Глазго, а затем в Бейлиол-колледже в Оксфорде. Также Григсби успел получить небольшой опыт адвокатской работы в качестве барристера (англ. *barrister at law* – высшее звание адвоката в Англии). Некоторое время Григсби оставался единственным преподавателем права в школе Кайсэй, а потому ему приходилось вести все правовые дисциплины, в том числе такие, как общие принципы английского права, международное публичное и международное частное право, торговое право, конституционная история. Из неюридических предметов им же читалась латынь. Педагогическая деятельность Григсби была довольно интенсивной: выпавшая на его долю нагрузка составляла порядка шести часов в день. Хлопоты компенсировались на удивление высокой зарплатой, которая была установлена в размере 400 иен. Помимо чтения лекций и принятия экзаменов Григсби проявил определённый интерес к изучению истории правовой системы Японии времён сёгуната Токугава, опубликовав примечательную работу под названием "Наследие Иэясу" **[15].**

Первый рабочий контракт Григсби был заключён всего на два года, но по соглашению с японской стороной его пребывание на службе пролонгировалось (периоды работы: с 1874 г. по 31 июля 1876 г. и с 1 августа 1876 г. по 31 июля 1878 г.). При продлении контракта были пересмотрены и условия труда. Педагогическая нагрузка была сокращена до 4 часов в день, а размер ежемесячной оплаты сократился до 350 иен. Однако Григсби не дождался окончания срока последнего контракта, а досрочно расторг его 1 июля 1878 г. и навсегда покинул Японию, дав отчёт по своим состоявшимся занятиям **[15]**.

В январе 1877 г. штат иностранных профессоров школы Кайсэй ожидало пополнение. Американский юрист из Коннектикута по имени Г. Т. Терри

(*H.T. Terry*, 1847–1936) прибыл в Японию по приглашению Министерства образования. Первое пребывание Терри в Японии оказалось весьма длительным, поскольку он задержался в Стране восходящего солнца до января 1884 г. Затем последовал не менее длительный перерыв. Но в мае 1894 г. Терри вновь вернулся в Токио и был принят в Императорский университет на должность профессора английского и американского права. Контракт с ним неоднократно продлевался, и Терри оставался в Японии вплоть до окончания эпохи Мэйдзи. Этот американский юрист сыграл существенную роль в юридическом просвещении японцев, а его книга под названием "Первые принципы права" (1878) и ряд иных рукописей штудировались студентами английского отделения в качестве первостепенных учебников. Несколько десятилетий спустя известный японский правовед Кэндзо: Такаянаги (1887–1967) дал лестную оценку стараниям Терри, назвав того самым выдающимся учёным английской школы в Японии периода Мэйдзи **[19, p. 60]**.

В университете Терри было поручено вести курсы по деликтному праву, земельному праву, процессуальному праву, международному публичному и частному праву, договорному праву. В дополнение к традиционным занятиям Терри практиковал проведение учебных (имитационных) судебных процессов для студентов третьего и четвёртого курсов.

На момент создания Токийского университета на юридическом факультете было два иностранных профессора английского права – Григсби и Терри. После отъезда первого японцы решили найти ему замену и довольно быстро преуспели в этом. В октябре 1878 г. в Японию прибыл британский юрист по имени Ч. Дж. Тарринг (*Ch. J. Tarring*, 1845–1923), который в сотрудничестве с Терри знакомил японских студентов с правом своей страны. Столкнувшись со слабым физическим здоровьем японских учеников, которые при этом имели сильное желание учиться, иногда даже невзирая на утомлённое состояние, Тарринг выступил с предложением о включении физкультуры в число обязательных уроков.

Общий срок обучения составлял четыре года *(табл. 1)*. Университетские занятия были обставлены очень строго, и по этому показателю университетское обучение весомо отличалось от учёбы в частных юридических школах. К студентам университета предъявлялись высокие требования. Ученическая форма была обязательна. Отлучки и отпуска разрешались очень скудно. Курение табака разрешалось с трудом, а употребление спиртных напитков было строжайше запрещено **[12, с. 70]**.

Студенты могли жить только в общежитиях при университете или в специально одобренных университетским начальством пансионах. Вне общежитий допускалось находиться до семи часов вечера. В преддверии праздников и непосредственно в праздничные дни разрешалось задержаться до десяти часов вечера **[7, с. 424]**.

В 1885 г. юридическая школа Министерства юстиции утратила организационную самостоятельность и вошла в состав юридического факультета Токийского университета в статусе отделения французского права. Ещё через год к имеющимся отделениям английского и французского права добавился сектор немецкого права. Студенты, которые числились учениками министерской школы на момент её поглощения Токийским университетом, были переведены на юридический факультет университета, продолжив изучение французского права.

В 1884 г. при юридическом факультете Токийского университета была создана Ассоциация юристов (Хо:гакусикай). Членами ассоциации могли стать выпускники юридического факультета, за исключением выпускников юридической школы Министерства юстиции. Запрет на вступление в ряды членов Ассоциации в равной мере распространялся и на тех выпускников, кто был переведен в Токийский университет из министерской (французской) школы в ходе её присоединения к Токийскому университету **[16, p. 108]**.

В марте 1886 г. Токийский университет был переименован в Императорский, что подчёркивало его высокий статус. Когда в 1887 г. были приняты правила проведения экзаменов для поступления на государственную службу, выпускникам Императорского университета "была предоставлена немыслимая (для всех остальных – В. П.) привилегия – они принимались на государственную службу без экзаменов. Это стало одной из причин того, что поступить

Табл. 1. Программа юридической подготовки в Токийском университете в 1881–1882 учебном году
Table 1. The program of legal training at the University of Tokyo in the academic year 1881–1882

Год обучения студентов (курс)	Преподаваемые дисциплины
Первый год	английская литература логика история Франции и Англии японская литература китайская литература французский язык
Второй год	древнее японское право современное японское право (уголовное право) английское право (вводные занятия, собственность, договоры, преступления, деликты) английская конституция французский язык
Третий год	древнее японское право современное японское право (уголовный процесс, учебные судебные процессы) английское право (представительство, доказательства, процесс, морское право, семейное право, учебные судебные процессы и др.) важнейшие моменты французского права (уголовное право)
Четвёртый год	древнее японское право современное японское право (уголовный процесс, учебные судебные процессы) английское право (морское страхование, учебные судебные процессы) международное публичное право международное частное право юриспруденция важнейшие моменты французского права (гражданское право) дипломная работа на японском или китайском, или английском языке

Источник: **[21, p. 11–12; 11, с. 759–770]**.
Source: **[21, p. 11–12; 11, с. 759–770]**.

в университет было невероятно сложно" **[6; 18]**. Выпускники юридического факультета университета могли без всяких экзаменов и лицензий заняться адвокатской деятельностью, посвятить себя преподавательской работе в средних либо высших учебных заведениях **[5, с. 298]**. Вместе с тем послабление оказалось недолгим, и уже в 1893 г. это исключение было отменено. "С тех пор экзамен в Японии считается демократической основой кадрового отбора" на государственную службу **[4, с. 56]**.

В 1888 г. руководство юридическим факультетом принял на себя Кадзуо Хатояма, известный специалист по английскому праву. Через три года на этом посту его сменил Масааки(ра) Томии (1858–1935) – специалист по французскому праву, обладатель степени доктора права, присвоенной Лионским университетом, один из главных разработчиков Гражданского кодекса Японии 1898 г.

В 1890 г. было принято решение, по которому основой изучения на юридическом факультете становилось не западное право, а японское. Английское, французское, немецкое право по-прежнему преподавалось, но уже в качестве дополнительных предметов.

"По мере того, как увеличивалось число японцев – профессоров и специалистов, получивших образование в Европе и США, уменьшалась потребность в иностранных руководителях и профессорах, и число иностранцев на службе Японии заметно падало" **[3, с. 52; 10, с. 193]**. Министерство образования охотно отказывалось от услуг иностранных специалистов там, где это было возможно, поскольку расходы на оплату труда иностранных профессоров составляли львиную долю министерского бюджета. Так как лекторам из числа японцев платили меньшее жалование, то экономились определённые финансовые ресурсы, которые могли быть задействованы в решении иных го-

Табл. 2. Иностранные преподаватели юридического факультета Токийского [Императорского] университета в период Мэйдзи
Table 2. Foreign teachers of the Faculty of Law of Tokyo [Imperial] University in the Meiji period

Гражданство (подданство)	Имя преподавателя	Преподаваемые дисциплины
Великобритания	Уильям Эбенезер Григсби	английское право, международное публичное и частное право, римское право, торговое право, конституционная история, латинский язык
	Чарльз Джеймс Тарринг	английское право
	Уильям Дуглас Кокс	английский язык
США	Генри Тейлор Терри	английское право, международное публичное и частное право, римское право
	Уильям А. Хоутон	английская литература
	Эрнест Франциско Феннолоса	логика
	Чарльз Сторрс	английское право
	Александер Тайсон	английское право
Франция	Жорж Аппер	французское право
	Ипполит Огюстен Ревильо	французское гражданское право
	Гюстав-Эмиль Буассонад де Фонтараби	гражданский кодекс
	Мишель Ревон	французское право
	Анри Альфред Айем	французское гражданское право
Швейцария	Луи Бридель	французское гражданское право
Германия	Карл Ратген	статистика, публичное право, государственное управление
	Хайнрих (Генрих) Вайперт	немецкое частное право, римское право, гражданский процесс
	Удо (Уда) Эггерт	финансы, политическая экономика, статистика
	Людвиг Герман Лёнхольм	немецкое право

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

сударственных задач. "Иностранцам необходимо было обеспечить привычный для них уровень жизни, который по сравнению с традиционным скромным существованием японцев быстро показался разорительным" **[2, с. 217]**. К этому же времени Министерство образования взяло курс на постепенный переход от преподавания права на иностранных языках к преподаванию на японском языке.

Постепенно, с усилением в японском обществе и во властных кругах националистических настроений, менялось положение иностранных специалистов, принимаемых на работу в университет. Если ранее им в безусловном порядке давали должности профессоров (гайкоку кё:дзю) **[5, с. 292]**, то теперь могли предложить и менее почётную должность преподавателя, лектора.

Начиная со второй половины 1880-х гг., в сфере юридического образования, в которой ранее тон задавали британские, американские и француз-

ские юристы, произошли существенные перемены, вызванные сменой вектора рецепции западного права. Переориентация на новейшее законодательство Германии обусловила необходимость найма немецких лекторов *(табл. 2)*.

Несмотря на постепенное увеличение числа японцев в педагогическом составе юридического факультета, полного отказа от услуг иностранных инструкторов-юристов в эпоху Мэйдзи не произошло. Как сообщает Кэйко Вада, эра "почётных нанятых иностранцев" в Японии завершилась позднее, уже в период Тайсё: (1912–1926). Сигналом стало освобождение от должности двух последних иностранных преподавателей юридического факультета (в 1919 г. закончился контракт американского юриста Дж. Л. Кауфманна (*J. L. Kauffman*, 1886–1968), который в 1912 г. сменил Г. Терри, а в мае 1921 г. университет покинул французский юрист Ж. Ж. Рэй (фр. *J. J. Ray*, 1884–1943). С этого времени и до окончания Второй мировой войны ни один иностранный сотрудник, отвечающий за преподавание, не принимался на работу, не считая нескольких эпизодов краткосрочных визитов **[22, p. 64]**.

Заключение

После революции Мэйдзи руководством Японии была осознана важность проведения в стране крупных политических, экономических и социальных преобразований, которые должны были обеспечить вхождение Японии в число "цивилизованных" государств мира и стать поводом для скорейшей отмены неравноправных соглашений с западными державами, заключённых ещё в период сёгуната Токугава. Для осуществления модернизации феодального государства требовался сильный бюрократический аппарат и лояльные правительству и лично императору управленческие кадры. Следуя этой логике, государственные университеты рассматривались политическими лидерами Мэйдзи в качестве мест подготовки технократической элиты "новой" Японии. Таким образом, можно констатировать, что появление в Японии первых университетов и юридических факультетов в их составе было обусловлено политическими мотивами.

В первые годы эры Мэйдзи в Японии была создана двуглавая система юридического образования, представленная двумя государственными учебными заведениями, одно из которых (школа Мэйхо:рё:, затем Сихо:сё: хо:гакко:) было подведомственно и подконтрольно Министерству юстиции, а другое (Кайсэй гакко:) – Министерству образования. Юридическая школа Министерства юстиции на протяжении всей истории своего существования (1872–1884) была ориентирована на преподавание французского права, в то время как в школе Кайсэй, ставшей впоследствии частью Токийского университета, программа обучения предусматривала подготовку студентов со специализацией в области английского права. Эта двуглавая система просуществовала относительно недолго, и уже в 1884 г. сфера юридического образования была отнесена к компетенции Министерства образования, что повлекло за собой ликвидацию юридической школы Министерства юстиции путём её присоединения к Токийскому университету. Английская модель юридического образования стала доминировать над французской. Примечательно, что эти организационные преобразования были осуществлены спустя несколько месяцев после того, как новым министром юстиции стал Акиёси Ямада (1844–1892), сменивший на этом посту Такато: О:ки (1832–1899). Впрочем, доминирование оказалось недолгим. Уже к концу XIX в. сторонники изучения англо-американского права оказались в меньшинстве в сравнении с адептами изучения немецкого права.

Несмотря на изначальные планы японских властей открыть в стране, в рамках реформы народного образования, восемь государственных университетов, за весь период правления императора Муцухито (1852–1912, годы правления 1868–1912) реальностью стали только четыре, причём долгое время Токийский университет оставался единственным во всей империи высшим учебным заведением подобного рода. Лишь в 1897 г. в Киото открылся второй в стране императорский университет, однако подготовка юристов была налажена только с сентября 1899 г., когда в структуре университета заработал юридический колледж (с 1919 г. – юридический факультет). Что же касается третьего в истории Японии императорского университета, открытого в Сэндай (Университет То:хоку), то образование в его структуре юридического факуль-

тета выходит за исторические рамки эры Мэйдзи. Оно состоялось в 1922 г., в период правления императора Ёсихито (1879–1926, годы правления 1912–1926). То же самое можно сказать и об Императорском университете Кюсю, который был основан в городе Фукуока в 1911 г., тогда как факультет права появился в стенах учебного заведения только в 1924 г.

К особенностям становления юридического образования в Токийском университете можно отнести элитарность такого образования, а также крайне медленное увеличение численного контингента учащихся. Число юристов, которых выпускал Токийский университет, было ничтожно малым в сравнении с общими потребностями страны в соответствующих специалистах. Основная масса японских юристов в период Мэйдзи состояла из выпускников частных юридических школ, образование в которых было более доступным и менее обременительным в вопросах ограничений личной свободы.

В первой половине эпохи Мэйдзи важнейшая роль в обеспечении образовательного процесса в университете отводилась иностранным преподавателям. Несмотря на тот факт, что они были наёмными работниками, их статус был несоизмеримо высок. Их словам внимали с жадностью, их лекции усердно записывались студентами, на них смотрели как на носителей своего рода "сакрального" знания, которым непременно надлежит овладеть, без которого Японии будет не под силу стать вровень со странами Запада. Однако по мере нарастания в японском обществе консервативных, националистических тенденций, по мере появления в Японии первых поколений профессоров права из числа самих японцев, отношение к иностранцам, как носителям западной правовой культуры, подвергалось пересмотру.

Литература / References

1. Дюмолар А. Япония в политическом, экономическом и социальном отношениях. СПб.: Изд-е Л. Ф. Пантелеева, 1904. 323 с.
   Dyumolar A. Political, Economic and Social Japan. St. Petersburg: L. F. Panteleev edition, 1904. 323 p. (In Russ.).
2. Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация / Пер. с франц. И. Эльфонд. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 528 с.
   Eliseeff V., Eliseeff D. Japanese civilization / Transl. from French by I. El'fond. Ekaterinburg: U-Factoria, 2006. 528 p. (In Russ.).
3. Зибольд А. Эпоха великих реформ в Японии / барон А. фон Зибольд; Пер. с фр. А. Мезиеръ. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 82 с.
   Zibol'd A. The Era of Great Reforms in Japan / Baron A. fon Zibol'd; Transl. from French by A. Mezieres. St. Petersburg: Printing House of F. Weisberg and P. Gershunin, 1905. 82 p. (In Russ.).
4. Илышев А. В. Японская государственная служба. М.: Изд-во РАГС, 2011. 212 с.
   Ilyshev A. V. Japanese public service. Moscow: RAGS Publishing House, 2011. 212 p. (In Russ.).
5. Лим С. Ч. История образования в Японии (конец XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 368 с.
   Lim S. Ch. History of the Japanese Educational System (Late XIX to Early XX Century). Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2000. 368 p. (In Russ.).
6. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009. 735 с.
   Meshcheryakov A. N. Emperor Meiji and his Japan. 2 ed. Moscow: Natalis, 2009. 735 p. (In Russ.).
7. Н. П. А. Очерк современного состояния образования в Японии // Женщина в Японии / А. Бекон; пер. с 10-го амер. изд-я; под ред. Н. П. А. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой. 1904. С. 363–438.
   N. P. A. Essay on the Current State of Education in Japan // Woman in Japan / A. Bekon; transl. from the 10th American edition; ed. by N. P. A. St. Petersburg: O. N. Popova Publishing House, 1904. P. 363–438. (In Russ.).
8. Прасол А. Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука, 2002. 353 с.
   Prasol A. F. Japanese Education during the Meiji Era (1868–1912). Vladivostok: Dalnauka, 2002. 353 p. (In Russ.).
9. Пужаев В. В., Романовская В. Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 4. С. 6–33. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33
   Puzhaev V. V., Romanovskaya V. B. Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era // Japanese Studies in Russia. 2021. No. 4. P. 6–33. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33 (In Russ.).

10. Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / Пер. с франц. А. Б. Овезовой; Науч. ред. М. В. Демченко. М.: Молодая гвардия, 2007. 310 с.
Frederik L. Everyday life in Japan during the Meiji era / Transl. from French by A. B. Ovezova; Scientific ed. by M. V. Demchenko. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007. 310 p. (In Russ.).
11. Чижов Н. Первый японский университет в Токио // Вестник Европы. 1882. Кн. 8. С. 759–770.
Chizhov N. The first Japanese university in Tokyo // Herald of Europe. 1882. Book 8. P. 759–770. (In Russ.).
12. Япония и японцы. М.: Ред. журн. "Русская мысль", 1901. 178 с.
Japan and the Japanese. Moscow: Editorial Board of the Journal "Russian Thought", 1901. 178 p. (In Russ.).
13. Al-Khaizaran H. Y. The Emergence of Private Universities and New Social Formations in Meiji Japan, 1868-1912 // History of Education. 2011. Vol. 40. Issue 2. P. 157–178.
14. Bartholomew J. R. Japanese Modernization and the Imperial Universities, 1876-1920 // The Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 37. No. 2. P. 251–271. https://doi.org/10.2307/2054165
15. Hayashi T. The Reception of Roman Law Education in Japan: on the First Lecture on the Roman Law at the Tokyo Kaisei-Gakko in 1874. Osaka, 2012. URL: https://ir.library.osaka-u.ac.jp/repo/ouka/all/52398/66th%20Conference.pdf (accessed 16.05.2024).
16. Ikeda M. K. French legal advisor in Meiji Japan (1873–1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan, 1996. 293 p.
17. Marshall B. K. The Tradition of Conflict in the Governance of Japan's Imperial Universities // History of Education Quarterly. 1977. Vol. 17. No. 4. P. 385–406.
18. Miyazawa S., Otsuka H. Legal Education and the Reproduction of the Elite in Japan // Asian-Pacific Law & Policy Journal. 2000. No. 1. P. 1–72.
19. Takayanagi K. Contact of the Common Law with the Civil Law in Japan // The American Journal of Comparative Law. 1955. Vol. 4. No. 1. P. 60–69.
20. Tokichi M. The New Civil Code of Japan // The Arena. 1897. Vol. 18. No. 92. P. 64–69.
21. Tokyo Daygaku (University of Tokyo). Calendar of the Departments of Law, Science, and Literature. 1881–1882. Tokyo: Z. P. Maruya & Co, 1882.
22. Wada K. From O-yatoi Gaikokujin in the Meiji Era to the American Law Programme of Summer 2004. // ICCLP Annual Report. 2004. P. 55–69.
23. Wigmore J. H. Legal Education in Modern Japan // The Green Bag. An Entertaining Magazine for Lawyers / Ed. by Horage W. Fuller. 1893. Vol. 5. Issue 1. P. 17–33.

◆

Информация об авторе

Владимир Владимирович Пужаев, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Information about the author

Vladimir V. Puzhaev, Senior Lecturer, Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny No.vgorod, Nizhny No.vgorod, Russia, e-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2024 Одобрена после рецензирования 14.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 10.09.2024 Approved 14.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 106–113.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 106–113.

Научная статья
УДК 947.084.6(571.6)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/106-113

Деятельность политотделов на морском транспорте Дальнего Востока СССР в предвоенный период

Александр Александрович Исаев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, isaev.aa@dvfu.ru

Аннотация. Создание политотделов на транспорте являлось развитием партийной линии по формированию и внедрению политико-идеологического воздействия и контроля в социально-экономическую сферу. Исходя из этого, целью данной работы является выявление и анализ на основе архивных документов направлений, проблем, достижений и просчетов в деятельности политотделов на морском флоте Тихоокеанского бассейна в предвоенный период (1934–1941 гг.). Идея создания политотделов исходила из необходимости в кратчайшие сроки ликвидировать недостатки в организации работы транспорта на всех его уровнях и достичь высоких показателей в производительности труда. Однако уже в ходе создания и деятельности политотдела на Морфлоте ТОБ возникали многочисленные проблемы как организационного и кадрового, так и функционального характера. В этой связи особый интерес представляют выявление и анализ проблем, достижений и просчётов в деятельности политотделов на Морфлоте ТОБ в рассматриваемый период. Исследование базируется на корпусе документальных исторических источников, выявленных в фондах центрального архива (РГАСПИ) и региональных архивов (ГАПК, ГАХК).
Ключевые слова: *СССР, Морской флот, Тихоокеанский бассейн, политотдел, помполит, политико-идеологическая работа, массово-разъяснительная работа, займы, укрепление дисциплины*
Для цитирования: Исаев А. А. Деятельность политотделов на морском транспорте Дальнего Востока СССР в предвоенный период // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 106–113.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/106-113

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/106-113

The activities of political departments in the maritime transport of the Far East of the USSR in the pre-war period

Alexander A. Isaev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, isaev.aa@dvfu.ru

Abstract. The establishment of political departments in the transportation sector represented a continuation of the Party's policy aimed at institutionalizing and expanding political-ideological influence and control over the socio-economic sphere. Accordingly, the purpose of this study is to identify and analyze, on the basis of archival documents, the main directions, challenges, achievements, and miscalculations in the activities of political departments within the maritime fleet of the Pacific Basin during the pre-war period (1934–1941). The initiative to create political departments stemmed from the urgent need to eliminate deficiencies in the organization of transport operations at all levels and to achieve high levels of labor productivity. However, from the very outset of their establishment and functioning, the political departments of the Pacific maritime fleet faced numerous challenges, including organizational, staffing, and functional difficulties. In this regard, particular attention is given to the identification and analysis of these problems, as well as to the evaluation of the departments' successes and failures during the period under review. The research is based on a corpus of historical documentary sources from the collections of the Central Archive (RGASPI) and regional archives (GAPK, GAHK).
Key words: *USSR, marine sea fleet, Pacific basin, political department, pompolite, political and ideological work, mass explanatory work, loans, strengthening discipline*
For citation: Isaev A. A. The activities of political departments in the maritime transport of the Far East of the USSR in the pre-war period // Ojkumena. Regional Researches. 2025. No. 3. P. 106–113.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/106-113

Введение

Форсированное промышленное развитие в СССР в начале 1930-х гг. постоянно требовало от населения страны повышения трудового подъёма. Однако отсутствие улучшения социально-экономического положения трудящихся приводило к постепенному снижению темпов развития и падению трудовой дисциплины и энтузиазма. В этой связи руководство страны считало необходимым усилить политико-идеологический контроль в хозяйственно-экономических сферах. Данная функция возлагалась на создаваемые политические отделы, которые представляли собой чрезвычайные органы власти и управления на местах.

© Исаев А. А., 2025

Имеющийся опыт работы политических отделов в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)[1], а также на железнодорожном транспорте и при машинно-тракторных станциях (МТС) стал внедряться и на водном. Таким образом, советское партийно-политическое руководство продолжило внедрение прямого государственно-политического контроля во все стратегически важные экономические отрасли.

Работ, посвященных деятельности политотделов на водном транспорте СССР в рассматриваемый период, до сих пор в историографии очень мало. Первые публикации, в которых рассматривалась деятельность политотделов на морском флоте, появились только в последнее двадцатилетие. В них нашли отражение общие и отдельные аспекты их работы в регионах страны **[1; 2; 3]**. Однако анализ деятельности политотделов на морском транспорте Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей.

Исходя из этого, целью данной работы является выявление и анализ направлений, проблем, достижений и просчетов в деятельности политотделов на морском транспорте Дальнего Востока СССР на базе анализа архивных документов. Исследование опирается на корпус документальных исторических источников, выявленных в фондах центрального (РГАСПИ)[2] и региональных архивов (ГАПК, ГАХК)[3]. Основными видами документов, использованных в данной работе, являются политические донесения, инструкции, докладные записки, стенограммы совещаний, постановления центральных и региональных органов власти, касающиеся работы политотдела Морфлота на Дальнем Востоке в исследуемый период.

Усиление партийно-политического контроля на морском флоте

Постепенное превращение Тихоокеанского региона в новый центр мировой торговли активизировало необходимость интенсифицировать развитие валютно-экспортных отраслей хозяйства с целью получения средств для стимулирования индустриального развития страны. В этих условиях порты Дальнего Востока СССР оставались важнейшими узлами коммуникации и торговых перевалочных баз, через которые шел основной грузопоток за рубеж и обратно. Вместе с тем морской транспорт играл исключительно важную роль в социально-экономическом развитии Дальневосточного региона: обеспечивал доставку переселенцев, сезонных рабочих и служащих, снабжение отдалённых приморских территорий товарной продукцией, строительными материалами и горюче-смазочными материалами (ГСМ), а также выполнение военно-мобилизационных планов. Это, в свою очередь, определяло необходимость усиления партийно-политического контроля над морским транспортом на Дальнем Востоке СССР, исходя из важности сохранения и закрепления политического и экономического положения в регионе.

Процесс усиления политико-идеологического воздействия на рабочих и служащих промышленности и транспорта начался в начале 1930-х гг. Это было связано с общей государственной стратегией по укреплению партийного влияния во всех сферах жизни общества, которая была отражена в резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. **[6]**. По мнению партийно-политического руководства, эффективность выполнения производственных задач напрямую зависела от правильной расстановки партийных кадров, которые должны были стать основными проводниками внедрения идейно-политических установок, стимулирующих хозяйственно-экономическое развитие. С принятием постановления ЦК ВКП(б) от 21 марта 1931 г. "О партийной и массовой работе в цехе и бригаде" **[4]** в хозяйственных структурах, в т. ч. и на транспорте, проводилось разукрупнение смешанных партийных ячеек по

---

[1] 18 апреля 1919 г. приказом Л.Д. Троцкого был создан Политический отдел Революционного военного совета республики (РВСР). Затем они создавались в каждой воинской части, возглавлялись комиссарами (заместителями командира по политической части – замполитами) и подчинялись Главному политическому управлению РККА (ПУ РККА).

[2] РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

[3] ГАПК – Государственный архив Приморского края.
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

однородному принципу. Создавались низовые партийные звенья (партгруппы) и низовые партийные организации на определенных производственных участках (в бригадах, цехах, среди команд судов и проч.), состоящие из передовиков производства, которые направляли и контролировали работу трудовых коллективов **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 2. Л. 7)**.

Благодаря проведённой работе партийные ячейки на производстве стали быстрее реагировать на проявления нарушений трудовой дисциплины, выпуск брака и т. д. Постепенно происходило улучшение общей партийно-массовой работы, подъём трудовой дисциплины, развёртывание социалистического соревнования и ударничества среди работников. Вместе с тем постепенно происходил рост численности партийных организаций. Так, только за 1-й квартал 1932 г. парторганизация морского транспорта Дальнего Востока выросла на 135 человек, при этом 92,6% из них составляли рабочие ударники **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 2. Л. 2)**.

Однако в повседневной работе морского транспорта сохранялись многие проблемы (обезличивание результатов работы, семейственность, круговая порука, пьянство и т. д.), которые не находили осуждения со стороны партийных и профсоюзных организаций. "Бюрократизм и неповоротливость транспортного аппарата являлись основными причинами слабого провидения решения партии на транспорте", – указывалось в докладной записке "О реализации решения ЦК ВКП(б) о перестройке партийно-массовой работы на транспорте" от 1932 г. **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 2. Л. 4)**.

Накануне введения политотделов на Морфлоте всеми вопросами партийно-политической работы с моряками и портовыми работниками занималась партийная организация плавсостава Морфлота Тихоокеанского бассейна (ТОБ). Она объединяла все партийные комитеты Морфлота, куда входили 40 судовых партийных ячеек, 10 судовых партийных групп, коммунисты одиночки и 10 береговых партийных ячеек Управления Морфлота, Морского техникума, интернационального клуба моряков (Интерклуба), отдела рабочего снабжения (ОРСа) Морфлота и пригородного хозяйства **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 235)**. Их главной задачей являлось повышение идейно-политического уровня работников, борьба за выполнение планов перевозок, укрепление трудовой дисциплины и повышение роли и авторитета партийца на морском транспорте. Вместе с тем они проводили активную борьбу с расхитителями, прогульщиками, симулянтами, носителями антисоветских настроений. Для этого на всех объектах морского флота осуществлялась расстановка партийных сил из числа передовых групп матросов, рабочих и служащих, которые не только демонстрировали образцы трудового энтузиазма, но и являлись идейными борцами за внедрение социалистических принципов развития.

Создание политотдела на морском флоте ТОБ и его функции

Для усиления партийного контроля и активизации общего политико-идеологического воздействия на работников водного транспорта ЦК ВКП(б) 19 апреля 1934 г. издает Постановление "О политотделах водного транспорта", согласно которому при Наркомводе СССР создавалось политуправление, в пароходствах – политотделы, а на всех судах флота – штатные должности помполитов (помощника капитана по политической работе) **[5]**. Политотделы занимались руководством всей партийной и комсомольской работой на флоте при полной координации своих действий с территориальными партийными комитетами (райкомами, обкомами и крайкомами). На политотделы возлагалась обязанность по подъёму идейно-политического уровня рабочих и служащих и обеспечению ведущей роли партийцев на флоте. В результате их деятельности ожидался подъём социалистического соревнования и ударничества, а также повышение дисциплины и производительности труда.

Структурно политотделы Морфлота состояли из начальника, который одновременно являлся заместителем начальника пароходства по политической работе, его заместителя и помощника по комсомольской работе **[7, с. 157–158]**. Основной функцией работников политотделов являлся контроль за выполнением политико-идеологических и хозяйственно-экономических мероприятий, а также надзор за морально-политическим состоянием моряков, рабочих и служащих Морфлота. Для этого органы власти делали ставку на членов партии, сочувствующих и производственный актив, которым следова-

ло выявлять критически настроенных к политике власти и воздействовать на них путем усиления политико-идеологического влияния либо непосредственной передачи информации на данных лиц органам ОГПУ (НКВД).

Одновременно с этим на флоте вводилась новая должность помощника капитана по политической работе (помполита), на которую назначались политически грамотные и опытные партийные работники. Для повышения эффективности их работы в Дальневосточном пароходстве были разработаны и внедрены инструктивные указания о задачах и содержании политической и массовой работы в ходе рейсов. Им предписывалось руководство судовым комитетом, комсомольской ячейкой и партийной организацией на судне. Помполит составлял общий план партийно-политической работы на весь рейс, контролировал соблюдение высокой дисциплины и производительности труда моряков. Помполит судна осуществлял постоянную политико-идеологическую и общеобразовательную работу с экипажем путём индивидуальных и групповых бесед и читок, в ходе которых выявлял их политические настроения и морально-волевые качества. Вся информация о рейсе, успехах, достижениях, просчётах и упущениях экипажа (производственная деятельность, техническая и политическая учёба и т. д.) **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 143–144)**, о действиях и высказываниях членов экипажа отражалась в политических донесениях, направляемых в политотделы. Подобные политдонесения составлялись по результатам работы сотрудников политотдела среди рабочих и служащих береговых объектов (порт, мастерские, подсобные хозяйства и т. д.).

После создания политотдела Морфлота ТОБ в его состав вошли все партийные организации структурных подразделений флота, включая партийные организации, объединяемые политотделом портов Владивосток, Александровск-на-Сахалине, Де-Кастри. На 1 мая 1934 г. Политотдел Морфлота ТОБ объединил 2 политотдела, 1 помполита в Де-Кастри, 5 парткомов, 53 первичные партийные организации, 2 партийные комсомольские группы, одного коммуниста-одиночку (на пароходе "Сахалин") **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 235).**

Деятельность политотдела Морфлота ТОБ и её результаты

Процесс перестройки партийных организаций в связи с созданием политотделов сопровождался проведением совещаний помполитов, секретарей парткомов и секретарей первичных организаций с инструктивными докладами о задачах перестройки партийных организаций, увязывающихся с хозяйственно-политическими задачами ТОБ. В ходе данных мероприятий всем работникам Морфлота детально разъяснялась важность роли помполитов и политотделов. Для ознакомления экипажей судов выпускались специальные номера стенных газет и бюллетени с информацией о функциях помполитов и политотделов, вывешивались соответствующие лозунги и проводились индивидуальные оповещения команд **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 235–236)**.

Введение системы политотделов на водном транспорте не являлось показателем быстрой нормализации ситуации на флоте и решением всех насущных проблем. Практически сразу стала проявляться проблема координации деятельности политотдела с партийными и хозяйственными органами Морфлота. Работникам политотдела приходилось порой заниматься решением производственно-хозяйственных вопросов, что встречало со стороны некоторых хозяйственных работников значительное противодействие. Это, в свою очередь, приводило к тому, что политико-идеологическая работа с работниками флота проводилась не систематически. "Недостаток партийно-массовой работы в торговом порту происходит потому, что политотдел и партийный комитет исключительно увлеклись только выполнением производственно-финансового плана, – говорилось в стенограмме 1-го морского партийного совещания Тихоокеанского бассейна 13–15 декабря 1934 г. - Об этом все кричат, но никто не заботится" **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 297. Л. 127)**. Данная формулировка демонстрировала оторванность руководства и начальства от насущных вопросов развития партийно-массовой работы. Оно (руководство) только говорило о необходимости совершенствования методов и подходов к улучшению качества политико-идеологической работы среди рабочих и служащих на собраниях, съездах, митингах, однако фактической работы не проводило.

Подобное положение ярко проявилось в ходе проведения политического процесса над т. н. "троцкистско-зиновьевским блоком". Широкое обсуждение хода процесса среди работников флота продемонстрировало большое наличие резко критических высказываний антисоветской направленности. Так, работник Владивостокского торгового порта Назаров С. в одной из бесед с сослуживцами порта говорил: "Я вполне сожалею и сочувствую Николаеву, Зиновьеву и Каменеву и сожалею, что они пострадали за убийство одного Кирова, т. к. нужно было бить и других" **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 75)**.

Отмечая наличие разговоров антисоветского характера, политотдел Морфлота ТОБ указывал, что они являются следствием засоренности отдельных звеньев Морфлота классово-чуждыми элементами, а также слабостью борьбы с этими элементами. "Проверки состояния первичных партийных организаций, в которых имели место вылазки т. н. "классового врага", – указывалось в политическом донесении политотдела Тихоокеанского морского флота от 28 февраля 1935 г. – продемонстрировали, что эти партийные организации и отдельные руководители порта ограничились болтовней за выполнение решений партии, на деле никаких мер не принимали" **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 75–76)**.

Значительная часть высказываний работников Морфлота ТОБ критического характера, фиксируемая работниками политотдела и партийных организаций флота, отражала многочисленные проблемы социально-бытового характера. Как правило, они сводились к имеющим место задержкам заработной платы, недостаточному снабжению товарами повседневного спроса, плохим жилищным условиям и т. д. На пароходе "Невастрой" матрос Семко говорил: "Невыдача Морфлотом в течение месяца мыла судам объясняется "справедливым" желанием Морфлота сэкономить и что в результате этой экономии имеется возможность безболезненно содержать помполитов" **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 211).** В общежитии Дальневосточного государственного пароходства домохозяйка Бортникова выступила с резкой критикой заводского руководства, закончив свою речь так: "Живём хуже, как в царские времена. Культурно-бытовые условия этого общежития исключительно скверны. Когда же мужу выплатят заработную плату? Когда выдадут постельные принадлежности?" **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 639. Л. 41)**.

Политотделы совместно с партийными организациями Морфлота проводили широкую политико-идеологическую массовую разъяснительную подготовительную работу по размещению государственных займов. Так, в ходе подготовки подписки на заём 2-го года второй пятилетки (1934 г.) происходило широкое информирование посредством газет и наглядной агитации экипажей пароходов, работников береговых предприятий и учреждений о распоряжении правительства о выпуске займа. До начала подписки были проведены митинги, на которых выносилось одобрение выпуска займа и постановление о подписке не ниже месячного оклада. Реализация займа проходила с большим энтузиазмом и на большинстве объектов была в основном закончена за несколько часов. Так, на пароходе "Свердловск" сразу после митинга в 8 утра подписками было охвачено 90%. На пароходе "Шмидт" не было ни одной подписки на заём в размере менее 100% от месячной заработанной платы **(ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 265)**.

Подобная ситуация отмечалась и в дальнейшем. Так, благодаря активной массовой разъяснительной работе в ходе реализации подписки на заём 4-го года второй пятилетки (1936 г.) в мастерских Дальневосточного Госморпароходства рабочие подписывались сверх месячного оклада. Например, токарь Худяков подписался на 1200 руб. при окладе 700–800 руб. Электросварочный цех провел подписку на 170% средней заработной платы, а все бригадиры подписались от 800 до 1000 руб. По управлению Морфлота подпиской было охвачено 98% работников. Её сумма составила 110% от получаемой месячной зарплаты или 111 600 руб. Все структурные подразделения Дальневосточного Госморпароходства (без порта) были охвачены подпиской на 97% от всех работников. Общая сумма подписки составила 106% или 206 000 руб. **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 175)**.

Однако некоторые работники Морфлота ТОБ игнорировали процесс подписки. Так, в ходе подписки на заем 3-го года второй пятилетки (1935 г.) часть рабочих Владивостокского торгового порта категорически отказались от

подписки. Часть работников подписалась на минимальные суммы от 50 до 200 руб. при среднем заработке от 280 до 500 руб. При этом имелись следующие заявления: "Денег и так мало, а вы тут ещё с займом", "Нам дела нет до займа", "Возьмите 20 руб., и отстаньте от меня", "Заём это обман, я не хочу подписываться" и т. д. **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 99)**.

Эти и другие проблемные вопросы деятельности политотделов рассматривались местным партийно-политическим руководством. Так, в постановлении бюро Далькрайкома ВКП(б) от 10 октября 1936 г. "О ходе плана перевозок Морфлота и состоянии партийно-массовой работы", в частности, отмечалось, что несмотря на усиления контроля политико-массовая работа в порту и на судах Морфлота находилась на низком уровне. Политотделы пароходств в результате формально-бюрократических методов своей работы оказались оторваны от широких партийных масс, партийного актива (помполитов судов, парторгов). Они не смогли возглавить руководство внутрипартийной работой, стахановским движением, которое находилось в полном провале, а также не мобилизовали рабочих и служащих на перевыполнение планов перевозок и не организовали заботу о работниках флота **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 172)**. Исходя из этого, Далькрайком ВКП(б) требовал от политотделов и партийных организаций морского пароходства в кратчайший срок коренного улучшения организационно-партийной и политико-массовой работы (особенно на судах флота), при этом особо указывая на необходимость того, что политотдел должен стать организатором оперативного руководства работой с каждым членом, кандидатом и сочувствующим по повышению их идейности и авангардной роли на производстве **(ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 174)**.

В начале 1940 г. политотделы активно курировали всю политико-идеологическую работу на Морфлоте ТОБ, а также руководили работой 14 агитколлективов, 521 агитатор и 370 чтецов. Ими с 1 января по 15 декабря 1940 г. было проведено 12432 групповые беседы с охватом 136908 чел., докладов – 2340 на собраниях с охватом 119700 чел. Основным их содержанием были вопросы текущих событий и указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня[4] и от 10 июля 1940 г.[5]. Главным недостатком общей агитационной работы отмечалось отсутствие в ней изобличения сути проблем и их виновников. Лучше всего была поставлена агитация на судах, где были назначены помполиты **(РГАСПИ. Ф. 473. Оп. 4. Д. 57. Л. 15–16)**. В Николаевском-на-Амуре пароходстве в сфере агитационной работы функционировало 3 агитационных коллектива численностью 386 чел. Ими было проведено 764 беседы с охватом 6770 чел. При этом отмечалась неудовлетворительная постановка лекционной пропагандистской работы. Так, в результате проверки Городским Комитетом ВКП(б) состояния пропагандистской работы по изучению истории партии выяснилось, что данное направление вовсе отсутствовало **(РГАСПИ. Ф. 473. Оп. 4. Д. 57. Л. 22–23)**.

Несмотря на принятые меры по улучшению партийно-политической массовой работы политотделов и партийных организаций Морфлота ТОБ, накануне Великой Отечественной войны продолжали отмечаться упущения и просчёты в их деятельности. Так, в стенограмме совещания начальников политических отделов по докладу начальника политического отдела Дальневосточного пароходства Борисова от 20 января 1941 г. отмечалось общее неудовлетворительное положение с расстановкой партийных сил на флоте **(РГАСПИ. Ф. 473. Оп. 4. Д. 57. Л. 2–3)**. Вместе с тем особо указывалось на отсутствие авангардной роли коммунистов и комсомольцев в развитии социалистического соревнования и стахановского движения на судах и предприятиях флота. Только по Владивостокском торговому порту на начало 1941 г. имелось 755 стахановцев и 463 ударника, из них коммунистов – 26 и комсомольцев – 103 **(РГАСПИ. Ф. 473. Оп. 4. Д. 57. Л. 6–7)**, что демонстрировало низкий уровень ответственности партийцев в деле производственного развития.

---

[4] Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений".

[5] Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. "Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями".

Заключение

Создание политотделов на морском флоте СССР в конкретных исторических условиях развития социалистической модернизации являлось необходимым условием для укрепления партийно-политического влияния во всех сферах. Политотделы флота с помощью мер организационного и партийного воздействия активизировали усилия по повышению идейно-политического уровня работников, а также способствовали развитию социалистического соревнования и ударничества среди рабочих и служащих флота.

В то же время в повседневной работе политотдела морского флота ТОБ постоянно проявлялись многочисленные проблемы организационного и кадрового характера. Осуществляя свою работу в тесном контакте с партийными и хозяйственными организациями морского флота, политотделы сталкивались с проблемой дублирования функций системы контроля, что значительно ухудшало производственные показатели флота. Вместе с тем нехватка политически грамотных кадров в необходимом количестве вынуждала привлекать к работе в политотделы и помполитами людей с низким уровнем знаний, умений и навыков, что не позволяло эффективно развить политико-идеологическую массовую разъяснительную работу среди работников Морфлота ТОБ. Это, в свою очередь, снижало уровень трудовой дисциплины, приводило к недостаточному охвату партийно-политической работой моряков и портовых работников, частой её заменой хозяйственными мероприятиями, а также отсутствию массово-разъяснительной работы по актуальным вопросам труда и быта.

Несмотря на многочисленные проблемы и упущения, партийно-политическая и организационно-массовая работа политотделов Морфлота флота ТОБ в предвоенный период рассматривалась властными структурами как успешная. Политотделам удалось закрепить партийно-политический государственный контроль и надзор над стратегически важной транспортной отраслью, способствовать выработке дисциплины, повышению трудового энтузиазма. Обращение партийно-политического и хозяйственного руководства страны в годы Великой Отечественной войны, особенно в тяжёлые первые годы (1941–1943), к практике работы политических отделов ярко демонстрирует эффективность и значимость их деятельности.

Литература / References

1. Коваль А. В. Реорганизация управления портами в СССР 1934 г. // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 58–73.
   Koval A. V. Reorganization of port management in the USSR in 1934 // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2016. Vol. 2 (68). No. 2. P. 58–73 (In Russ.).
2. Красавцев Л. Б. Морской транспорт в истории европейского севера России в 1929–1940 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История, политология. 2008. Вып. 4 (60). С. 45–51.
   Krasavtsev L. B. Sea transport in the history of the European No.rth of Russia in 1929–1940 // Bulletin of TSU. Humanities. History, political science. 2008. Issue 4 (60). P. 45–51 (In Russ.).
3. Политуправление и система политотделов в структуре Главного управления северного морского пути (1930-е гг.): характер и особенности работы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (72). С. 118–127.
   Political management and the system of political departments in the structure of the Main Directorate of the No.rthern Sea Route (1930s): the nature and features of the work // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2021. No. 3 (72). P. 118–127 (In Russ.).
4. Постановление ЦК ВКП(б) от 21 марта 1931 г. "О партийной и массовой работе в цехе и бригаде" // Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Гос. изд-во, 1934. С. 417–419.
   Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) dated March 21, 1931 "On party and mass work in workshops and brigades" // Handbook of a party worker. Issue 8. Moscow: State Publishing House, 1934. P. 417–419 (In Russ.).
5. Постановление ЦК ВКП(б) "О политотделах водного транспорта" от 19 апреля 1934 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 16 т. Т. 6. 1933–1937. М.: Политиздат, 1985. С. 148–149.
   Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "on political departments of water transport" dated April 19, 1934 // CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of

the Central Committee (1898-1986). In 16 vols. Vol. 6. 1933–1937. Moscow: Politizdat, 1985. P. 148–149 (In Russ.).
6. Резолюция пленума ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 16 т. Т. 5. 1929–1932. М. Политиздат, 1984. С. 7–49.
Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on No.vember 10–17, 1929 // CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). In 16 vols. Vol. 5. 1929–1932. Moscow: Politizdat, 1984. P. 7–49 (In Russ.).
7. Справочник партийного работника. Вып. 9. М.: Партиздат, 1935. С. 157–158.
Handbook of a party worker. Issue 9. Moscow: Partizdat, 1935. P. 157–158 (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Александр Александрович Исаев, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Information about the author

Alexander A. Isaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Поступила в редакцию 30.09.2024 Одобрена после рецензирования 09.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 30.09.2024 Approved 09.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 114–125.
Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 114–125.

Научная статья
УДК 94(470)"1941–1942":930(075.8)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/114-125

Ледокол "Красин" в портах Соединенных Штатов Америки (по материалам судовых журналов за 1941–1942 гг.)

Илья Артурович Гудков
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, gudkov.ia96@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка показать информационные возможности судовых журналов советских гражданских судов в качестве исторического источника на примере ледокола "Красин" 1941–1942 гг. Автором проанализирована степень изученности проблемы использования судовых журналов в качестве исторического источника. В работе представлена общая характеристика судовых журналов советских гражданских судов второй четверти XX столетия, а также предложена авторская классификация содержащихся в них сведений с разделением на тематические подгруппы. Сформулированы выводы об особенностях использования источника и сложностях, возникающих при анализе его содержания. Обозначены перспективы использования судовых журналов в исторических исследованиях, посвященных различным проблемам истории науки и техники, климатической истории и вопросам флотской повседневности.
Ключевые слова: *Вторая мировая война, Великая Отечественная война, ледокол "Красин", архивные документы, исторические источники, судовые журналы*
Для цитирования: Гудков И. А. Ледокол "Красин" в портах Соединенных Штатов Америки (по материалам судовых журналов за 1941–1942 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 114–125. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/114-125

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/114-125

Icebreaker "Krasin" in the ports of the United States of America (based on ship's logbooks for 1941–1942)

Ilya A. Gudkov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gudkov.ia96@gmail.com

Abstract. The article attempts to show the information possibilities of the ship's logbooks of Soviet civilian vessels as a historical source using the example of the icebreaker "Krasin" of 1941–1942. The author analyzes the degree of study of the problem of using ship's logbooks as a historical source. The paper presents a general description of the ship's logbooks of Soviet civil vessels of the second quarter of the 20th century and suggests the author's classification of the information contained in them, divided into thematic subgroups. Conclusions are formulated about the peculiarities of using the source and the difficulties that arise when analyzing its content. The prospects of using ship's logbooks in historical research on various problems of the history of science and technology, climatic history and issues of naval everyday life are outlined.
Key words: *Second World War, Great Patriotic War, icebreaker "Krasin", archival documents, historical sources, ship's logbooks.*
For citation: Gudkov I. A. Icebreaker "Krasin" in the ports of the United States of America (based on ship's logbooks for 1941–1942) // Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 114–125.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/114-125

Введение

Несмотря на существование в отечественной историографии обширного перечня трудов по истории транспортной системы СССР, авторы которых на основе архивных материалов исследуют морской транспорт как целостную систему, многие локальные аспекты его функционирования остаются слабоосвещенными. Так, на фоне изучения масштабных событий и процессов совершенно теряется роль трудовых коллективов, в частности экипажей судов, собственноручно "творивших" историю мореплавания. Важным источником для раскрытия этой темы являются судовые (они же вахтенные или шканечные) журналы – документы, в которых излагаются обстоятельства и условия, при которых протекает плавание и стоянка судна. В отличие от иных ведомственных отчетных документов, судовой журнал заполняется вахтенным помощником капитана непосредственно в течение несения вахты, тем самым сведения, содержащиеся в нём, являются не просто репрезентацией событий прошлого, а зафиксированными практически в "реальном времени" событиями настоящего. Во многом поэтому, в случае возникавших происшествий в море или на стоянке, именно судовой журнал являлся первостепенным документом для выявления обстоятельств случившегося.

В настоящей статье, на основании записей, содержащихся в судовых журналах ледокола "Красин" периода его знаменитого перехода из бухты

© Гудков И. А., 2025

Провидения Анадырского залива Берингова моря через Панамский канал в Рейкьявик (Исландия) и далее в Мурманск, предпринята попытка показать некоторые аспекты информационных возможностей источника. В фокусе пребывания ледокола в портах Соединённых Штатов Америки: Сиэтл (штат Вашингтон) и Балтимор (штат Мэриленд) демонстрируются некоторые аспекты технической модернизации судна – проводившейся на американских верфях; подготовки к выполнению боевых задач; повседневной жизни экипажа и условий плавания в зимнюю навигацию 1941–1942 гг.

Историография

Вопросам использования судовых журналов в качестве исторического источника и анализу их информационных возможностей посвящены единичные публикации отечественных историков. На наш взгляд, это связано в первую очередь с тем, что исследователи чаще опираются на более "высокоуровневую" отчётную документацию, предпочитая судовым журналам иные ведомственные документы. Во-вторых, в отечественной историографии до сих пор не сложилось чёткого представления о специфике данного исторического источника, его видовой классификации и информационных возможностях. Известны немногочисленные публикации, рассматривающие судовые журналы экспедиции В. Беринга **[1]**; парохода "Диксон" Северного морского пароходства (г. Мурманск) **[5]** и ледокола "Красин" Восточного морского арктического пароходства (г. Владивосток) периода Второй мировой войны **[3]**, а в 1970-е гг. в "Археографическом ежегоднике" ставился вопрос о публикации дореволюционных вахтенных журналов **[7]**.

В зарубежной историографии проблема использования судовых журналов в качестве исторического источника затрагивается в работах, посвященных общим вопросам археографии и источниковедения **[11]**. Однако особый интерес вызывают исследования по истории климата, в рамках которых метеорологические данные судовых журналов используются с целью реконструкции климатических изменений в широкой хронологической перспективе **[10; 12]**. Так, известен объединенный проект ряда европейских университетов "Климатологическая база данных Мирового океана: 1750–1854" (The Climatological Database for the World's Oceans: 1750–1854 (CLIWOC)), вобравший в себя более 280.000 метеорологических записей (в первую очередь скорости и направления ветров) судовых журналов английских, голландских, французских и испанских судов на основных судоходных маршрутах периода, предшествующего началу активного антропогенного влияния и системного инструментального изучения и анализа динамики климатических изменений, получить которые без использования судовых журналов ранее не представлялось возможным **[9]**.

В целом следует отметить, что изучение этого уникального исторического источника только начинается. Судовые журналы многих известных кораблей всё ещё не введены в научный оборот, а вопросы об их видовой принадлежности и информационных возможностях на данный момент являются поводом для научных дискуссий.

Источниковая база исследования

Судовой журнал – один из основных судовых документов, в котором фиксируются записи обо всём происходящем с судном и его экипажем. В первую очередь этот документ предназначен для отчётов перед организацией-владельцем судна, а также для установления обстоятельств различных происшествий. Ввиду особой значимости судового журнала его содержание и порядок заполнения строго регламентированы. В рамках исследуемого периода они определялись утверждённым заместителем народного комиссара водного транспорта 28 июня 1936 г. "Общим положением по ведению судовых журналов" (далее – Положение) **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 529. Л. 1)**[1].

Положение определяло судовой журнал как делопроизводственный документ, в котором отражаются обстоятельства и условия плавания судна, а также мотивы единоличных действий капитана. Судовой журнал заполнялся на каждом судне морского торгового флота СССР регистровым тоннажем (объ-

[1] ГАПК – Государственный архив Приморского края.

ёмом внутренних помещений судна) свыше 20 т. Судовой журнал следовало вести в течение всего времени эксплуатации судна, включая периоды стоянок на ремонте и зимовке. Его ведение капитан возлагал во время стоянки на одного из помощников, во время рейса – на вахтенного помощника. Капитан ежедневно просматривал журнал, удостоверяя это своей подписью в графе замечаний капитана.

Принимая во внимание регламентированность порядка ведения судового журнала, можно говорить об условной "типичности" сведений в источнике. По характеру содержания сведения в нём следует разделить на две группы: технические сводки, местоположение и метеоусловия, а также события, произошедшие с судном и экипажем и повлиявшие на жизнь корабля. Сведения, относящиеся к первой группе, вносились ежесуточно и являются идентичными, различаясь лишь в значении показателей. Благодаря этим данным возможно проследить динамику технического состояния судна, метеорологических условий, а также определить точный маршрут и время следования по указанным в журнале географическим координатам. К примеру, благодаря тому, что сведения о местоположении в судовом журнале фиксируются вахтенным помощником минимум два раза в сутки – в полдень и полночь – нам удалось проследить точное местоположение ледокола "Красин" в течение всего рейса с ноября 1941 г. по май 1942 г. С помощью инструментов геоинформационной системы "Google Earth" (Google Планета Земля) нами была составлена карта перемещения ледокола, основанная на полуденных записях о его местоположении, позволившая визуализировать его перемещение в конкретном хронологическом диапазоне *(рис. 1)*.

Несмотря на малую содержательность данных сведений в контексте единичного судового журнала, объединение комплекса судовых журналов одного судна или даже целого ряда судов кажется нам перспективным направлением исследований, по результатам которого возможно создание интерактивной базы данных, содержащей не только сведения об их местоположении в хронологическом разрезе, но и о погодных условиях, позволяющих отследить динамику климатических изменений практически любой акватории планеты, по аналогии с вышеупомянутым проектом CLIWOC.

Вторая группа сведений, в отличие от технических сводок, велась записями в свободной форме. Ввиду разноплановости содержания сведений данной группы, для систематизации следует выделить несколько тематических подгрупп: условия плавания; повседневный распорядок экипажа; инциденты, произошедшие на судне и за его пределами. Первая подгруппа сведений в некотором роде дублирует записи о погодных условиях и прочих природных обстоятельствах плавания, однако изложена в более развернутой, свободной форме. Основной массив сведений относится ко второй подгруппе, где содержатся обширные данные о повседневной рутине, боевых и мирных буднях матросов и командного состава, партийной работе и решениях судового совета.

Третья же подгруппа сведений касается инцидентов, произошедших на судне в море или на стоянке и включает в себя всё то, что "выбивается" из привычного распорядка: аварии с судном и грузом; случаи рождения и смерти; совершение на судне проступков, несчастные случаи, наложение на членов экипажа дисциплинарных взысканий; уменьшение выдаваемых судовой команде порций продовольствия; количество совершенной сверхурочной работы, а также мотивы единоличных действий капитана.

В Государственном архиве Приморского края сохранились комплекты судовых журналов судов Дальневосточного государственного морского пароходства[2], краболовных и китобойных флотилий Дальневосточного бассейна за 1926–1992 гг. Значительный комплекс источников отложился в фонде Восточного морского арктического пароходства Главного управления Северного морского пути при Совете министров СССР (**ГАПК. Ф. Р-347**), судовые журналы которого были выбраны для исследования. Всего в фонде 956 архивных дел, 210 из которых содержат делопроизводственные документы (положения и приказы Главсевморпути, протоколы и решения совещаний при начальнике пароходства, планы арктических перевозок грузов, рейсовые донесения, отчеты пароходства и флота по основной и финансово-хозяйственной деятель-

[2] Ныне Дальневосточное морское пароходство.

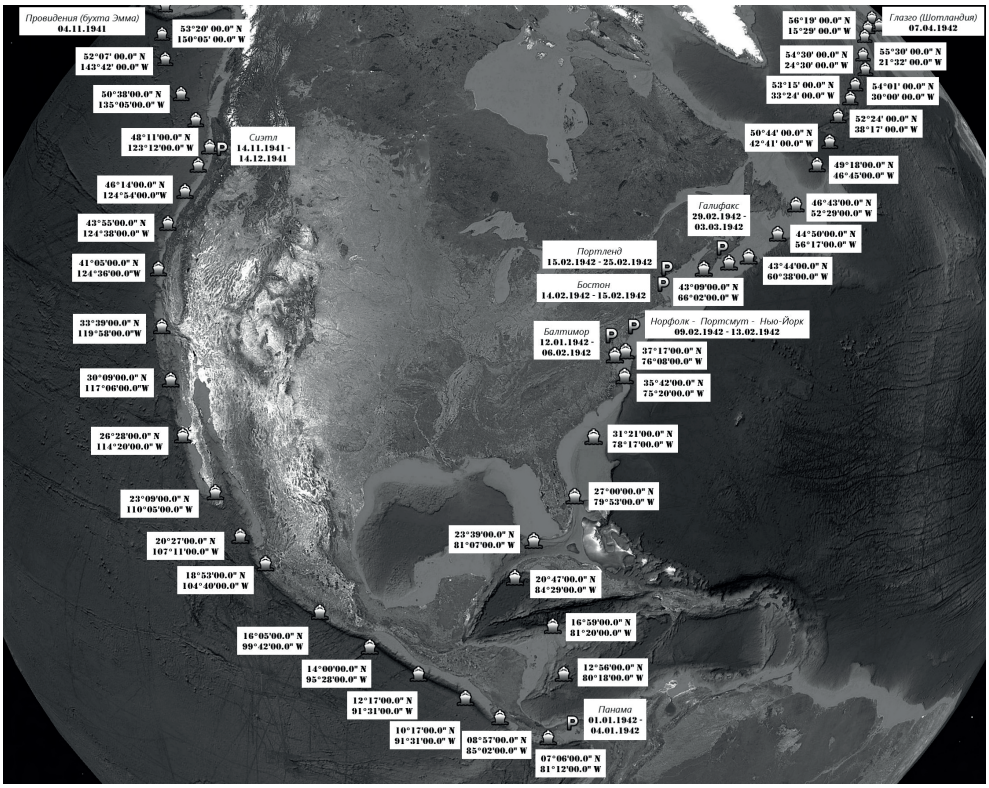


Рис. 1. Карта передвижения ледокола "Красин" с ноября 1941 г. по март 1942 г. (по координатам, зафиксированным в судовых журналах).

Источник: составлено автором по: **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524–528)**.

Fig. 1. Map of movement of the icebreaker "Krasin" from No.vember 1941 to March 1942 (according to coordinates recorded in logbook).

Source: compiled by the authors **(State Archive of Primorsky Krai. F. R-347. S. 1. F. 524–528)**.

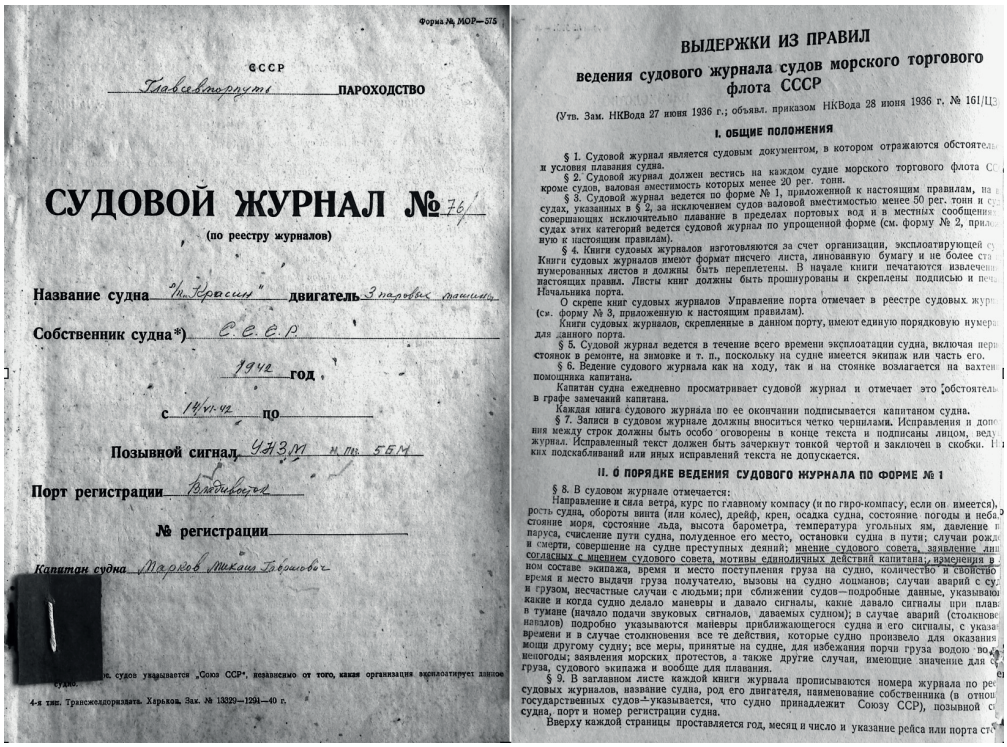
ности и другие), а 746 – судовые журналы ледоколов и других судов, обеспечивавших в период 1926–1957 гг. круглогодичную навигацию в северной части Тихого океана и Восточной Арктики. Среди них 85 судовых журналов знаменитого ледокола "Красин" за период с 1 декабря 1931 г. по 31 декабря 1950 г., когда портом его приписки являлся г. Владивосток **[3, с. 52–53]**.

Обзор источников

Выбор для исследования судовых журналов "Красина" обусловлен легендарностью ледокола. Насыщенная история службы позволяет в большем объёме раскрыть потенциал источника. Стоит заметить, что несмотря на наличие ряда публикаций, посвящённых героическим будням ледокола **[2; 8]**, его судовые журналы не стали объектом специального исследования. При этом важно упомянуть уникальную по своему содержанию работу коллектива авторов: М. А. Емелиной, М. А. Савинова и П. А. Филина, в рамках которой были введены в научный оборот ранее неопубликованные рейсовые донесения капитана "Красина" М. Г. Маркова[3] за период 1941–1942 гг., что позволило детализировать важнейшие страницы истории ледокола **[4]**.

Общая характеристика. Несмотря на общность происхождения и содержания, судовые журналы и рейсовые донесения капитана имеют ряд принципиальных различий. Рейсовые донесения – аналитический документ, отражающий личный опыт и воззрения капитана-составителя. Тогда как су-

[3] Марков, Михаил Гаврилович (1904–1954) – капитан ледокола "Красин" с 1940 по 1945 гг.



Форма № МОР—575

СССР

Главсевморпуть ПАРОХОДСТВО

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ № 76/

(по реестру журналов)

Название судна "Н. Красин" двигатель 3 паровых машины

Собственник судна*) С.С.С.Р.

1942 год

с 14/VI-42 по

Позывной сигнал УНЗМ н. пл. 5БМ

Порт регистрации Владивосток

№ регистрации

Капитан судна Марков Михаил Гаврилович

...ие. судов указывается „Союз ССР", независимо от того, какая организация эксплоатирует данное судно.

4-я тип. Трансжелдориздата. Харьков. Зак. № 13329—1291—40 г.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРАВИЛ

ведения судового журнала судов морского торгового флота СССР

(Утв. Зам. НКВода 27 июня 1936 г.; объявл. приказом НКВода 28 июня 1936 г. № 161/ЦЗ

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Судовой журнал является судовым документом, в котором отражаются обстоятель... и условия плавания судна.

§ 2. Судовой журнал должен вестись на каждом судне морского торгового флота СС... кроме судов, валовая вместимость которых менее 20 рег. тонн.

§ 3. Судовой журнал ведется по форме № 1, приложенной к настоящим правилам, на в... судах, указанных в § 2, за исключением судов валовой вместимостью менее 50 рег. тонн и су... совершающих исключительно плавание в пределах портовых вод и в местных сообщения... судах этих категорий ведется судовой журнал по упрощенной форме (см. форму № 2, прило... ную к настоящим правилам).

§ 4. Книги судовых журналов изготовляются за счет организации, эксплоатирующей су... Книги судовых журналов имеют формат писчего листа, линованную бумагу и не более ста... нумерованных листов и должны быть переплетены. В начале книги печатаются извлечени... настоящих правил. Листы книг должны быть прошнурованы и скреплены подписью и печ... Начальника порта.

О скрепе книг судовых журналов Управление порта отмечает в реестре судовых журн... (см. форму № 3, приложенную к настоящим правилам).

Книги судовых журналов, скрепленные в данном порту, имеют единую порядковую нумера... для данного порта.

§ 5. Судовой журнал ведется в течение всего времени эксплоатации судна, включая пери... стоянок в ремонте, на зимовке и т. п., поскольку на судне имеется экипаж или часть его.

§ 6. Ведение судового журнала как на ходу, так и на стоянке возлагается на вахтен... помощника капитана.

Капитан судна ежедневно просматривает судовой журнал и отмечает это обстоятель... в графе замечаний капитана.

Каждая книга судового журнала по ее окончании подписывается капитаном судна.

§ 7. Записи в судовом журнале должны вноситься четко чернилами. Исправления и допо... ния между строк должны быть особо оговорены в конце текста и подписаны лицом, веду... журнал. Исправленный текст должен быть зачеркнут тонкой чертой и заключен в скобки. Н... ких подскабливаний или иных исправлений текста не допускается.

II. О ПОРЯДКЕ ВЕДЕНИЯ СУДОВОГО ЖУРНАЛА ПО ФОРМЕ № 1

§ 8. В судовом журнале отмечается:

Направление и сила ветра, курс по главному компасу (и по гиро-компасу, если он имеется), ...рость судна, обороты винта (или колес), дрейф, крен, осадка судна, состояние погоды и неба, ...стояние моря, состояние льда, высота барометра, температура угольных ям, давление п... паруса, счисление пути судна, полуденное его место, остановки судна в пути; случаи рожд... и смерти, совершение на судне преступных деяний; мнение судового совета, заявление лиц... согласных с мнением судового совета, мотивы единоличных действий капитана; изменения в ... ном составе экипажа, время и место поступления груза на судно, количество и свойство ... время и место выдачи груза получателю, вызовы на судно лоцманов; случаи аварий с су... и грузом, несчастные случаи с людьми; при сближении судов—подробные данные, указываю... какие и когда судно делало маневры и давало сигналы, какие давало сигналы при плав... в тумане (начало подачи звуковых сигналов, даваемых судном); в случае аварий (столкнове... навалов) подробно указываются маневры приближающегося судна и его сигналы, с указа... времени и в случае столкновения все те действия, которые судно произвело для оказания ... мощи другому судну; все меры, принятые на судне, для избежания порчи груза водою во... непогоды; заявления морских протестов, а также другие случаи, имеющие значение для с... груза, судового экипажа и вообще для плавания.

§ 9. В заглавном листе каждой книги журнала прописываются номера журнала по рее... судовых журналов, название судна, род его двигателя, наименование собственника (в отнош... государственных судов—указывается, что судно принадлежит Союзу ССР), позывной с... судна, порт и номер регистрации судна.

Вверху каждой страницы проставляется год, месяц и число и указание рейса или порта ст...

Рис. 2. Судовой журнал ледокола "Красин". Заглавие и первая страница

Источник: **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 528. Л. Б/н.)**.

Fig. 2. The ship's logbook of the icebreaker "Krasin". The title and first page

Source: **(State Archive of Primorsky Krai. F. R-347. S. 1. F. 528. P. W/o number)**.

довой журнал составляется не капитаном, а вахтенным помощником и отражает оперативное состояние судна. Более того, капитан периодически может отсутствовать на борту во время стоянки, тогда как вахтенный помощник обязан находиться на судне постоянно. В некотором роде судовой журнал можно назвать первоисточником по отношению к рейсовым донесениям и, несмотря на отсутствие в нём значительного "аналитического блока", он более насыщен с точки зрения технических деталей эксплуатации судна и подробностей жизни экипажа. Судовые журналы "Красина" за период с ноября 1941 г. по май 1942 г. составили шесть книг, каждая из которых является теперь архивным делом **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524–529)**. Их сохранность, как и остальных судовых журналов "Красина" за период Великой Отечественной войны, удовлетворительная. Книги плотно сшиты, утраченных листов нет, однако местами бумага подвергается разрушению. В заглавии книг приводятся основные сведения о судне (название, вид двигателя, собственник, позывной сигнал, номер регистрации судна и порт приписки), а также реестровый номер и временной период ведения журнала. Первые страницы книг включают листы с машинописным текстом: *"Правила ведения судового журнала"* – выдержки из Положения, их определяющего *(рис. 2)*.

Основные листы разлинованы на 17 столбцов, образуя единый разворот в соответствии со спецификой сведений, фиксируемых в журнале[4]. В верху каждой страницы указаны год, месяц и число, а также рейс или порт стоянки. Записи велись чернилами синего и черного цветов. Местами почерк трудночитаем из-за обилия сокращенных навигационных и технических терминов и, вероятно, тяжёлых условий сильной бортовой качки *(рис. 3)*.

[4] Об этом см.: **[3, с. 54–58]**.

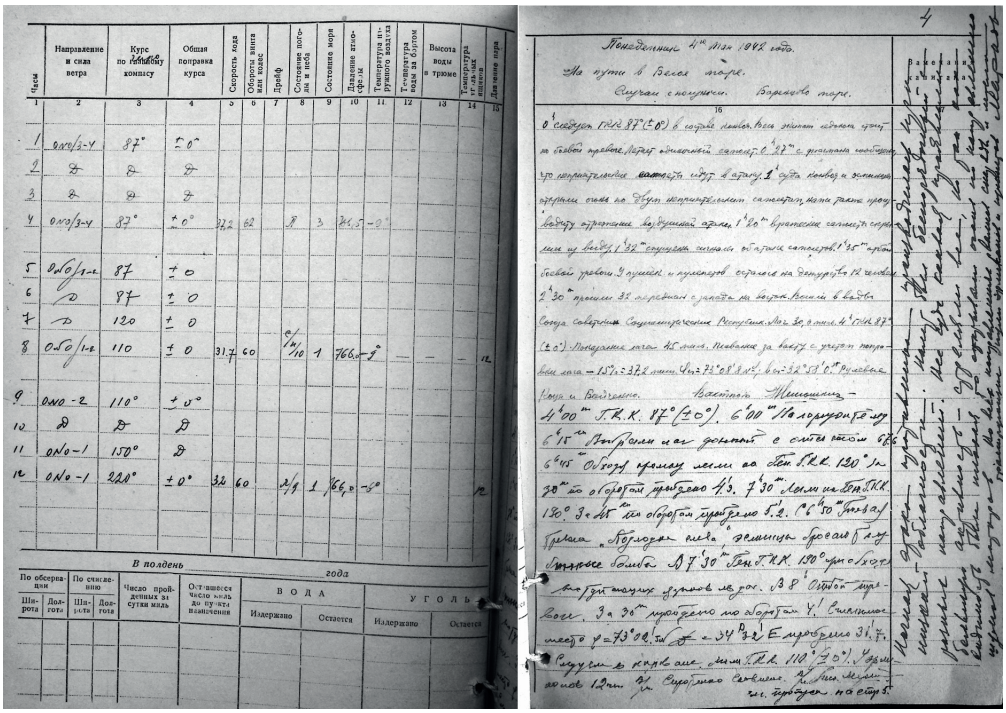


Рис. 3. Судовой журнал ледокола "Красин". Примеры записей (от 4 мая 1942 г.)
Источник: **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 528. Л. 3об–4)**.
Fig. 3. The ship's logbook of the icebreaker "Krasin". Examples of entries (dated May 4, 1942)
Source: **(State Archive of Primorsky Krai. F. R-347. S. 1. F. 528. P. 3t/o–4)**.

15 из 17 столбцов предназначались для внесения "технической" информации: направления и силы ветра, курса по главному компасу, скорости судна, оборотов винта, дрейфа, крена, осадки судна, состояния погоды, моря и льда, высоты барометра, температуры угольных ям, давления пара в котлах, состояния парусов – т. е. относящейся к выделенной нами "первой группе сведений". Столбцы 16 и 17 служили для указания развёрнутой информации о местоположении судна в динамике, событиям и инцидентам, а также особым замечаниям капитана, смысл которых – объяснить мотивы его единоличных действий, либо же прокомментировать записи, оставленные вахтенным помощником – вышеупомянутая "вторая группа сведений".

Каждый разворот судового журнала удостоверялся подписью капитана судна – М. Г. Маркова, и вахтенного помощника – Н. А. Мерта (старший помощник капитана), Н. Ф. Инюшкина (второго помощника капитана).

Интересен факт, что из-за неоднократных заходов в иностранные порты в условиях военного времени, приказом капитана судна М. Г. Маркова от 12 марта 1942 г. был установлен дополнительный надзор за сохранностью от порчи и промокания вышеуказанных судовых журналов ввиду их ценности **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 526. Л. 58)**.

Исторический и событийный контекст перехода "Красина" широко представлен в научной литературе. По этой причине его воссоздание через призму судовых журналов не входит в задачи настоящего исследования. Для связки сюжетов, освещаемых нами, будут использованы краткие сводки. Обстоятельства появления "Красина" в американских портах связаны с запросом Правительства США о предоставлении его в аренду в 1941 г. К началу Великой Отечественной войны ледокол обслуживал Восточный сектор Арктики, что предполагало длительный переход. Проход "коротким" Северным морским путём становился бы слишком опасным, поскольку ледокол находился в строю практически четверть века и ему требовалось частое техническое об-

служивание и серьезная модернизация. Руководство США, заинтересованное в том, чтобы "Красин" добрался до пункта назначения, предложило в счет ленд-лиза провести его капитальный и, по необходимости, текущий ремонт на каждой стоянке до пункта назначения. Так было решено отправить ледокол через Тихий океан и Атлантику. 4 ноября 1941 г., получив указание начальника Главного управления Северного морского пути И. Д. Папанина следовать в Сиэтл, "Красин" вышел из порта Провидения и отправился в США **[8, с. 19–20]**.

Сиэтл. В Сиэтле "Красин" пробыл ровно месяц: с 14 ноября[5] по 14 декабря 1941 г. Судовой журнал позволяет установить множество аспектов пребывания ледокола в порту, начиная от его подробного передвижения внутри акватории, заканчивая детальным описанием процедур оформления местными властями и портовыми службами прибытия судна.

Записи в судовом журнале описывают характер и объём повреждений "Красина", случившихся в результате тяжёлого преодоления северной части Тихого океана. Так, имеются записи от 6 ноября 1941 г., где в *"…8:00 судно испытывает стремительную бортовую качку до 45–50 градусов. Большие массы воды берет на палубы, через люки и вентиляторы в машину* (двигательную установку – авт.) *проникает вода в большом количестве…"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 38)**; от 10 ноября 1941 г. *"…18:30 из машины передается, в котле № 8 лопнули трубы, котел выведен* (из строя – авт.); *заводится котел № 3, который будет к полудню 11 ноября в действии…"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 48)**; от 11 ноября 1941 г. *"…23:05 ледокол сильно накренился на правый борт, в этот момент накатилась большая волна, разрушено правое крыло нижнего мостика, повреждены машинные телеграфы, правый отличительный огонь сбит. Детально осмотреть повреждения невозможно из-за темноты и поступающей на борт в большом количестве воды"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 54)**.

Во время стоянки в Сиэтле ледокол был подробно обследован на предмет повреждений. По результатам выявлена необходимость масштабного ремонта не только корпусной части, но и машинного оборудования, а также установки вооружения для противостояния немецким подводным лодкам и самолетам. В этой связи передача ледокола в аренду была отменена и *"…от исполняющего обязанности политического представителя СССР из Вашингтона т. Громыко…"* – капитан М. Г. Марков – *"…получил указание следовать Панамским каналом на Восточный берег США, в Бостон или Нью-Йорк, после производства необходимого ремонта"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 76)**.

Интересно также отметить запись в судовом журнале от 8 декабря 1941 г., когда вместо привычной практики частичной светомаскировки (скрытия световых демаскирующих признаков судна от вероятного противника) *"в 23:00 произведена полная светомаскировка судна"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 83)**, вызванная началом военных действий на Тихом океане 7 декабря 1941 г. и проводившаяся затем ежедневно.

Покинул Сиэтл "Красин" 14 декабря 1941 г. в 12:48 по местному времени, следуя в *"…порт назначения – Нью-Йорк"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 90)**. Путь к Восточному побережью США пролегал через Панамский канал. 1 января 1942 г.: *"пришли в Панаму"* – ледокол встал на якорь в Панамском заливе – "*прибыли представители от "Canal Tonnage" для производства измерений* (осадки[6] ледокола – авт.) *… санитарные и таможенные власти и опечатали радиорубку"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 34)**. 2 января, после завершения оформления прихода судна, "*вошли в канал под проводкой лоцмана*[7]*… приняли на борт 26 солдат U.S.* (США – авт.) *и 8 негров-швартовщиков*" **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 35)**. Переход через

---

[5] Прим. авт.: дата 14 ноября 1941 г. в судовом журнале зафиксирована дважды: в восточном и западном полушарии вследствие временно́го сдвига при пересечении ледоколом 180-го меридиана.

[6] Осадка судна – вертикальное расстояние от ватерлинии (линии соприкосновения поверхности воды с корпусом судна) до киля (нижней точки корпуса судна).

[7] Лоцман (голл. loodsman) – специалист, осуществляющий проводку судов в опасных и труднопроходимых районах, на подходах к портам и в пределах их акваторий.

шлюзы канала занял практически весь день, после чего "Красин" отдал швартовы в порту Кристобаль (провинция Колон, Панама) для бункеровки[8].

Во время нахождения в Кристобале капитаном М. Г. Марковым была получена телеграмма от начальника транспортного отдела Амторга[9] Ф.И. Голикова из Нью-Йорка о необходимости следовать в Чесапикский залив, на ремонт в порт Балтимора **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 34–35)**. В Балтиморе, на верфи "Bethlehem Fairfield Shipyard"[10], ледоколу предстояло пройти серьёзный ремонт, установку дополнительного оборудования и вооружения. Уже на следующий день "Красин" направился в пункт назначения.

Балтимор. По прибытии на внешний рейд[11] порта Балтимор в Чесапкиском заливе "Красин" столкнулся с невозможностью проследовать в порт по причине отсутствия лоцманского сопровождения, что подробно отражено в записях судового журнала от 10 января 1942 г.: *"… 20:00 вызываем лоцмана белыми вспышками огня. Лоцманские суда ходят в проливе, но не приближаются к судну, кроме нас подошло ещё три судна и также вызывают лоцманов. 20:30 вызываем лоцмана – безрезультатно. 24:00 без изменений. На все вызовы лоцманские суда к борту не подходят, также все суда пришедшие с моря, стояли на якорях, в залив не зашло ни одно судно".* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 524. Л. 49–51)**. Лоцман прибыл лишь на следующий день (11 января) к 9:00.

Утром 12 января 1942 г. "Красин" встал на якорь у форта Кэрролл на реке Патапско. Официальное оформление прихода судна (в отличии от порта Сиэтла, где заняло 6 дней) ограничилось несколькими часами: *"к 09:05 прибыли портовые власти. Портовым врачом проведен осмотр всей команды (по венерическим болезням) … 10:00 прибыли таможенные власти … 10:55 таможенные власти отбыли … 11:46 дали ход, пошли по каналу под проводкой лоцмана в порт"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 52–53)**.

Судовой журнал ледокола за период стоянки в Балтиморе (12 января – 6 февраля 1942 г.) позволяет детально рассмотреть характер ремонтных работ по ледоколу. По прибытии в порт оказалось, что у судна слишком большая осадка для размещения в доке: *"…для ввода ледокола в док необходимо создать осадку не более 22 футов"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 54)** – отмечал капитан М. Г. Марков 13 января 1942 г. Несоблюдение данного требования грозило серьёзными последствиями: неправильное размещение судна на кильблоках[12] могло повредить дно или вызвать деформацию корпуса судна. В этой связи было принято решение выгружать запасы угля, пока осадка не достигнет 20,5 футов (6,25 м).

Только к вечеру 21 января, в сопровождении двух буксиров и под руководством лоцмана порта, "Красин" вошёл в док, после чего началась стандартная процедура закрытия батопорта[13] и постепенной откачки воды из резервуаров. Ледокол встал на кильблоки в "Bethlehem dry dock" только 22 января 1942 г., после чего в *"8:00 на судно прибыло около 100 человек заводских рабочих и* (они – авт.) *приступили к работе: конопатят и зашивают полы палубы, ремонтируют радиорубку, проводят подготовительные рабо-*

---

8 Бункеровка (англ. bunkering) – заправка судна топливом и моторными маслами, осуществляющаяся у причала, на рейде или в открытом море.

9 Амторг (*Amtorg Trading Corporation*) – акционерное общество, учреждённое в 1924 г. в Нью-Йорке. Комиссионер-посредник внешнеторговых операций между США и СССР.

10 "Bethlehem Fairfield Shipyard" – судостроительная верфь в г. Балтиморе, принадлежавшая в годы Второй мировой войны крупнейшей американской кораблестроительной компании "Bethlehem Shipbuilding".

11 Рейд (голл. *reede*) – часть акватории порта для якорной стоянки судов. Внешний рейд не имеет защиты от ветра и волн; внутренний рейд защищён естественными или искусственными преградами.

12 Кильблок (англ. *keelblock*) – опоры в виде ряда положенных один на другой и скрепленных горизонтальных брусьев, предназначенных для постановки на них судна в доке.

13 Батопорт (франц. *batean – судно; porte – ворота*) – гидротехнический затвор шлюза или плавучего дока.

ты к прокладке кабеля, убирают мусор и шлак с палубы, меняют такелаж[14] *(стоячий) на обеих мачтах, в машине также происходит ремонт, по служебным помещениям ремонтируется электросеть и часть проводится новой"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 63)**.

Ремонт и модернизация ледокола в течение всего времени его нахождения в доке велись круглосуточно, в две смены. За две недели по судну были произведены следующие работы: полностью перекрашена палубная надстройка; забронированы рулевая и штурманские рубки; заменены все уплотнители иллюминаторов, брусья ватервейса[15], заклепки корпуса и электропроводка; произведен ремонт дейдвуда[16], кормового и левого винтов, главных машин и вспомогательных механизмов; смонтирована проводка дегауссинга[17]; установлены рефрижераторы в такелажном трюме, орудийная и пулеметные платформы; оборудованы кормовой бомбовый погреб, прачечная и гладильная комнаты **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 63–75)**. Таким образом ледокол был серьёзно модернизирован и качественно подготовлен к условиям плавания в акватории ведения боевых действий в открытом океане. К 21:00 3 февраля 1942 г. была *"…закончена окончательная установка винтов. Остались стоять в доке до наступления полной воды, т. е. до утра"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 75)**. 4 февраля был открыт батопорт и в 9:25 буксиры вывели ледокол из дока к угольному причалу. К 13:00 того же дня рабочие порта приступили к бункеровке, которая продолжилась до 6 февраля. Параллельно с пополнением запасов угля в *"12:30 подведена к борту баржа с маслом машинным, пушкой, идущей грузом, пятью крупнокалиберными пулеметами, снабжением для спасательных ботов … 16:00 подведена баржа с судовым снабжением и продовольствием. Начали погрузку продовольственного заготовочного запаса в кормовой трюм".* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 76–77).**

Нашлось место в судовом журнале "Красина" и для ряда инцидентов, случившихся с экипажем во время пребывания в порту Балтимора. При нахождении в иностранном порту судовой экипаж, свободный от несения вахты и иных обязанностей, как правило получал "увольнение" на берег. Так 18 января 1942 г. в *"17:30 начато увольнение на команды свободной от вахты на берег". 22:30 вся команда на борту за исключением трех человек – Машинцева, Ершова, Гейца, которых задержала полиция вследствие чего в 22:55 Дьяков* (М. А. Дьяков – помощник капитана по политической части – авт.) *сошел с борта для выяснения дела … 19 января 1942 г. 0:30 Дьяков возвратился с берега с задержанными людьми полицией (Гейцом, Машинцевым, Ершовым)".* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 59–60)**. Заметим, что причины задержания членов экипажа американской полицией в журнале не объясняются. Вопрос о наложении дисциплинарных взысканий также не освещен. Однако определенное следствие данного инцидента зафиксировано в записи от 19 января 1942 г.: *"17:00 – конец рабочего дня увольнение экипажа на берег не происходит"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 60)**. После этого случая в течение всего рейса при заходах в иностранные порты члены экипажа, кроме случаев командирования и проведения погрузочных работ, судно не покидали.

В целом же за весь период океанского перехода со стороны членов экипажа не было отмечено ни одного серьёзного проступка, предусматривавшего личную дисциплинарную ответственность, что свидетельствует о достаточно

---

[14] Такелаж (голл. *takel*) – совокупность всех снастей судна (пеньковых и металлических тросов).

[15] Ватервейс (англ. *waterway*) – деревянные брусья палубного настила, идущие по бортам вдоль всего судна для продольного крепления судна и стока воды.

[16] Дейдвуд (англ. *deadwood*) – кормовая оконечность подводной части судна, в которой расположены выходы средних гребных валов наружу.

[17] Дегауссинг (англ. *degaussing*) – процесс уменьшения или устранения остаточного магнитного поля корпуса судна (размагничивание). В годы Второй Мировой войны применялся для противостояния немецким магнитным минам. Выполнялся путем прокладки диамагнитного кабеля по корпусу судна.

высоком уровне дисциплины экипажа и благоприятном морально-психологическом климате на судне. Инциденты, как правило, происходили из-за погодных условий либо касались нарушения техники безопасности. Например, один из немногих случаев травматизма на "Красине" (всего за период пребывания в американских портах, по нашим подсчётам, их оказалось три) произошёл в ходе ремонтных работ на ледоколе, когда *"… в правом бункере № 1 по неосторожности упал рабочий завода с главной палубы вниз. Приняты срочные меры: пострадавший отправлен на берег. По наружному осмотру можно судить, что имеется только ушиб, пострадавший чувствует себя хорошо"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 68)**.

Всего порту Балтимора "Красин" пробыл до 6 февраля 1942 г. В этот день была закончена погрузка угля и завершалось снабжение техникой и продовольствием, а *"рабочие завода* (продолжали – авт.) *некоторые незаконченные работы: покрывают мастикой носовую часть палубы, заканчивают ремонт крыльев нижнего мостика ... оборудуются 2 стиральные и одна гладильные машины…"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 78–79).**

В *"19:00 судовые работы завершены. 19:30 подошли два буксира, прибыл лоцман. Задерживаемся у причала из-за течи одной заклепки, что устраняется рабочими завода. Принятое снабжение на палубу убирается в носовой трюм. 22:00 погрузка продуктов завершена. Люди отпущены отдыхать. 23:05 течь устранена, готовимся к отходу. 23:25 с борта ушли все рабочие 23:30 убираем трап, швартовы. 24:00 отошли от причала. 0:45 буксиры отдали концы, дали малый ход кормовой машине и пошли самостоятельно по каналу под проводкой лоцмана"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 78–79)**. Однако ввиду погодных условий: "… *Сильный ветер до 6 баллов с дождем, видимость плохая …*" **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 79)** – лоцман принял решение встать на якорь до утра. В 7:45 7 февраля "*снялись с якоря. Следуем по указанному лоцману фарватеру из порта Балтимор"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 80).**

Восточное побережье США. Далее "Красину" было необходимо испытать и настроить установленную систему защиты от магнитных мин (дегауссинг). 6 февраля 1942 г. при выходе из Балтимора система была включена впервые, но полноценные испытания были отложены из-за начавшегося шторма. 8 февраля в *"8:05 на судно прибыли 6 человек для проверки работы дегауссинга, приступили к осмотру установки и ознакомлению с системой дегауссинга, что дается с трудом, так как очевидно проводка Дегауссинга сделана неверно по их словам". 11:00 начали пересекать полным ходом подводный кабель, проложенный специально для проверки дегауссинга. 12:00 пересекли 3 раза, заходим на четвертый. Ходили по указаниям лоцмана … продолжаем пересекать подводный кабель на S и N* (с севера на юг – авт.) *и обратно. 14:20 к борту подошел катер, с которого высадился доктор электротехники 16:00 продолжаем проводить испытания дегауссинга. 16:35 закончены испытания дегауссинга. Производится настройка магнитных компасов. 20:00 продолжаем находиться в районе испытаний дегауссинга. Работы по испытанию закончены, выясняются некоторые детали в управлении дегауссингом"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 82–83).**

10 февраля 1942 г. "Красин" прибыл в находящийся в устье Чесапикского залива порт Норфолк (штат Виргиния), где на ледокол были погружены боеприпасы для бортового орудия и пулеметов, а также включен для постоянной работы в зоне действия магнитных мин дегауссинг **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 84–87)**.

После выхода из Норфолка "Красин" стал свидетелем "охоты" на подводную лодку, о чем подробно описано в записях судового журнала от 11 февраля 1942 г.: *"08:00 следуем полным ходом к Five Fothom Bank* (маяк в штате Нью-Джерси – авт.), *впереди справа идет небольшое конвоирующее нас судно U.S. Navy. Над нами патрулирует дирижабль U.S. Navy K-3. 08:35 Дирижабль сбросил горящую шашку, конвоирующее судно полным ходом направилось к месту горящей на воде шашки и в 08:39 сбросило 4 глубинные бомбы. 09:40 прилетел гидросамолет и начал патрулировать. 10:00 прилетел второй самолет. 11:20 появился второй дирижабль. 11:21 дирижабль K-3 сбросил горящую и дымовую шашку. 11:25 конвоирующее судно начало бросать глубинные бомбы, сброшено 4 бомбы. С берега прилетела эскадрилья*

гидросамолетов, прошла над судном в море. Продолжаем следовать полным ходом. К пулеметам прикреплены магазины с патронами" **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 89–90)**.

Затем, посетив Нью-Йорк (11 февраля), Бостон (14 февраля) и Портленд (15 февраля), "Красин" прибыл в Галифакс (Новая Шотландия, Канада), **где** *"… на борт прибыли члены экипажа парохода Двинолес в количестве 17 человек для следования … в Советский Союз"* **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 526. Л. 37)** и в составе союзнического конвоя, направлявшегося в Великобританию, 3 марта 1942 г. покинул Восточное побережье США. 17 марта 1942 г. "Красин" вошел в реку Клайд (Глазго, Шотландия), где при участии британских специалистов ледокол был дооснащен зенитным вооружением **(ГАПК. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 525. Л. 88–96; Д. 526. Л. 1–38; 69–73)**. Последующей миссией ледокола, подробно изложенной в упоминавшемся ранее опубликованном рейсовом донесении капитана "Красина" М. Г. Маркова **[4, с. 293–301]**, стало сопровождение конвоя PQ-15, вышедшего из Рейкьявика (Исландия) 26 апреля 1942 г. в Мурманск, после чего его переход был окончен, и ледокол продолжил работу в Западном секторе Арктики до 1943 г., пока не вернулся во Владивосток, завершив тем самым своё кругосветное плавание **[8, с. 21]**.

Заключение

Анализ информационных возможностей судовых журналов позволяет прийти к выводу, что они аккумулируют в себе обширный перечень разнообразных сведений, позволяющих детально реконструировать не только историю отдельных судов и экипажей, но и дополнить многие исторические сюжеты. Важной особенностью источника является особый характер его возникновения. Заполняемый на ежедневной основе, судовой журнал отражает – глазами вахтенного помощника капитана – события непосредственно во время их происшествия, что снижает влияние личной субъективности автора. Однако справедливо будет заметить, что сами по себе эти сведения зачастую обрывисты и неполны. Так, на материалах журналов ледокола "Красин" за период с ноября 1941 г. по март 1942 г., можно установить множество аспектов истории судна: хронологию и географию перемещения; инциденты и значимые события, происходившие на борту, и прочее. В этой связи ряд вопросов, связанных с историческим контекстом рассматриваемых в журналах сюжетов (в случае "Красина" – обстоятельства начала его "перехода"), в судовых журналах отсутствуют. В целом же, вкупе с рейсовыми донесениями капитана и иными делопроизводственными материалами, судовые журналы дают возможность наиболее полно и объективно рассмотреть историю судна и его экипажа.

На наш взгляд, публикация, изучение и вовлечение материалов судовых журналов в исследования – перспективное направление в исторической науке. Объединение комплектов судовых журналов различных пароходств может стать основой для создания базы данных, включающей в себя масштабный набор сведений: от климатических условий в широком хронологическом и пространственном диапазоне до выявления реального уровня подготовки кадров и служебной дисциплины на судах гражданского флота. Учитывая разноплановость сведений, вносимых в судовые журналы, и при этом их типичность и унифицированность в соответствии с нормативными требованиями, анализ подобных материалов в широком контексте, на примере множества судов, позволил бы существенно расширить представления об истории торгового мореплавания и смежных исторических проблемамах.

Литература / References

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. второй. XVIII век (первая половина). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1965. 275 с.
   Andreev A. I. Essays on the source studies of Siberia. Issue 2. XVIII century (first half). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1965. 275 p. (In Russ.).
2. Бронников В. Л. Ледокол "Красин" в годы Великой Отечественной войны. СПб.: "Гангут", 2020. 264 с.
   Bronnikov V. L. Icebreaker "Krasin" during the Great Patriotic War. St. Petersburg: Gangut, 2020. 264 p. (In Russ.).

3. Гудков И. А. Судовые журналы ледокола "Красин" за ноябрь 1941 г. – апрель 1942 г. // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 52–59.
Gudkov I. A. Ship logs of the icebreaker "Krasin" for No.vember 1941 – April 1942 // National Archives. 2020. No. 2. P. 52–59. (In Russ.).
4. Емелина М. А., Савинов, М. А., Филин П. А. Рейсовое донесение капитана ледокола "Красин" М. Г. Маркова за переход Провидение – Сиатль – Панамский (1941–1942 гг.) // Полярные чтения на ледоколе "Красин". 2015. Т. 2. С. 253–304.
Emelina M. A., Savinov, M. A., Filin P. A. The voyage report of the captain of the icebreaker "Krasin" M. G. Markov for the passage Providence – Siatl – Panamsky (1941–1942) // Polar readings on the icebreaker "Krasin". 2015. Vol. 2. P. 253–304. (In Russ.).
5. Санакина Т. А. Судовой журнал как источник сведений о конвойных операциях на Севере в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере парохода "Диксон") // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегиональной научной конференции. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 243–250.
Sanakina T. A. Ship's logbook as a source of information about convoy operations in the No.rth during the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the example of the steamer "Dixon") // Murmansk and the Russian Arctic: past, present, future: proceedings of the interregional scientific conference. Murmansk: MAGU, 2016. P. 243–250. (In Russ.).
6. Сопоцко А. А. Вахтенные журналы кораблей В. И. Беринга // Изв. ВГО. 1978. Т. 110. Вып. 2. С. 164–170.
Sopotsko A. A. The logbooks of V. I. Bering's ships // Izv. VGO. 1978. Vol. 110. Issue 2. P. 164–170. (In Russ.).
7. Сопоцко А. А. К вопросу о публикации вахтенных журналов (по материалам изданий XIX в.) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 102–110.
Sopotsko, A. A. On the Issue of Publishing Watch Logs (Based on 19th-Century Publications) // Archaeographic Yearbook for 1977. Moscow, 1978, P. 102–110. (In Russ.).
8. Филин П. А., Емелина М. А., Савинов М. А. Боевой кругосветный поход ледокола "Красин" в годы Великой Отечественной войны // Морская радиоэлектроника. 2015. № 1 (51). С. 19–21.
Filin P. A., Emelina M. A., Savinov M. A. Combat circumnavigation of the icebreaker "Krasin" during the Great Patriotic War // Marine radio electronics. 2015. No. 1 (51). P. 19–21. (In Russ.).
9. García-Herrera R., Können G. P., Wheeler D. A., Prieto M. R., Jones P. D., Koek F. B. Ship logbooks help analyze pre-instrumental climate // EOS, Transactions of the American Geophysical Union. 2006. Vol. 87. Issue 18. P. 173–180. https://doi.org/10.1029/2006EO180002
10. García-Herrera R., Wilkinson C., Koek F. B. et al. Description and General Background to Ships' Logbooks as a Source of Climatic Data // Climatic Change. 2005. Vol. 73. P. 13–36. https://doi.org/10.1007/s10584-005-6954-4
11. Petrakis K., Samaritakis G., Kalesios T., García Domingo E., Delis A., Tzitzikas Y., Doerr M., Fafalios P. Digitizing, Curating and Visualizing Archival Sources of Maritime History: the case of ship logbooks of the nineteenth and twentieth centuries // Drassana. 2021. Vol. 28. P. 60–87. https://doi.org/10.51829/Drassana.28.649
12. Wheeler D. A., García-Herrera R. Ships' logbooks in climatological research: reflections and prospects // Annals of the New York Academy of Sciences. 2008. Vol. 1146. Issue 1. P. 1–15. https://doi.org/10.1196/annals.1446.006

◆

Информация об авторе

Илья Артурович Гудков, канд. ист. наук, старший преподаватель департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: gudkov.ia96@gmail.com

Information about the author

Ilya A. Gudkov, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gudkov.ia96@gmail.com

Поступила в редакцию 09.11.2024 Одобрена после рецензирования 07.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 09.11.2024 Approved 07.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 126–137.
Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 126–137.

Научная статья
УДК 316:332.15
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/126-137

Бренд территории и медицинский туризм: взаимосвязь и обусловленность

Ирина Анатольевна Гареева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 003991@pnu.edu.ru
Михаил Вячеславович Ивашкин
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, ivashkin62@mail.ru
Анастасия Филипповна Гарнага
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 007711@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования и управления региональными брендами в контексте медицинского туризма. Возрастающая роль медицинского туризма в современных общественных отношениях вызывает неизменный исследовательский интерес. Авторами проведен анализ этого сектора, как за рубежом, так и в России. Развитие медицинского туризма зависит от комплекса факторов и, в том числе бренда самой территории. В связи с этим в качестве главной цели статьи стало выявление и оценка взаимосвязи между следующими параметрами: брендом территории, туризмом, наличием медицинских кластеров в рамках данной конкретной дестинации, а также социальными и экономическими результатами их взаимодействия. В заключении рассмотрены несколько перспективных, по мнению авторов, направлений совершенствования медицинского туризма.
Ключевые слова: *брендинг, бренд территории, туристская дестинация, аттракция, медицинский туризм*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, https://rscf.ru/project/24-28-20346/ и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 114/2024)

Для цитирования: Гареева И. А., Ивашкин М. Я., Гарнага А. Ф. Бренд территории и медицинский туризм: взаимосвязь и обусловленность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 126–137. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/126-137

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/126-137

The brand of territory and medical tourism: interrelation and conditionality

Irina Anatolyevna Gareeva
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 003991@pnu.edu.ru
Mikhail Vyacheslavovich Ivashkin
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, ivashkin62@mail.ru
Anastasia Filippovna Garnaga
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 007711@pnu.edu.ru

Abstract. The article examines the issues of formation and management of regional brands in the context of medical tourism. The growing importance of medical tourism in contemporary social relations continues to attract sustained scholarly interest. The authors analyze this sector both internationally and within Russia. The development of medical tourism depends on a range of factors, including the branding of the destination itself. Accordingly, the main objective of the article is to identify and assess the interrelation between the following parameters: the regional brand, tourism, the presence of medical clusters within a specific destination, and the social and economic outcomes of their interaction. The conclusion outlines several promising directions for the improvement of medical tourism, as proposed by the authors.
Key words: *branding, territory brand, tourist destination, attraction, medical tourism*

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20346, https://rscf.ru/project/24-28-20346/ and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 114/2024).

For citation: Gareeva I. A., Ivashkin M. V., Garnaga A. F. The brand of territory and medical tourism: interrelation and conditionality // Oikumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 126–137. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/126-137

Товарные в широком смысле этого слова бренды появились одновременно со вторым историческим разделением труда, а именно с выделением торговли в обособленный специфический вид человеческой деятельности. Бренды стали важнейшим инструментом в конкурентной борьбе за рынки сбыта и политическое влияние в регионах своего существования.

Среди исследователей современного рынка и его инструментов, в частности территориального бренда следует отметить Агафонова Н. С. **[1]**, Бодрову О. А. **[7]**, которая анализирует региональные бренды, проблемы их формирования и управления, Кузнецова А. А. и Мельникову Н. А. **[12]**, в работе

© Гареева И. А., Ивашкин М. Я., Гарнага А. Ф., 2025

которых подняты вопросы исследования регионального брендинга и эффективности использования потенциала его инструментов, в частности "локальных марок".

Таким образом, бренд – это аудиовизуальное концентрированное отражение имиджа любого объекта или явления, регулярно или от случая к случаю, вступающего в экономические или политические отношения с другими подобными субъектами. Это означает, что бренд создается и используется как собственно постоянными субъектами рынка, так и субъектами, вступающими в товарно-денежные (рыночные) отношения только периодически. Являясь преимущественно политическими субъектами страны и регионы активно создают и в дальнейшем управляют собственными региональными или национальными брендами **[23, с. 28]**. Особенность данного процесса заключается в том, что затраты на формирование и продвижение бренда несут те или иные регионы и страны, а прибыль от приращения их популярности получают хозяйствующие субъекты, расположенные на их территории. Иными словами, мы имеем дело с классическим примером эффекта "разделения затрат".

Разрешается это на самом деле кажущееся противоречие довольно просто. Поскольку политические субъекты (институты) сами не производят товарно-материальные ценности и, как правило, не оказывают платные услуги, источником их существования могут и являются исключительно хозяйствующие субъекты и население, которые обеспечивают их существование за счёт выплачиваемых налогов. Естественно, политические структуры объективно заинтересованы в увеличении налоговой базы, которое не происходит само по себе, а является результатом целенаправленного управления и эффективного инвестирования. В результате такого взаимодействия возникают и укрепляются самовоспроизводящиеся связи, обеспечивающие устойчивое взаимное развитие **[15, с. 248]**.

Процесс управления брендом осуществляется в рамках четырёх классических функций (планирование, организация, контроль и мотивация) и на трёх уровнях: государственный (или национальный), региональный и локальный (или местный). Более подробно остановимся на рассмотрении уровней организации управления и их роли в формировании концепции развития бренда территории.

Во-первых, начинать процесс формирования бренда территории следует с наивысшего государственного уровня. И дело здесь не столько в более значительном объёме наличных финансовых, материальных, информационных и интеллектуальных ресурсов, сколько в формировании общего долгосрочного нарратива или тренда в развитии всех существующих или потенциальных национальных туристских дестинаций **[5, с. 40]**. Определив и закрепив в сознании потенциальных потребителей характер восприятия страны в глобальном мире, значительно проще в дальнейшем подбирать "пазлы" из региональных и местных дестинаций, дополняющих и усиливающих друг друга за счёт использования эффекта синергизма. Поскольку для крупных и даже средних государств не может быть одной специализации, процесс подбора специализаций должен быть таким, чтобы как минимум они не противоречили друг другу. Например, в Израиле познавательный туризм прекрасно сочетается с паломническим и лечебным, распределяя турпотоки между Иерусалимом и Мёртвым морем **[6].**

Во-вторых, для эффективного формирования бренда территории необходима динамическая координация усилий на всех трёх уровнях управления, причем инициатором, как правило, должно опять же выступать государство (национальный уровень). Это обусловлено тем, что в руках государства сосредоточено значительно больше материальных и особенно медийных ресурсов, чем на более низких уровнях. Данное правило может быть нарушено в том случае, если формируемый бренд территории (дестинации) изначально позиционируется как региональный или местный без претензий на мировую известность. Такой подход изначально проигрышный, особенно в условиях всемирного информационного поля, а потому трактуется как тупиковый, изначально закрепляющий региональную автаркичность проекта и, тем самым, кардинально снижающий его потенциальную потребительскую привлекательность.

В-третьих, при разработке концепции бренда изначально акцент следует делать на поиске и пропаганде оригинальных конкурентных преимуществ территории. К тому же всегда существует искушение взять за основу "проверенную" концепцию, доказавшую свою востребованность в другом месте, дополнив её тезисами о более низкой цене или более высоком уровне сервиса. Однако даже в лучшем случае такой подход обеспечит только звание "второй Швейцарии" или "второй Франции". Например, Сайгон называют "вторым Парижем", а Далат – "азиатской Швейцарией". Максимум, на что можно надеяться при использовании такого подхода, – получение минимального уровня прибыли при работе с контингентом, ограниченным в своих финансовых возможностях и потому не имеющим возможности посещать "оригинальные" дестинации. Примерно так поступают китайцы, создающие копии (различного уровня качества) знаменитых "чудес света" у себя в Китае. Такие "чудеса" интересны только самим китайцам, приехавшим из отдаленных провинций, но никогда не станут "местом притяжения" для иностранцев. Эффективный и перспективный бренд территории всегда уникален и сам в перспективе должен стать объектом копирования, но никак не наоборот.

В-четвёртых, все, даже самые детально проработанные концепции развития могут быть реализованы только при соблюдении непреложного правила, коим является абсолютная "безопасность" как для местного населения, так и для приезжающих гостей. История знает достаточно большое число дестинаций, включающих в себя ряд весьма оригинальных и очень продуктивных аттракций[1], которые были разрушены в результате внутренних или внешних конфликтов. Достаточно упомянуть Ливан, курорты Северного Кипра или Абхазию. Возрождение этих дестинаций сегодня, если и происходит (в частности, в той же Абхазии), то идёт крайне медленно и непоследовательно. Бренд территории легко и быстро можно потерять, а вот восстановление его требует значительного периода времени и ещё больших интеллектуальных и финансовых затрат.

Поскольку бренд территории является важнейшим нематериальным активом, он субъективен и подвержен различного рода манипуляциям со стороны различных заинтересованных сторон **[21; 26, с. 484]**. Прежде всего, со стороны властей различных уровней и операторов туристских услуг.

Усиленно пропагандируемая в последние десятилетия так называемая "экономика впечатлений" подразумевает нацеленность на создание у потребителя длительных устойчивых благоприятных ощущений и воспоминаний о потреблённых услугах или физических товарах. Оборотной стороной данной концепции, о которой не принято широко распространяться, является строгое соблюдение следующего правила, состоящего из двух частей: свойства товара и дизайна товара. Применительно к медицинскому туризму действует так называемое правило плацебо, когда вместо реального лекарства пациенту предлагают ничего не значащую пустышку. Парадокс заключается в том, что иногда даже абсолютно бесполезное вещество (например, мел или уголь) даёт значительный положительный эффект потому, что в данном случае срабатывает позитивный настрой на оздоровление.

В полной мере данное правило распространяется и на курортно-рекреационные регионы и целые страны. Причём решающую роль в формировании позитивного имиджа играет именно детально проработанный и грамотно продвигаемый оригинальный бренд территории. При том, что реальная польза от посещения того или иного модного курорта находится даже не на втором, а на третьем месте. Например, все слышали о чудодейственных свойствах минералов Мёртвого моря, но практически никто не слышал о точно таких же минералах озера Медвежьего в Курганской области или Баскунчак в Астраханской области[2].

---

[1] Под аттракцией здесь понимается система мероприятий и развлечений, формирующих позитивные ощущения от тура и являющихся важнейшим элементом отдыха, объекты туристского показа и развлечения. Аттракции бывают естественные и искусственные.

[2] Все три перечисленных озера являются остатками древнего Моря Тетис, а потому обладают абсолютно одинаковым минеральным составом.

Бренд региона представляет собой территориальную идентичность, системно отображаемую в привлекательных и ярких идеях, ценностях, символах, образах. Это виртуальный или визуальный символ, положительные "фирменные" признаки, по которым потребители идентифицируют регион, "раскрученная" товарная марка, которая создаёт и (или) подтверждает его репутацию и имидж **[4, с. 1236; 11 с. 136]**. Анализ вышеприведенных источников свидетельствует, что бренд территории формирует её имидж, известность, привлекательность, узнаваемость, что является значимым для развития туристской индустрии.

Несмотря на то, что развитию медицинского туризма в зарубежной и отечественной практике посвящены работы Ананченковой П. И. и Камыниной Н. Н. **[3]**, Аксеновой Е. И. и Петровой Г. Д. **[2]**, Юдиной Н. Н., Мальгуновой М. С., Чернышева Е. В., Петровой Г. Д. **[26]** и других, на наш взгляд, ещё остались проблемы, которые требуют дополнительного изучения в свете последних тенденций, происходящих в обществе и экономике.

Процессы глобализации и развития информационных, медицинских технологий затронули все сферы общества. Человек стал рационален и стремится удовлетворить свои потребности как можно быстрее и разнообразнее. А следовательно, классические или традиционные виды туризма становятся всё менее привлекательными.

Несмотря на то, что медицинский туризм относится к самому "старому" виду туризма, в современном мире он приобретает всё большее распространение благодаря своему новому качеству как активной экономической и социальной практике **[23, с. 38]**.

При рассмотрении всего многообразия современного медицинского туризма следует исходить из трёх базовых побудительных мотивов:

- получение оригинальных, отсутствующих где-либо ещё, медицинских услуг лечебного или рекреационного характера;
- получение традиционных медицинских услуг по более низким ценам, чем в других местах;
- получение медицинских услуг в "пакете" с другими туристскими услугами.

Первый мотив реализуется благодаря наличию в той или иной дестинации естественных или искусственных аттракций **[25, с. 28]**. Среди естественных оригинальных аттракций наиболее часто встречаются наличие природных источников минеральных вод, лечебных грязей, просто чистого воздуха, обогащённого фитонцидами.

Искусственные аттракции создаются в течение длительного времени усилиями множества людей. Именно такие услуги чаще всего попадают в сферу бренд-менеджмента территории. К ним относятся "тайский" или "китайский" массаж, "тибетская" медицина, "алтайские" травы и прочие **[31].**

Второй мотив во многом является продуктом глобализации и также весьма привлекателен с точки зрения бренд-менеджмента **[14, с. 45]**. Примером работы мотива получения медицинских услуг по сниженным ценам служит распространенный паттерн дальневосточников лечить и протезировать зубы в северных городах Китая. Так, приобретая стандартную туристическую путевку, жители Хабаровска, Владивостока, Благовещенска и др. городов посещают многочисленные клиники Фуюаня, Суньфэньхэ и Хайхэ, при этом услуги зубных кабинетов обходятся до пяти раз дешевле по сравнению с теми же, оказанными в России. В эту же категорию мотивов получения медицинских услуг за рубежом можем отнести конфиденциальность. В качестве примера – медицинские туры в Корею, в основном для осуществления оперативных вмешательств при ряде проктологических и гинекологических заболеваний, о которых не принято распространяться даже в ближайшем окружении. Кроме того, бренд корейской медицины выстроен так, что услуги здесь признаются обывателями как очень высокого качества для пациентов.

В этой связи медицинский туризм рассматривается как перемещение туристов из высокоразвитых стран в страны с менее развитой экономикой с целью получения медицинских услуг по более низким ценам по сравнению с ценами в стране проживания. Среди стран-экспортёров наиболее признанными в этом направлении выступают Австрия, Армения, Германия, Грузия, Израиль, Индия, Испания, Италия, Литва, Польша Таиланд, Турция, Франция.

Лидерами в развитии медицинского туризма являются Саудовская Аравия, Турция, Эстония, Китай, Латвия, Литва, ОАЭ, Польша, Сингапур, Южная Корея. По данным ВОЗ, наиболее активными странами в медицинском туризме являются Таиланд, Сингапур и Индия, а их экономика по большей мере определена этим направлением **[8, с. 21]**.

Третий мотив включает медицинский туризм как один из второстепенных элементов, дополняющих основной вид туризма **[14, с. 45]**. Например, пляжный или познавательный туризм прекрасно сочетается с медицинским оздоровительного типа. Такой комплексный вид туризма широко используется в странах Юго-Восточной Азии (Таиланд, Вьетнам, Китай и т. д.), ОАЭ, Турции.

Современная мировая концепция здравоохранения основана на предоставлении медицинской помощи в случае потребности, в том числе и высокотехнологичной, в любой национальной системе здравоохранения мира. В условиях конкуренции рынков и диспропорций развития национальных систем здравоохранения медицинский туризм является стимулом к развитию медицинских технологий, в частности, и национальных систем здравоохранения в целом. Медицинский туризм является перспективным мировым брендом современной медицины и одним из самых прибыльных. Так, по данным мировой статистики, средний чек медицинского туриста на территории пребывания в 10 раз больше, чем у обычного туриста. Следует признать, что для России медицинский туризм – это относительно новая практика **[19, с. 259]**. Чаще всего россияне отправляются в путешествия с целью оздоровления для получения санаторно-курортных услуг в других регионах страны или зарубежных странах **[20, с. 26]**. Неофициальная статистика свидетельствует, что Южная Корея принимает в качестве медицинских туристов до 400 тыс. человек в год, Индия – до 175 тыс. человек зарубежных пациентов, а в Сингапур отправляются ежегодно на лечение 10 тыс. россиян. По данным Ассоциации медицинского туризма России, структура выезда россиян с целью медицинского туризма выглядит следующим образом: в Германию выезжает 29% туристов, в Китай – 20%, в Израиль – 10%, в Чехию – 10%, в другие страны – 24% **[18]**.

Абсолютным лидером привлечения туристов является Турция, которая ещё в 2015 г. планировала привлечь до 1 млн человек и заработать до 10 млрд долл. США. В 2022 г. Турция получила от туризма в четыре раза больше планируемого – более 41 млрд долл. США **[18]**.

Данные отчёта VISA и Oxford Economics свидетельствуют, что экономика медицинского туризма в мире стремительно растёт **[28]**. Рост продолжительности жизни, культ здоровья и красоты, повышение качества жизни и сокращение расходов государств на медицинские услуги будут способствовать увеличению потока медицинских туристов от 15% до 25% к 2027 г. **[29]**.

За период 2021–2023 гг. индустрия медицинского туризма оценивается в 100 млрд долл. США. Более 14 млн человек ежегодно выезжают за границу для получения необходимых медицинских услуг **[28]**. Прогнозируется, что медицинский туризм будет расти на 25% ежегодно в течение следующих 10 лет, и по оценкам, от 3% до 4% населения мира будут путешествовать за границу, чтобы получить медицинские услуги.

Столь быстрый рост медицинских туристов и высокая востребованность медицинских услуг в первую очередь объясняется диспропорциями в национальных системах здравоохранения **[8, с. 21]**. Американское агентство финансово-экономической информации Bloomberg с 2014 по 2018 гг. составляло рейтинг стран мира Health Care Efficiency, при котором учитывались ключевые показатели, такие как: средняя продолжительность жизни, стоимость медицинских услуг в пересчёте на душу населения, государственные затраты на здравоохранение[3] **[20, с. 26]**.

Первые места в рейтинге занимают Гонконг, Сингапур, Испания, Южная Корея и Италия. Россия находится на последних позициях рейтинга от 55 места в 2016 г. до 53 места в 2018 г. *(рис. 1)*.

[3] Учтены в виде процента от ВВП на душу населения. Страны-лидеры рейтинга добиваются высоких результатов при наименьших затратах.

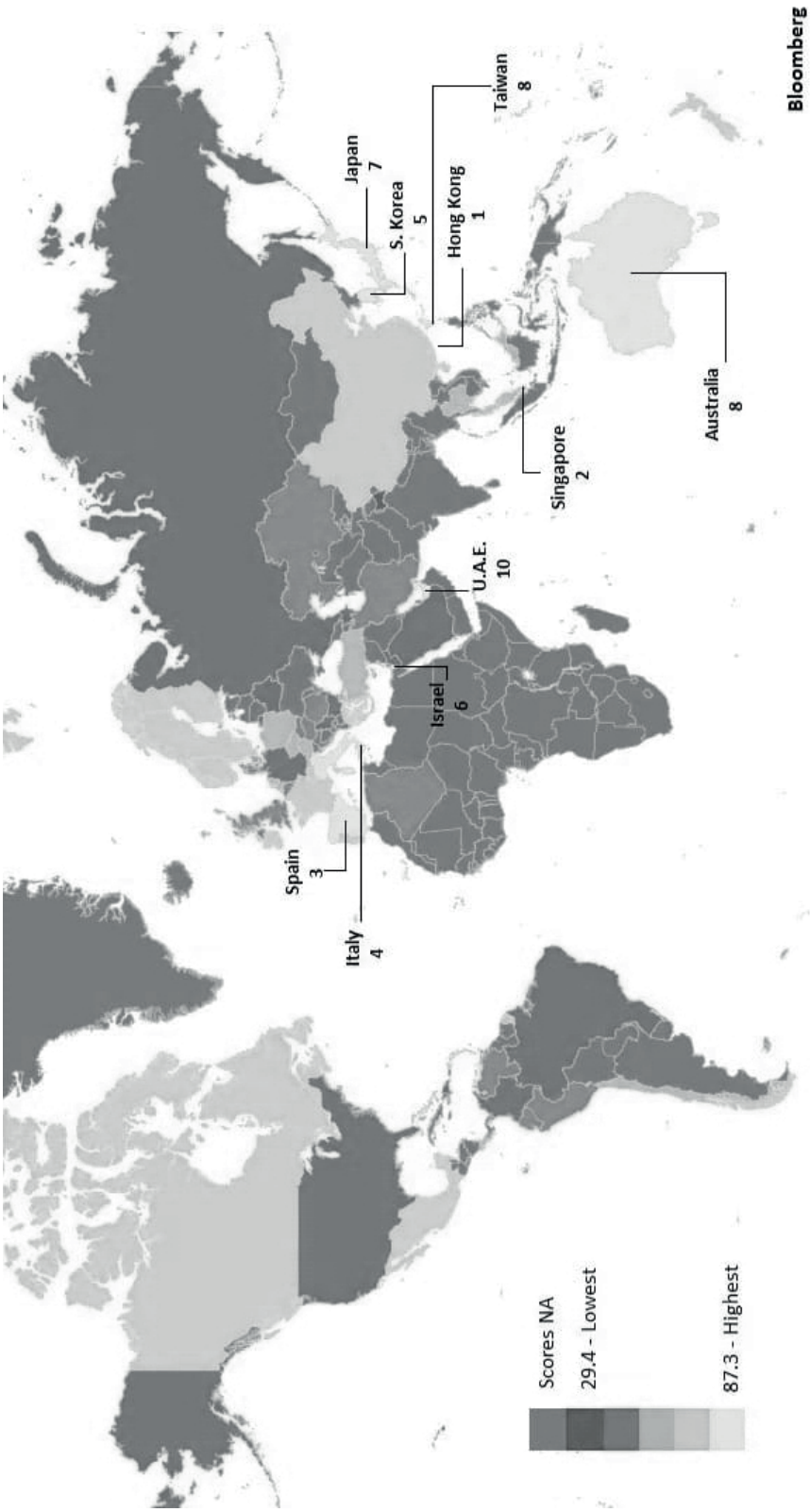


Рис. 1. Рейтинг эффективности систем здравоохранения.
Fig. 1. Rating of the effectiveness of healthcare systems.
Источник: **[29]**.
Source: **[29]**.

О масштабах и потребностях в медицинском туризме можно судить по наличию мировых ассоциаций медицинского туризма, которых в настоящее время насчитывается: Европейский Альянс медицинского туризма, Международная Ассоциация медицинского туризма, Международная Ассоциация поддержки путешествующих, Американская ассоциация туристического страхования, Ассоциация туристических страховых посредников, Совет мировой интеграции здравоохранения, Израильская ассоциация компаний медицинского туризма **[27].**

Ассоциация медицинского туризма организует медицинские путешествия и госпитализации. Международная Ассоциация медицинского туризма (IMTA, Сингапур) помогает своим участникам сосредоточиться на стандартах обеспечения медицинских услуг, уходе за пациентами и способах привлечения пациентов к своим услугам. Совет по глобальной интеграции здравоохранения (CGIH) создан для расширения политики всеобщего здравоохранения и медицинской политики **[27]**. Основной целью этих ассоциаций является создание устойчивой организации медицинского туризма и создание крупной всеобъемлющей информационной базы в медицинском туризме.

По обобщённым данным мировых ассоциаций медицинского туризма потребность в медицинских услугах в других странах обусловлена следующим:

- 56% медицинских туристов стремятся получить качественное лечение;
- 22% получить необходимые медицинские услуги, более дешёвые, чем в стране проживания (с целью экономии бюджета);
- 18% нуждаются в медицинских услугах, которые не оказываются в стране проживания;
- 10% с целью более быстрого получения медицинских услуг **[28]**.

Доходы от медицинского туризма по обобщённым данным мировых ассоциаций медицинского туризма достигают 40–100 млрд долл. США. По оценкам экспертов, к 2025 г. суммарная стоимость услуг медицинского туризма может достичь 3 трлн долл. США в год. Более того, для ряда стран-экспортёров медицинских услуг медицинский туризм является одной из важных доходных статей государственного бюджета **[14, с. 45].**

Среди факторов, обуславливающих наращивание темпов медицинского туризма следует отметить: развитие внешнего и внутреннего туризма; развитие медицинских технологий; повышение уровня жизни; увеличение продолжительности жизни; рост страховых затрат на медицинское обслуживание.

Вместе с тем, среди объективных факторов, сдерживающих развитие медицинского туризма следует выделить: отсутствие доступной информации о медицинских центрах; непрозрачность рынка медицинских услуг; слабое развитие цифровых технологий в национальных системах здравоохранения; "вытеснение" жителей принимающих стран из национальной системы здравоохранения и ограничение для них доступности медицинских услуг; адаптация национальных систем здравоохранения под запросы медицинских туристов.

Потребность в медицинских услугах за рубежом обусловлена рядом причин. Так, высока потребность у медицинских туристов в уникальных медицинских услугах, таких как протонная терапия, трансплантация органов и тканей, в том числе и костного мозга, CART-клеточная терапия; хорошая обеспеченность медицинских клиник позволяющих с помощью роботов проводить хирургические операции; высокая квалификация врачей; высокий уровень комфортности для пациентов; стоимость медицинских услуг. Наиболее востребованными медицинскими услугами являются чек-ап, лечение (терапевтические, стоматологические, хирургические медицинские услуги), реабилитация и пластическая хирургия.

Анализ интернет-ресурса clinicsoncall.com продемонстрировал, что Турция в настоящее время является абсолютным лидером в туристической индустрии, в том числе и по направлению медицинского туризма. Ежегодно в медицинские госпитали Турции обращается более 1 млн человек из-за рубежа. Развитая туристическая индустрия страны и высокий уровень медицины являются привлекательными для всех туристов, посещающих страну. Разнообразие оздоровительных и медицинских услуг, от спа-процедур до высокотехнологичных, развитая индустрия гостеприимства, открытые границы способствуют высокому турпотоку с разными запросами и потребностями. Так,

средняя стоимость комплексного обследования (чек-ап) варьирует в медицинских госпиталях Турции от 50 до 1000 долл. США, процедура ЭКО, аортокоронарное шунтирование – 2500 долл. США, нейрохирургические операции от 4500 долл. США.

Изучая опыт медицинского туризма в зарубежных странах, многие отечественные исследователи отмечают, что эта практика могла бы стать хорошей перспективой для развития отечественной экономики. Так, бывшие соотечественники, эмигрировавшие в зарубежные страны, совмещают гостевое пребывание в России с получением различных медицинских услуг (стоматологических, малых хирургических операций, различных обследований – чек–ап).

Вопросы экспорта медицинских услуг особенно остро встали в период пандемии COVID-19. Дефицит вакцин, медицинского персонала, длительное ожидание вакцинации вызывало Вопросы экспорта медицинских услуг особенно остро встали в период пандемии COVID–19. Дефицит высокий спрос на данный вид медицинской услуги у населения. Преодолевая запреты, люди готовы были отправляться в другие регионы и даже за рубеж, чтобы получить вакцинацию желаемой вакциной. Россия в период пандемии продемонстрировала успешность и достаточный охват в вакцинации населения России, а производство вакцин и их разнообразие позволило бы вакцинировать не только население России, но и предоставить услуги населению других стран. Опыт пандемии COVID–19 продемонстрировал, что Россия способна экспортировать некоторые виды медицинских услуг (например, вакцинацию), и этот вопрос активно обсуждается как представителями медицинского сообщества, так и экономистами, однако единого понимания участия российской медицины в мировом рынке медицинского туризма до сих пор нет **[17, с. 84]**. Решение вопроса в этом направлении осложняется и политической нестабильностью в мире.

Позитивный опыт въездного медицинского туризма мы рассмотрели на примере деятельности Санкт-Петербургского агентства медицинского туризма.

В медицинских учреждениях Санкт-Петербурга с января по апрель 2023 г. было оказано 20 652 туристам медицинских услуг на общую сумму 114 464 531 руб. Этот пример позволяет продемонстрировать возможности бренда Санкт-Петербурга как региона с большими возможностями в активном развитии медицинского туризма. Культурная столица России привлекательна своей инфраструктурой как для отечественных, так и для зарубежных туристов. Уровень развития здравоохранения, широкий перечень предложений медицинских услуг формирует бренд Санкт-Петербурга и как мирового центра медицинского туризма **[13, с. 167]**.

В проекте "Развитие экспорта медицинских услуг" участвуют 70 субъектов страны, для которых разработана региональная стратегия по развитию экспорта медицинских услуг. И если для крупных городов России развитие медицинского туризма реально, то для отдаленных территорий (в частности, для Дальнего Востока) это достаточно проблематично. Туристически привлекательные территории (Шантары, Сахалин, Камчатка) вряд ли способны развить медицинский туризм в современном понимании. Традиционным для жителей этих территорий остаётся санаторно-курортный отдых в месте проживания, однако для въездного туризма имеющиеся санатории, даже с уникальными природными ресурсами, являются малопривлекательными из-за слабо развитой инфраструктуры **[9, с. 85; 24, с. 38]**. Бренд этих территорий закреплён в уникальных природных ценностях. В то же время население территорий Дальнего Востока является активным потребителем медицинских услуг в Китае, Южной Корее и Таиланде. Такое положение дел вызывает определенные диспропорции в развитии здравоохранения и медицинского туризма в России **[10]**.

Развитие медицинского туризма приводит к необходимости корректировать саму концепцию современного здравоохранения, открывая новые пути в борьбе с пространственной неравномерностью развития медицины. Таким образом, медицинский туризм способствует повышению уровня медицинской помощи населению. Поэтому государство, являясь основным фактором разви-

тия медицинского туризма в стране, должно оказывать активное содействие его развитию **[8, с. 21]**.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать некоторые выводы и сформулировать ряд предложений о роли бренда территории и медицинского туризма в развитии инфраструктуры региона:

- наличие привлекательных туристических объектов и популярного бренда территории способно в значительной степени генерировать и активизировать туристский поток;
- развитие туристской инфраструктуры может позитивно повлиять на активное развитие других инфраструктур, в частности, рекреационных, лечебно-оздоровительных, культурных, досуговых;
- развитие медицинского туризма (по опыту зарубежных стран) влияет на внедрение и расширение использования инновационных технологий в сфере здравоохранения;
- развитие медицинского туризма требует необходимости формирования единой медиаплощадки для рекламы и информирования в сфере медицинского туризма, а также создания информационно-консультационных центров для сопровождения туристов (особенно зарубежных).

Всё вышерассмотренное, по нашему мнению, будет способствовать усилению позитивного эффекта влияния бренда территории на развитие медицинского туризма и обратно. Наличие современных медицинских кластеров в рамках данной конкретной дестинации и их использование укрепит бренд территории и расширит социальные и экономические взаимодействия.

Данные предложения могут быть применимы для развития туризма вообще и медицинского туризма в частности на территориях, отдалённых от Центральной России, но имеющих уникальные природные возможности.

Литература / References

1. Агафонов Н. С. Брендинг территорий в России: проблемы и возможности // Молодой ученый. 2019. № 14 (252). С. 79–81.
   Agafonov N. S. Territory branding in Russia: problems and opportunities // Young scientist. 2019. No. 14 (252). P. 79–81. (In Russ.).
2. Аксенова Е. И., Петрова Г. Д. Рекреационный потенциал медицинского туризма // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. 28 (4). С. 1180–1185.
   Aksenova E. I., Petrova G. D. Recreational potential of medical tourism // Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2020. 28 (4). P. 1180–1185. (In Russ.).
3. Ананченкова П. И., Камынина Н. Н. Некоторые аспекты развития медицинского и лечебно-оздоровительного туризма // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 4. С. 605–609.
   Ananchenkova P. I., Kamynina N. N. Some aspects of the development of medical and health tourism // Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. 2020. Vol. 28, No. 4. P. 605–609. (In Russ.).
4. Ананченкова П. И., Шегай М. М. Мотивация и потребительские предпочтения в медицинском туризме // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и и истории медицины. 2022. № 30 (6). С. 1236–1239.
   Ananchenkova P. I., Shegai M. M. Motivation and consumer preferences in medical tourism // Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine. 2022. No. 30(6). P. 1236–1239. (In Russ.).
5. Ананченкова П. И. Информационно-коммуникационные системы как фактор развития медицинского туризма // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 3. С. 40–43.
   Ananchenkova P. I. Information and communication systems as a factor in the development of medical tourism // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. 2022. No. 3. P. 40–43. (In Russ.).
6. Ассоциации медицинского туризма. URL: https://www.health-tourism.com/medical-tourism/associations/ (дата обращения: 12.07.2024).
   Associations of International Tourism. URL: https://www.health-tourism.com/medical-tourism/associations/ (accessed 12.07.2024).
7. Бодрова О. А. Мурманская область в поисках региональных брендов: к вопросу о теории и практике территориального брендирования // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. № 2 (16). С. 20–42.

Bodrova O. A. Murmansk region in search of regional brands: on the issue of the theory and practice of territorial branding // Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 2 (16). P. 20–42. (In Russ.).
8. Гельман В. Я. Диспропорции развития здравоохранения и медицинский туризм // Медицина. 2017. № 4. С. 21–32.
Gelman V. Ya. Disproportions in the development of healthcare and medical tourism // Medicine. 2017. No. 4. P. 21–32. (In Russ.).
9. Карпова Г. А., Игнатьева Т. А. Состояние и перспективы развития въездного медицинского туризма в Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 1 (133). С. 85–89.
Karpova G. A., Ignatieva T. A. The state and prospects of development of inbound medical tourism in the Russian Federation // Izvestiya St. Petersburg State University of Economics. 2022. No. 1 (133). P. 85–89. (In Russ.).
10. Косолапов А. Б., Бобрынова Е. В. "Проблемы и перспективы развития медицинского туризма в странах Азиатско-Тихоокеанского региона" // Ассоциация медицинского туризма и экспорта медицинских услуг // URL: http: //www.medical-russia.ru (дата обращения: 13.09.2024).
Kosolapov A. B., Bobrynova E. V. "Problems and prospects of development of medical tourism in the countries of the Asia-Pacific region" // Association of medical tourism and export of medical services // URL-address: http:///www.medical-russia.ru (accessed 13.09.2024) (In Russ.).
11. Кривенко Н. В., Цветковым А. И., Кичем Д. И. Медицинский туризм как фактор эффективного использования потенциала регионального здравоохранения // Народонаселение. 2022. Т.25. № 4. С 136–150.
Krivenko N. V., Tsvetkov A. I., Kichem D. I. Medical tourism as a factor of effective use of the potential of regional healthcare // Population. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 136–150. (In Russ.).
12. Кузнецов А. А., Мельникова Н. А. Возможности использования локальных марок в продвижении территории: от идентификации к коммуникации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т.10. № 1. С. 34–44.
Kuznetsov A. A., Melnikova N. A. Possibilities of using local brands in promoting a territory: from identification to communication // Scientific result. Business and service technologies. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 34–44. (In Russ.).
13. Латышева А. А. Анализ тенденций и перспектив развития медицинского и лечебно-оздоровительного туризма в Санкт-Петербурге // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 167–173.
Latysheva A. A. Analysis of trends and prospects for the development of medical and health tourism in St. Petersburg // Journal of Legal and Economic research. 2023. No. 1. P. 167–173. (In Russ.).
14. Меркулов О. Ю., Лядов К. В. Климин В. Г., Мальцева Ю. А., Полушкин В. Г. Трансграничное страхование как способ формирования потока по медицинскому туризму: обзор возможностей и практик в Российской Федерации // Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8. № 3. С. 45–55.
Merkulov O. Yu., Lyadov K. V. Klimin V. G., Maltseva Yu. A., Polushkin V. G. Cross-border insurance as a way of forming the flow of medical tourism: an overview of opportunities and practices in the Russian Federation // Bulletin of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 45–55. (In Russ.).
15. Мухоморова И. В. Развитие туризма в регионах России: основные направления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. Т. 10. № 4. С. 248–251.
Mukhomorova I. V. Development of tourism in the regions of Russia: the main directions / I. V. Mukhomorova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 248–251. (In Russ.).
16. Петрова Г. Д. Медицинский туризм и экспорт медицинских услуг / ГБУ "НИИОЗММ", 2023. 91 с.
Petrova G. D. Medical tourism and export of medical services / GBU "NIIOZMM", 2023. 91 p. (In Russ.).
17. Петрова Г. Д., Аксенова Е. И., Социально-культурные компетенции координатора по работе с иностранными пациентами // Здоровье мегаполиса. 2022.Т.3. № 4. С.84–91.
Petrova G. D., Aksenova E. I., Socio-cultural competencies of the coordinator for work with foreign patients // Health of megapolis. 2022.Т.3. No. 4. P. 84–91. (In Russ.).
18. Почему пациенты путешествуют и что их останавливает: глубокий анализ процесса принятия решений в сфере медицинского туризма. URL: https://www.medicaltourismassociation.com/patient-survey-medical-tourism-ssociation?utm_source=MTA&utm_medium=homepage#Download-Section (дата обращения 12.07.2024).
Why patients travel and what stops them: in-depth analysis of the decision-making process in the field of medical tourism. URL: https://www.medicaltourismassociation.com/patient-survey-medical-tourism-ssociation?utm_source=MTA&utm_medium=homepage#Download-Section (accessed 12.07.2024).
19. Русских С. В., Тарасенко Е. А., Грин С. И., Югай М. Т., Крюкова К. К., Москвичева Л. И. Современные возможности экспорта медицинских услуг в России // Фармоэкономика. 2022. Вып. 15. № 2. С. 259–266.

Russkikh S. V., Tarasenko E. A., Green S. I., Yugai M. T., Kryukova K. K., Moskvicheva L. I. Modern possibilities of exporting medical services in Russia // Pharmoeconomics. 2022. Issue 15. No. 2. P. 259–266. (In Russ.).

20. Саронова Т. Н., Яброва О. А., Шитова Д. Д., Ханеева М. А. Рынок туризма в мире и в России: современное состояние и перспектива развития // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 3. С. 26–43.
Saronova T. N., Yabrova O. A., Shitova D. D., Khaneeva M. A. The tourism market in the world and in Russia: the current state and prospects of development // Science of Krasnoyarsk region. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 26–43. (In Russ.).
21. Тронева В. Е., Щёкин Г. Ю. Проблемы этики в медицинском туризме // URL:https://scinetwork.ru/sites/default/files/imagecache/photo-big/articles/previews/5252/5252-preview.png (дата обращения: 28.10.2024).
Troneva V. E., Shekin G. A. Problems in international tourism // URL: https://scinetwork.ru/sites/default/files/imagecache/photo-big/articles/previews/5252/5252-preview.png (accessed 28.10.2024) (In Russ.).
22. Турция вошла в число мировых лидеров по доходам от туризма. URL: https://www.trtrussian.com/novosti/turciya-voshla-v-chislo-mirovyh-liderov-po-dohodam-ot-turizma-15180202 (дата обращения 14.07.2024).
Turkey has become one of the world leaders in access to tourism information. URL: https://www.trtrussian.com/novosti/turciya-voshla-v-chislo-mirovyh-liderov-po-dohodam-ot-turizma-15180202 (accessed 14.07.2024).
23. Ункуров Э. Ю. Брендинг территорий: Зарубежный и отечественный опыт // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2020. № 2 (41). С. 65–71.
Unkurov E. Y. Branding of territories: Foreign and domestic experience // Bulletin of the Institute for Integrated Studies of arid Territories. 2020. No. 2(41). P. 65–71. (In Russ.).
24. Чернышев Е. В. Формирование маркетинговой стратегии выхода российской клиники на международный рынок // Маркетинг в России и за рубежом. 2022. № 6. С. 38–43.
Chernyshev E. V. Formation of a marketing strategy for the Russian clinic's entry into the international market // Marketing in Russia and abroad. 2022. No. 6. P. 38–43. (In Russ.).
25. Штольц Л. Ю. Медицинский туризм в России: дизайн социологического исследования и прогноза // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 28–32.
Stolz L. Yu., Medical tourism in Russia: the design of a sociological study and forecast // Proceedings of the Saratov University. Series Sociology. Political science. 2023. Vol. 23. Issue 1. P. 28–32. (In Russ.).
26. Юдина Н. Н., Мальгунова М. С., Чернышев Е. В., Петрова Г. Д. Международный опыт развития въездного медицинского туризма (экспорт медицинских услуг), включая потенциальных стран-доноров для Российской Федерации. Аналитический обзор // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2020. № 9–10. С.60–70.
Yudina N. N., Malgunova M. S., Chernyshev E. V., Petrova G. D. International experience in the development of inbound medical tourism (export of medical services), including potential donor countries for the Russian Federation. Analytical review // Problems of standardization in healthcare. 2020. No. 9–10. P. 60–70. (In Russ.).
27. Якубова Т. Н., Крюкова А. П. Территориальный брендинг как инструмент развития региона // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 484–488.
Yakubova T. N., Kryukova A. P. Territorial branding as a tool for the development of the region // Young scientist. 2014. No. 21. P. 484–488. (In Russ.).
28. Anchana Na Ranong, Viroj Na Ranong. The effects of medical tourism: Thailand's experience // Bulletin of the World Health Organization. 2011. № 89 (5). P. 336–344.
29. Bloomberg Health-Efficiency Index. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/u-s-near-bottom-of-health-index-hong-kong-and-singapore-at-top (accessed 14.07.2024).
30. Medical Tourism Industry Valued at $100 billion; Poised for 25% Year-Over-Year Growth by 2025. URL: http://www.medicaltourismindex.com/2016-medical-tourism-industry-valuation/ (accessed 11.07.2024).
31. Why patients travel and what stops them: in-depth analysis of the decision-making process in the field of medical tourism. URL: https://www.medicaltourismassociation.com/patient-survey-medical-tourism-ssociation?utm_source=MTA&utm_medium=homepage#Download-Section (accessed 12.07.2024).

◆

Информация об авторах

Ирина Анатольевна Гареева, д-р соц. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 003991@pnu.edu.ru

Михаил Вячеславовович Ивашкин, д-р экон. наук, профессор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: ivashkin62@mail.ru

Анастасия Филипповна Гарнага, канд. соц. наук, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 007711@pnu.edu.ru

Information about the authors

Irina A. Gareeva, Doctor of Sociology, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 003991@pnu.edu.ru

Mikhail V. Ivashkin, Doctor of Economics, Professor, Higher School of Media Communications and Service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: ivashkin62@mail.ru

Anastasia F. Garnaga, Candidate of Sociology, Associate Professor, Higher School of Architecture and Urban Planning, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007711@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 30.10.2024 Одобрена после рецензирования 08.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 30.10.2024 Approved 08.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 138–147.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 138–147.

Научная статья
УДК 7.036.2
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/138-147

Серии Клода Моне в исследовательской программе музея Наканосима

Лариса Алексеевна Ахмыловская
независимый исследователь, Москва, Россия, lanaeva@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается экспозиция произведений Клода Моне, организованная Музеем искусств Наканосима (Осака, Япония) в рамках программы, приуроченной к 150-летию Первой выставки импрессионистов (1874). Цель исследования – проанализировать, каким образом музейная кураторская практика репрезентирует творчество Моне в контексте диалога между западным импрессионизмом и японским художественным наследием. Методологически работа опирается на интертекстуальный анализ экспозиционных и исследовательских материалов музея, а также на критическое осмысление публикаций по теме японизма в европейской культуре. В центре внимания – феномен серийности в живописи Моне и его интерпретация с точки зрения транскультурного обмена. Автор аргументирует, что творчество Моне не только испытало влияние японской гравюры, но и стало частью более широкого культурного процесса взаимовлияния, в рамках которого западные художники активно переосмысливали визуальные и философские принципы японского искусства. Статья вносит вклад в изучение художественного диалога между Востоком и Западом и подчеркивает роль музейных институций как посредников в интеркультурной интерпретации искусства.
Ключевые слова: *музейные исследовательские программы, международный проект, методика подготовки и проведения выставки, импрессионизм, японизм, серии картин*
Для цитирования: Ахмыловская Л. А. Серии Клода Моне в исследовательской программе музея Наканосима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 138–147.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/138-147

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/138-147

Claude Monet Series in the Nakanoshima Museum Research Program

Larisa A. Akhmylovskaia
Independent Researcher, Moscow, Russia, lanaveva@rambler.ru

Abstract. This article examines the exhibition of works by Claude Monet organized by the Nakanoshima Museum of Art (Osaka, Japan) as part of its program commemorating the 150th anniversary of the First Impressionist Exhibition (1874). The aim of the study is to analyze how curatorial practices present Monet's oeuvre within the framework of the dialogue between Western Impressionism and the Japanese artistic tradition. Methodologically, the article draws on an intertextual analysis of museum exhibition materials and research publications, as well as a critical review of scholarly literature on Japonisme in European culture. Particular attention is given to the concept of seriality in Monet's painting and its interpretation through the lens of transcultural exchange. The author argues that Monet's work was not only influenced by Japanese woodblock prints but also became part of a broader process of mutual artistic influence, in which Western painters actively reinterpreted the visual and philosophical principles of Japanese art. This article contributes to the study of artistic dialogue between East and West and highlights the role of museum institutions as mediators in intercultural interpretations of art.
Key words: *museum research programs, international project, methods of preparation and holding of the exhibition, impressionism, Japonism, series of paintings*
For citation: Akhmylovskaia L. A. Claude Monet Series in the Nakanoshima Museum Research Program // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 138–147. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/138-147

Введение

Исследовательские, культурно-образовательные и просветительские программы многих музеев мира в 2022–2025 гг. посвящены 150-летию Первой выставки импрессионистов, состоявшейся 15 апреля 1874 г.

Цель данной статьи – анализ Международной программы "Клод Моне: путешествие к сериям картин". Материалы музейного события и методика его организации, определили круг *задач* исследования: проанализировать подход к презентации работ Клода Моне и организации выставочных мероприятий с точки зрения их содержания, хронологии представленных экспонатов, географии подготовки и проведения музейного события в Музее искусств Наканосима в 2023–2024 гг.; выполнить перевод каталога, подготовленного музеем Наканосима в сотрудничестве с международной группой кураторов, и отражающего концепцию одной из исследовательских программ, посвященной 150-летию первой выставки импрессионистов в Париже (1874); рассмотреть

© Ахмыловская Л. А., 2025

ряд публикаций, исследующих историю импрессионизма, явление японизма в европейской культуре, процесс взаимовлияния японского искусства и живописи импрессионистов в контексте творчества Клода Моне.

Объектом данного исследования является изучение процесса взаимовлияния импрессионизма и японского искусства в контексте межмузейного сотрудничества. Предмет исследования – международная исследовательская программа "Клод Моне: путешествие к сериям картин".

В процессе работы изучались: материалы международных музейных программ 2022–2025 гг., посвящённых истории импрессионизма; научные публикации, связанные с процессом взаимовлияния импрессионизма и японской культуры; издания, содержащие информацию о японских коллекциях произведений импрессионистов.

Методологически работа опирается на интертекстуальный анализ экспозиционных и исследовательских материалов музея, а также на критическое осмысление публикаций по теме японизма в европейской культуре. Каталог выставки, подробный искусствоведческий комментарий к представленным произведениям, видео, включённые в экспозицию, свидетельствуют о применении синтеза иконографического и формально-стилистического *методов*, предложенных Э. Панофским (1892–1968) **[24]**.

Наряду с выставкой "Клод Моне: путешествие к сериям картин", состоявшейся в Японии в 2023–2024 гг., следует упомянуть и другие масштабные исследовательские проекты, посвящённые 150-летию Первой выставки импрессионистов. Среди них презентация коллекции "Импрессионизм: пути к современности" в Музейном комплексе "Лувр Абу-Даби", о. Саадият, ОАЭ, 2022–2023; лекции по истории импрессионизма в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2024; выставка "Париж 1874: изобретение импрессионизма", подготовленная Музеем Орсе в сотрудничестве с Национальной галереей в Вашингтоне и др.

Концепция, предложенная Музеем Орсе, состоит, по определению Кима Уилшера, в "переосмыслении радикальной природы импрессионизма" **[32]**. Показ ста тридцати из ста шестидесяти пяти работ, впервые представленных на парижской выставке 1874 г., начался во Франции (26.03.2024–14.07.2024) и продолжался в США (08.07.2024–19.01.2025). В собрании картин тридцати представителей *Анонимного общества живописцев, скульпторов и гравёров* 1874 г., демонстрировалось произведение Клода Моне "Впечатление от восхода солнца", которое дало название новому художественному направлению, символически обозначив приоритет и ценность впечатления в чувственном познании мира, "ясность, живость, полноту и смысловую гармонию перцептивных представлений" **[4, с. 4–5]**.

Движение импрессионизма и импрессионистическое мировоззрение как выражение кризиса рационалистической картины мира – объект внимания М. В. Алпатова, Л. Г. Андреева, А. Н. Бенуа, Н. В. Бродской, Николен Буржер, Н. С. Джуманиязовой, Паскаля Дюрана, В. Т. Захаровой, Росса Кинга, Л. Е. Корсаковой, Е. В. Маркиной, Т. Н. Мартышкиной, Ю. С. Осиповой, Филиппа Пигэ, А. Т. Садуовой, Н. А. Синельниковой, Филлис Такман, Десмонда Фицджеральда.

Восприятию цвета в контексте разных культур посвящены статьи таких авторов, как А.С. Шиманская, Сиинг Ван, Масафуми Монден, Роберт Финли, Кюнгхи Ли, Ллир Джоунс. Явление японизма, процесс взаимовлияния японской культуры и искусства импрессионистов исследуют Джоэл Айзексон, Фрэнсис Вайценхоффер, Норберт Вольф, Карин Х. Гримм, Марианна Делафон, Инага Сигеми, Кумазава Хироси, Шарль С. Моффе, Джон Ревалд, Кэтрин Роткопф, Элиза Рэтбоун, Вирджиния Спейт, Ангус Трамбл, Гэри Хики, Женевьева Эйткен, Мари-Жоэль Эшманн, Зейнеп Юксель.

Наряду с ежегодными конференциями, приуроченными к ретроспективам художников-импрессионистов, реализуются долговременные исследовательские проекты, направленные на изучение отдельных серий картин, проводимые при участии научных, образовательных, социальных институций, фондов и организаций, поддерживающих искусство и культуру. К таким проектам в последние годы относятся мероприятия, инициированные Музеем импрессионизма в Живерни (2020), Австралийским международным культурным фондом (2021), Фондом Луи Виттона (2022), Гримальди форумом (2023),

Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (2024).

Актуальной в контексте международных музейных исследований и регулярно проводимых научных симпозиумов является тема японских коллекций произведений импрессионистов **[16; 17; 19; 20]**.

Клод Моне: путешествие к сериям картин

Выставка "Клод Моне: путешествие к сериям картин", подготовленная при Франции и Института Франции в Японии, в октябре 2023 – январе 2024 гг. в Королевском музее Уэно (The Ueno Royal Museum, https://www.ueno-mori.org/), а затем, в феврале–мае 2024 г., в Художественном музее Наканосима (Nakanoshima Museum of Art, Osaka Nakanoshima Museum of Art, Osaka) **[5; 22]**.

Как свидетельствует каталог музейного события, экспозиция включила семьдесят пять произведений Клода Моне (1840–1926) из более чем сорока музеев разных стран мира: Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Израиля, Ирландии, Монако, Нидерландов, США, Франции, Швейцарии.

Около трети представленных шедевров (двадцать три картины) принадлежит коллекциям Японии. Многие из них вошли и в программу "Границы импрессионизма" в музее Абено Харукас в октябре 2024 – январе 2025 гг.

Международную группу кураторов возглавили Бенно Темпель, директор Художественного музея в Гааге, Нидерланды, Майкл Кларк, бывший директор Национальной галереи Шотландии в Эдинбурге и Симада Норио, почётный профессор университета Джиссен в Токио.

Посетители Музея Наканосима, гости из разных стран, готовы были несколько часов проводить в очереди, чтобы увидеть любимые серии "Стога" и "Водяные лилии", стать свидетелями грандиозного художественного видения Моне и удивительным образом передаваемого им впечатления **[22]**.

Одна из центральных тем экспозиции – непрерывный диалог художника со временем и светом **[5]**.

Моне, который, по справедливому замечанию Десмонда Фицджеральда всегда будет считаться великим лидером импрессионизма **[12, с. 181]**, известен своей необычайной чувствительностью к естественному освещению и цвету. Он преуспел в использовании мягких тонов и изображения теплого света, оставив после себя множество работ, передающих непрерывно меняющиеся состояния природы и впечатления от её движения **[2; 13]**. Природа на холстах Моне появляется в "тёплом дыхании любви"; Октава Мирбо, Росс Кинг размышляют об успокаивающем воздействии картин Моне, которого современники называли peintre du bonheur (художником счастья) **[18]**. По мысли М. А. Волошина, "в самых своих приёмах" Клод Моне является воплощением импрессионизма **[1]**.

В первом зале выставочного пространства (*1. Моне, Ранние работы*) представлено десять произведений периода до импрессионизма, в том числе монументальное полотно "Завтрак" (The Luncheon, 1868–1869 гг.), запечатлевшее семью Клода Моне, гостью и служанку во время обеда. В 1870 г. картина была отклонена жюри парижского Салона, а четыре года спустя состоялась первая выставка импрессионистов. Работа "Завтрак", таким образом, сыграла решающую роль в становлении Моне как основателя развивающегося протестного направления.

"Портрет мисс Гюртье ван де Штадт" из Музея Крёллера-Мюллера в Отерло (Нидерланды), написан в Заандаме в 1871 г. Семья Ван де Штадт занималась торговлей лесом и была одной из самых богатых в городе. По сравнению с другими работами художника, созданными в Заандаме, монохромное изображение семнадцатилетней девушки выглядит строгим и сдержанным. Недавно умер её отец Ян ван де Штадт Гюртье, чёрное платье, серьги и лента указывают на то, что девушка в трауре. Светлый фон и волосы героини написаны свободными, быстрыми мазками, лицо и платье, напротив, точно прорисованы.

Следует отметить, что в это время Моне уже начал собирать коллекцию японских гравюр, которая впоследствии станет украшением его дома в Живерни. За четыре месяца пребывания художника в северной голландской

провинции им созданы двадцать четыре городских пейзажа, три из которых были представлены Музеем Наканосима среди его ранних работ.

Секция 2. Моне: Импрессионист включает пятнадцать картин 1873–1886 гг. Первое, что мы видим в этой части выставки, работы с изображением лодки-студии и видами порта (1874). Они написаны в местечке Аржантей близ Парижа, где Моне жил в 1871–1878 гг. В этот период появилась и картина "Впечатление от восхода солнца" (1872), давшая название движению импрессионистов. Энергия тёплого солнечного света, танцующего и мерцающего на поверхности воды, проявляет внутренне ощущение созерцаемой природы, многообразие и спонтанность её светящихся оттенков и красок, отсутствие в ней чёрного и белого. Мягкой силой наполнены сияющие виды Вернона и другие пейзажи, созданные Моне в долине реки Сены.

Секция 3. Фокус на одном объекте включает восемнадцать работ 1881–1886 гг., в которых Клод Моне концентрирует внимание на передаче настроения одного и того же места в разное время года и суток. Летом он часто пишет на нормандском побережье Ла-Манша, в 1881–1882 гг. исследует окрестности Дьеппа примерно в девяноста километрах к востоку от Гавра, в котором прошло его детство, останавливается в Пурвиле и Варенжвиле.

Отсюда можно наблюдать прибрежное судоходство и писать каменные рыбацкие домики, построенные в эпоху Наполеона. Такое строение мы видим на картине "Рыбацкий домик в Варенжвиле" (1882). Едва угадывается дорожка к дому, с пёстрого холма открывается вид на море, канал, усеянный парусными яхтами, сверкает в отдалении, яркая крыша дома контрастирует с сияющей гладью моря на горизонте, бесчисленные оттенки зелёного и розового передают движение тёплого летнего воздуха.

Секция 4. Серии полотен представляет работы 1886–1904 гг. Среди них: "Дождь в Бель-Иль" (1886) и другие пейзажи из серии "Побережье Бель-Иль"; несколько произведений знаменитой серии "Стога сена" (1884–1891); три картины с изображением моста Ватерлоо: "Мост Ватерлоо, пасмурная погода" (1900) из дублинской Галереи Хью Лейна, "Мост Ватерлоо, Лондон в сумерках" и "Мост Ватерлоо, Лондон на закате" (1904), представленных Художественной галереи Вашингтона, виды серии "Мост Чаринг-Кросс" (1903) из музеев Японии и Франции, другие полотна, запечатлевшие Темзу и Лондон.

"Серия Лондона – это вид реки с двух сторон: вид на Вестминстерское Аббатство и вид на мост, пересекающий реку наискось картины. Эти два остова повторяются десятки раз в серии", – пишет М. А. Волошин, отмечая, что Моне подходил к природе не как художник, "в душе которого острой трещиной поёт одно запавшее в душу впечатление, ставшее частью его самого, а как учёный которому нужно изучить одно явление со всех сторон, исчерпать его" **[1]**.

Две из пятнадцать картин, экспонируемых в этой части выставки, составляют особую гордость Художественного музея Пола в Хаконе, провинция Канагава. Это "Парламент, симфония в розовом" (1900) и "Стога сена в Живерни" (1884).

Секция 5. Кувшинки и сад в Живерни включает произведения 1886–1925 гг. Среди них "Пейзаж в Живерни. Эффект снега" (1886) из коллекции Музея Гехта, Университет Хайфы, "Наводнение в Живерни" (1896–1897) из Галереи Карлсберга в Копенгагене, "Дом среди роз" (1925) из собрания Музея Стеделийк в Амстердаме и ещё одиннадцать полотен с видами Живерни, пять из которых относятся к серии "Водяные лилии" или "Кувшинки" (1907– 1919) **[6]**. Здесь следует упомянуть и о сотрудничестве японских музеев с французским искусствоведом Филиппом Пигэ, правнуком Клода Моне. Начиная с 2010 г. исследователь посещал Японию с лекциями, посвящёнными архиву, обнаруженному в Живерни и созданию цикла "Нимфеи", включающего 250 изображений кувшинок, выполненных в последние тридцать лет жизни Клода Моне (Claude Monet prospectif: Les Nymphéas, une oeuvre in situ, https://benesse-artsite.jp/en/story/20160402-514.html).

Заключительная часть выставки в Музее Наканосима охватывает всю вторую половину жизни художника, что позволяет воочию наблюдать изменения в восприятии цвета, который с годами передан всё менее интенсивно **[18]**. Не фокусируясь на офтальмологических причинах, подробный комментарий, сопровождающий эту часть выставки, указывает на то, что в поздних работах (1918–1922) использование белого, зелёного и синего сменилось на более рас-

плывчатые и неясные фиолетовые и жёлтые тона. Картины Моне становились всё более абстрактными с ярко выраженным использованием красных и жёлтых оттенков, нанесенных на холст широкими и крупными мазками кисти. Расположение работ в финальной части экспозиции создаёт эффект, производимый в овальном зале парижского музея Оранжери, где полотна из серии "Водяные лилии", подаренные художникам Франции (1918), были размещены в соответствии с его планом (1927) **[25]**.

Важным дополнением экспозиции "Клод Моне: путешествие к сериям картин" и одним из организующих элементов музейного события стала карта путешествий Клода Моне, отразившая в хронологическом порядке запечатлённые в полотнах места пребывания художника в родной Франции и за её пределами – в Голландии, Англии, Норвегии, Италии. Среди них порт Онфлёр в Нормандии (1864), деревня Сент-Адресс на побережье Ла-Манша (1864), местечко Буживаль к западу от Парижа (1870), Трувиль (1870), Лондон (1870), Заандам, Голландия (1871), Аржантей (1871–1878), Гавр (1845, 1872), Париж (1840, 1859), Ветей (1878, 1901), Фекам (1881–1882), Пурвиль (1882, 1897) Этрета и Порт д'Амон (1868, 1883, 1885, 1886), Бордигере, Италия (1883), Живерни (1883, 1890–1926), Фреслин (1889), Руан (1892, 1893), Сандвикен, Норвегия (1895), Дьеп (1896), Венеция (1908).

Международная исследовательская программа "Клод Моне: путешествие к сериям картин" была подготовлена в сотрудничестве представителей двенадцати стран старого и нового света. Каждый из более чем сорока музеев-участников нашёл возможность предоставить для показа одну-две работы.

Часть экспонатов выставлялась в Японии на протяжении лишь нескольких дней, в связи с включением картин в несколько программ, посвящённых 150-летию первой выставки импрессионистов. В этих обстоятельствах системный и слаженный творческий подход международной группы экспертов, продуманная методика организации события были особенно важны и эффективны.

Значительная часть комментария, сопровождавшего экспонируемые произведения, а также видеоматериалы, включённые в выставочную программу, была посвящены взаимовлиянию импрессионизма и японской культуры.

Моне и японская культура

Как многие художники, очарованные японским искусством, Клод Моне изучал укиё-э в частных парижских студиях (1859–1863). С 1871 г. Моне собирает японские гравюры, в его коллекции более двухсот работ японских авторов, в том числе сорок шесть эстампов Утамаро Китагава (1753–1806), двадцать три гравюры Хокусая Кацусики (1760–1849) и сорок восемь гравюр Хиросигэ Утагава (1797–1858), то есть всего сто семнадцать гравюр этих знаменитых мастеров **[2]**.

В 1880-е гг. он живёт в местечке Живерни на берегу Сены, где о его увлечении говорит всё: арочный мост в японском саду, обеденный сервиз, стиль предметов мебели и интерьера. Сегодня отдельные элементы нормандского поместья Клода Моне можно видеть в дизайне японских офисов. Так, например, фасад здания компании *Fair International* в префектуре Осака воспроизводит форму дверей в Живерни и их цвет – *Giverny* – яркий, радостный, чистый, холодный синий цвет, в котором преобладает зелёный пигмент и отсутствует красный. Полная и точная копия сада Моне была открыта в 2000 г. в префектуре Кочи на юге о. Сикоку (https://www.kjmonet.jp/english/).

Многие серийные работы Моне созданы во многом под влиянием цветной графики Хокусая (серия "100 видов священной Фудзи"). Моне, как и других импрессионистов, интересуют изменчивые состояния природы, необратимо ускользающие, исчезающие виды **[9, 28]**. Появляются полотна-вариации на одну сюжетную тему с разным содержанием. Такова серия картин, посвящённых мысу Антиб на побережье Лигурийского моря (Antibes. Coté d'Azur), который художник писал утром и после полудня, осенью, летом и весной.

На творчество Моне повлияли мотивы, техника и изображение цвета в японском искусстве. Первое впечатление, переданное живописцем, останавливает мгновенье и ускользающие виды не исчезают. На картинах Моне прекрасное остаётся в его несовершенстве, мимолётности и подлинности, что

созвучно по-прежнему актуальной эстетике ваби-саби, связанной с "глубоким внутренним одиночеством (когда речь идёт о чувствах), или состоянием покоя и чистоты (когда речь идет об объектах), которое возникает, когда мы освобождаемся от уз мирского и материального" **[27, с. 124]**.

Два столетия изоляции Японии от внешнего мира в XVII–XIX вв. способствовали сохранению уникального восприятия и отображения реальности, развитию особого художественного языка, который остался совершенно нетронут внешними влияниями, чем и объясняется столь сильное воздействие японского искусства на европейских художников и явление, известное как *японизм* (термин введён в 1872 г. Филиппом Берти, 1830–1890) **[8; 16; 17]**.

В 1860–1890 гг. западные художники активно интегрировали предметы и декоры в японском стиле в свои картины, экспериментировали с новыми техниками, обращались к новым форматам, например какемоно (яп. *висящая вещь*) – вертикально подвешенный свиток из бумаги или шёлка, наклеенный на специальную основу, обрамлённый парчовой каймой и снабжённый по краям деревянными валиками.

Популярность японской гравюры в Париже в начале 1860-х гг. и интерес французских живописцев к ней определялись, в частности, ассиметричной композицией. "По мнению Академии, центральное положение картины должно быть симметричным, однако импрессионисты нарушали это правило и, вероятно, были вдохновлены японскими гравюрами на дереве", – отмечает Зейнеп Юксель в работе "Влияние японского искусства на Клода Моне" **[33]**. Одним из ярких примеров влияния японский гравюры на композиционные решения Моне является зимний пейзаж "Повозка на заснеженной дороге в Онфлёр" (*La Charrette, route sous la neige à Honfleur,* 1865).

Быстрые мазки импрессионистов – своеобразная метафора стремительного потока дней. Их творчество отражает процесс современной им жизни, её повседневность и перемены, связанные с промышленной революцией. Их привлекает архитектура строящихся высоких зданий, они видят предмет искусства в картинах города, домах, сталелитейных заводах, обычных улицах и открытых парижских кафе.

Непосредственное переживание момента, часто передаётся импрессионистами в той или иной, как бы незначительной, детали события. Они обновляют и смягчают светоцветовой строй живописи, меняют композиционные приёмы; используют разнообразные точки созерцания (сверху, издали, изнутри); отказываются от исторических сюжетов и помещения главных действующих лиц в центр картины, как того требовали каноны академического искусства; провозглашают свои новые принципы восприятия и отражения окружающего мира.

Природа – один из наиболее значимых предметов их художественного эксперимента. Они предпочитают работать на открытом воздухе, любуясь пейзажами и морским побережьем. Иногда, оставаясь в одном из живописных мест месяцами, они пишут его вновь и вновь. Очевидной особенностью, отличавшей их от художников других направлений, является широкий спектр пленэрных сюжетов **[23]**.

Произведения импрессионистов казались современникам слишком спонтанными, незавершёнными и недостойными внимания. Большая часть их работ была отвергнута Парижским салоном, так появился Салон отверженных (Salon des Refusés, 1863). Попытки художников выставлять свои картины не имели успеха до 1874 г., когда группа, включавшая Моне, Ренуара, Дега и других, организовала первый независимый показ и стала называть себя *Анонимным обществом живописцев, скульпторов и гравёров* **[7]**.

Одним из немногих, кто выступил с позитивной оценкой нового направления, был поэт Стефан Малларме, посвятивший им своё эссе "Импрессионисты и Эдуард Мане", первоначально напечатанное в лондонском издании на английском языке (1876), и вновь открытое в начале XXI в., с появлением перевода текста на французский язык. Эссе Малларме о кризисе искусства в контексте социально-политических изменений 1880–1990 гг. приводит в полной версии (1998) и комментирует бельгийский исследователь Паскаль Дюран **[8]**.

Французский искусствовед Теодор Дюре (1838–1927) во время своего кругосветного путешествия два месяца находился в Японии (1872). Матери-

алы, посвящённые японской культуре, были в том же году представлены на мюнхенской выставке **[30]**. Имея возможность познакомиться с культурой Азии, Дюре, один из первых исследователей творчества Хокусая, написал ряд статей о японском искусстве и книгу о своих путешествиях (1874).

Моне открывший для себя гравюры укиё-э в Голландии (1871), демонстрирует в своём творчестве техники, вдохновленные гравюрами Хокусая. Рассматривая творчество Хокусая с точки зрения композиции, мазка кисти и яркости цвета, Инага Сигэми указывает именно на те параметры, которые интересовали импрессионистов **[14]**. Японскому искусству не хватает линейной перспективы и под его влиянием меняется западная художественная техника, в ней появляется некая "бескаркасность" **[33]**. Теодор Дюре отмечает, что живописи японцев не свойственны симметричные повторы, художники от них отказываются, свободно разбрасывая декоративные мотивы "без какой-либо видимой системы, но благодаря их чувству пропорции результат полностью удовлетворяет визуальному вкусу" **[9]**.

Импрессионистов привлекает концепция свободной композиции, они видят, что японские художники пишут, не следуя классическим композиционным правилам. Интерес Моне к японской живописи и знакомство с искусствоведом Теодором Дюре (1873) дают художнику всё ясное понимание японской культуры. Моне вдохновляют наблюдения Дюре, который обращает особое внимание на смелость мазка кисти в японских в гравюрах и указывает на то, что самые контрастные и резкие цвета оказываются рядом: зелёный, синий и красный используются вместе, без промежуточных полутонов.

Воспринять природу своим зрением и передать ее именно так, как видит её человеческий глаз, окрашенную солнечными лучами или окутанную туманом – так понимал цель живописца учитель Клода Моне, Эжен Буден (1824–1898), утверждая, что "три мазка кисти с натуры стоят больше, чем два дня работы в студии" **[33]**. Следуя примеру наставника, Моне к 1964 г. начинает работать на открытом воздухе, пишет масляными красками без набросков. Композиционные решения для него зависят от выбора точки обзора и солнечного освещения. По мысли историка искусств Ангуса Трамбла (1964–2022), именно японское искусство сформировало Моне как художника, изменило его взгляд на природу и современную ему жизнь **[29]**.

Открытие и популяризацию азиатской культуры в Париже связывают с именем представителя деловых кругов Сэмюэля Бинга (Samuel Siegfried Bing, 1838–1905). Изучение японской культуры и, в частности, гравюр на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX в. не означало их копирование, но определенно помогало европейским художникам того времени получать новые подтверждения своих открытий. Европейцы находили скорее форму, чем вдохновение для своего видения, чувствования, понимания и интерпретации природы, что вело не к подражанию японскому искусству, а к усилению оригинальности личного восприятия. Об этом пишет в статье о первой выставке импрессионистов историк искусств Эрнест Шено (Ernest Chesneau,1833–1890) **[15]**. Очевидно, что импрессионизм, формировавшийся под влиянием японской культуры, оказал в дальнейшем сильное влияние на развитие всего западного искусства.

В начале 1860-х гг. Моне особенно интересует снежный пейзаж. Вместе с Фредериком Базилем (1841–1870) он на всю зиму отправляется в Онфлёр. Камиль Писсарро (1830–1903), делясь в письме к сыну **[33]** впечатлениями от выставки японских гравюр в галерее коллекционера Поля Дюран-Рюэля (1831–1922), называет серые закаты яркими примерами импрессионизма, характеризует Хиросигэ Утагава как "замечательного импрессиониста", сообщает, что он сам, Огюст Роден и Клод Моне с энтузиазмом относятся к снегу.

Моне стремится запечатлеть все состояния снежного пейзажа: яркий солнечный свет и голубые тени на глубоком снегу, темнеющее под тусклым низким небом заснеженное пространство, сумрак и безмолвие зимнего дня, закатные лучи на снегу, тающем у проселочных дорог, падающий снег, словно поглощающий небо. Анализу зимних импрессионистских пейзажей посвящено издание "Импрессионисты зимой: Эффект снега" **[21]**.

Исследователи отмечают, что Моне писал снег чаще, чем кто-либо из импрессионистов. Его интересовали не только традиционная концепция снежного пейзажа, место, время суток, качество освещения самого снега, но

и неожиданные, нетипичные явления зимы; он экспериментировал с новой техникой и формой.

На развитие стиля Моне влияли зимние пейзажи 1850-х гг. Гюстава Курбе (1819–1877), знакомство с творчеством японских и голландских художников. Одна из ранних зимних картин Моне – "Повозка на заснеженной дороге в Онфлёр". В дальнейшем он вновь и вновь возвращался к зимним сюжетам, стремясь изобразить их при разном освящении и меняющейся погоде. Испытывая влияние Курбе, он в то же время избегал его мотивов, сокращая количество оттенков и следуя собственному стилю. Экспериментируя с отражением света в разное время, Моне придавал всё большее значение источнику света, наблюдая за его эффектами в одном и том же месте. Использование сильных и выразительных линий придавало изображению новый акцент.

В работе "Повозка на заснеженной дороге в Онфлёр" запечатлён путь к известной многим импрессионистам ферме Сен-Симон. Она была домом для таких художников, как Жан-Франсуа Милле (1814–1875), Констан Труайон (1810–1865), Гюстав Курбе (1819–1877), Нарсис Диаз (1807–1876), Эжéн-Луи́ Будéн (1824–1898).

В 1864–1867 гг. Моне проводит здесь большую часть времени и часто пишет эту дорогу, словно зовущую к движению. Пейзаж создан в то время года, когда атмосферные изменения особенно мимолётны, а колебания света значительно меняют вид природы. Картина создает смешанное впечатление: в ней угадываются одиночество и грусть, но есть и ощущение умиротворения. Вопреки названию возникает впечатление, что главный объект внимания художника отнюдь не повозка. Фокус картины находится несколько правее, в конце дороги, что не соответствует традиционным академическим правилам; картину нельзя назвать объёмной; изображаемые объекты располагаются далеко. Важным моментом, на который также указывают исследователи творчества Моне, является создание "формы треугольника" **[33]**.

Как мы видим, треугольник дороги, создает перспективу, раздвигает границы изображения, даёт зрителю ощущение пребывания в пространстве от того места, где находится художник, до самого дальнего горизонта, куда устремляется дорога и движущаяся по ней повозка. Один цвет смешивается с другим, благодаря быстрым и мелким мазкам кисти. Для передачи света и теней на снегу, Моне использует жёлтый, синий и фиолетовый цвета; жёлтый создаёт сияние, а контрастные синий и пурпурный передают ощущение тени. Моне одним из первых художников-импрессионистов применил технику цветных теней. Джон Ревалд, в своём монументальном исследовании, содержащем 623 иллюстрации, описывает подобные эксперименты как исследование проблемы теней, которые "не бывают серыми или чёрными" **[3; 26; 31]**.

Пейзаж "Повозка на заснеженной дороге в Онфлёр" созвучен работе "Вечерний вид улицы Сарувака" известного автора гравюр Хиросигэ Утагава (1797–1858). Композиция этой работы и использование формы треугольника в изображении дороги, определенно вдохновили Моне.

Композиционные решения, техники создания перспективы, выбор цвета в японской гравюре позволили импрессионистам по-новому взглянуть на живопись, повлияли на творчество каждого из них.

Ведущая роль в адаптации японского искусства, по общему признанию, принадлежит Клоду Моне, что подтверждает большая часть его произведений 1860-х – 1870-х гг.

Заключение

Международная программа "Клод Моне: путешествие к сериям картин" объединила прекрасные работы из собраний лучших музеев мира. Их выставочная и академическая деятельность, созидательный опыт межмузейных проектов заслуживают пристального внимания.

Опираясь на мировой опыт музейных событий минувшего десятилетия, связанных с изучением импрессионизма, программа отсылает к новейшим публикациям, комментирующим внимание импрессионистов к свободной композиции, свежести и яркости колорита, мотивам, технике, выборе и передаче цвета в японской живописи.

Единство конструктивных целей, тщательно выработанная общая концепция, последовательные усилия экспертов и профессионалов, представля-

ющих разные страны, служат дальнейшему развитию и объединению науки и практики в области теории и методики музейного дела, социологии, психологии, философии, искусствоведения и культурологии.

Культурологический подход к раскрытию смысла произведений Моне, представленных в пяти залах музея с подробным комментарием, продемонстрировал эффективность применения синтеза иконографического и формально-стилистического методов. Пониманию существенных тенденций духовной жизни художника способствовало знакомство с его мировоззрением в широком историко-философском контексте эпохи.

Отмеченные в статье музейные события и научные симпозиумы и позволяют заключить, что влияние японского искусства на творчество Моне остаётся важнейшим направлением международных исследований, посвящённых истории импрессионизма. В контексте новейших межмузейных проектов актуальным является обращение к японским коллекциям европейской живописи.

Подробное изучение материалов программы "Клод Моне: путешествие к сериям картин" и академических работ, исследующих процесс взаимовлияния японской культуры и живописи импрессионистов, позволило: проанализировать подход к презентации работ Моне и организации выставочных мероприятий в Музее искусств Наканосима в 2023–2024 гг; оценить их эффективность, сфокусировать внимание на их содержании, географии подготовки и проведения, хронологии представленных экспонатов; выполнить перевод каталога, отражающего концепцию одного из масштабных событий, проводимых в музеях мира в 2022–2025 гг. и посвящённых 150-летию первой выставки импрессионистов.

Представленные в статье источники могут применяться в процессе изучения иностранного языка студентами и аспирантами творческих и гуманитарных вузов.

Литература / References

1. Волошин М. А. Письмо из Парижа. (I. Клод Монэ. Итоги импрессионизма. П. Англада). Весы: Ежемесячник искусств и лит. М.: Скорпион, 1904. № 10. С. 42–48.
   Voloshin M. A. Letter from Paris. (I. Claude Monet. The results of impressionism. P. Anglada). Libra: Monthly Arts and Lit. Moscow: Scorpion, 1904. No. 10. P. 42–48. (In Russ.).
2. Aitken G., Delafond M. La Collection d'estampes Japonaises de Claude Monet. Paris: La Bibliotheque des Arts, 2003. 189 p.
3. Aspects of Monet: A Symposium on the Artist's Life and Times. Rewald, John & Weitzenhoffer, Frances, eds. New York: Abrams, 1984. 271p.
4. Baumgarten A. G. Reflections on poetry. Berkeley: University of California Press. 2023.142 p.
5. Claude Monet: Journey to Series Paintings | Nakanoshima Museum of Art, Osaka. URL: https://nakka-art.jp/en/exhibition-post/monet-2023-en/ (accessed 18.03.2024).
6. Claude Monet Water Lilies Analysis. URL: https://victorian-era.org/monet-water-lilies-analysis.html (accessed 25.03.2024).
7. Decker M. de Claude Monet. Paris: Pygmalion. 2009. 336 p.
8. Durand P. Crises. Mallarme Via Manet (de the Impressionists and Edouard Manet a Crise de Vers). Leuven: Peeters, Vrin. 1998. 270 p.
9. Duret T. Voyage en Asie: Le Japon. La Chine - La Mongolie. Java. Ceylon - L'Inde (French Edition). Paris: Adamant Media Corporation. 2001. 377 p.
10. Eschmann M. J. Japonism: This Is What Claude Monet's Art Has in Common with Japanese Art 2020. URL: https://www.thecollector.com/claude-monet-japonism/ (accessed 23.03.2024).
11. FitzGerald D. Claude Monet: Master of Impressionism // Brush and Pencil. Vol. 15. No. 3 (Mar., 1905). P. 181–195. https://doi.org/10.2307/25503805 URL: https://www.jstor.org/stable/25503805 (accessed 23.02.2024).
12. Grimme K. H., Wolf N. Impressionism. London: New Holland Publishers Pty, Limited, 2007. 95 p.
13. House J. Monet: Nature into Art. New Haven: Yale University Press, 1988. 256 p.
14. Inaga S. The Making of Hokusai's Reputation in the Context of Japonisme // Japan Review. 2003. Issue 15. P. 77–100.
15. Isaacson J. Monet: Le Boulevard des Capucines en Carnival. URL: https://www.researchgate.net/publication/350093487_Mon vard_des_et_Le_ Boule Capucines_en_Carnival (accessed 23.03. 2024).
16. Japonisme: Japanese Influence on French Art, 1854–1910. Cleveland: Cleveland Museum of Art, 1975. 220 p.

17. Japonisme: The Japanese Influence on Western Art in the 19th and 20th Centuries. New York: Harmony Books, 1981. 432 p.
18. King R. Mad Enchantment: Claude Monet and the Painting of the Water Lilies New York City: Bloomsbury USA. 2016. 416 p.
19. Kumazawa H. Private and Corporate Collections and Public Museums: Impressionist Collections in Japan Following the Second World War// Japan's Love for Impressionism Exposition Catalogue. Munich, London, New York: Prestel, 2015. P. 208–215.
20. Miura A. Japan and the Impressionists apan and the Impressionists: The Collections of French Paintings and the Interrelation between French and Japanese Art // Munich London New York: Prestel, 2016. P. 12–21.
21. Moffett C. S., Rathbone E. E. Monet, Impressionists in Winter: Effets de Neige. London: Philip Wilson Publishers, 2003. 240 p.
22. Monet Series Scenes Osaka Nakanoshima Museum of Art – Klook Россия. URL: https://www.klook.com/ru/activity/98658-claude-monet-journey-series-paintings-nakanoshima-museum-art-osaka/ (accessed 24.03.2024).
23. Pacific Rim Modernisms. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 373 p.
24. Panofsky E. Studies in Iconology. New York City: Harper & Row, 1972. 400 p.
25. Portulese A. A Phenomenology of Display: Monet's L'Orangerie, the Panorama Rotunda, and the History of Proto-Installation Art. Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/61679219/A_Phenomenology_of_Display_Monets_LOrangerie_the_Panorama_Rotunda_and_the_History_of_Proto_Installation_Art (accessed 24.02.2024).
26. Rewald J. The History of Impressionism. 4th ed. New York: Museum of Modern Art, 1987. 672 p.
27. Silva J. A. T. Wabi-Sabi: A Way for Science (and the World) to Rediscover Itself // The Asian and Australasian Journal of Plant Science and Biotechnology, 2013. Vol. 7 (Special Issue 1). P. 124–126.
28. The New Painting: Impressionism, 1874-1886.Washington, DC: National Gallery of Art, 1986. 509 p.
29. Trumble A. Monet and Japan. Canberra: The Gallery. 2001. 216 p.
30. Westheider O., Philipp M., Heinrich C. Claude Monet: The Truth of Nature, Munich: Prestel: 2019. 280 p.
31. Wildenstein D. Monet. The Triumph of Impressionism. Cologne: Taschen, 2022. 588 p.
32. Willsher K. It's time to re-examine its radical nature: Paris to celebrate 150 years of impressionism // The Guardian. 31 Dec 2023. Guardian Media Group. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2023/dec/31/paris-impressionism-musee-dorsay-1874-exhibition-avant-garde-art (accessed 12.02.2024).
33. Yuksel Z. The Influence of Japanese art on Claude Monet. Paris: The American University of Paris. 2016 (28). URL: https://www.academia.edu/28799009 /The_Influence_of_Japanese_art_on_Claude_Monet (accessed 26.03.2024).

◆

Информация об авторе

Лариса Алексеевна Ахмыловская, канд. искусствоведения, независимый исследователь, Москва, Россия, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Information about the author

Larisa A. Akhmylovskaia, Candidate of Art History, Independent Researcher, Moscow, Russia, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.03.2024 Одобрена после рецензирования 02.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 29.03.2024 Approved 02.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 148–157.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 148–157.

Научная статья
УДК 911.53(571.56–17)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/148-157

Локальные культурные ландшафты Арктики и Севера: Хатанго-Анабарский регион

Виктория Викторовна Филиппова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, filippovav@mail.ru
Лилия Иннокентьевна Винокурова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, lilivin@mail.ru
Яна Михайловна Санникова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, sannikowa@mail.ru
Наталия Егоровна Захарова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, zakharova_nataly@ail.ru
Акулина Егоровна Захарова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, linamestnikova@gmail.com

Аннотация. В статье впервые выстроена многоуровневая иерархия культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона. Выделенные локальные ландшафты обозначены как Южно-Хатангский долганский, Северо-Хатангский долганский, Саскылахский долгано-эвенкийский и Юрюнг-Хаинский долганский микрорегионы. Эти локальные микрорегионы выходят на мезоуровень, представленный Хатангской и Анабарской землями Красноярского края и Республики Саха (Якутия). Сохранность и функционирование духовной и материальной культуры долганского этноса объединяет эти земли в макрорегион, названный авторами как "Долганский мир", в этнокультурной репрезентации предстающий как часть цивилизации, созданной арктическими народами.
Ключевые слова: *культурный ландшафт, коренные народы Арктики, традиционный образ жизни, Якутия, Таймыр, Хатанго-Анабарский регион, ГИС-картографирование*
Для цитирования: Филиппова В. В., Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Захарова Н. Е., Захарова А. Е. Локальные культурные ландшафты Арктики и Севера: Хатанго-Анабарский регион // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 148–147. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/148-157

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/148-157

Local cultural landscapes of the Arctic and the No.rth: the Khatango-Anabar region

Viktoriya V. Filippova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth,
Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russia, filippovav@mail.ru
Liliia I. Vinokurova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth,
Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russia, lilivin@mail.ru
Yana M. Sannikova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth,
Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russia, sannikowa@mail.ru
Natalia E. Zakharova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth,
Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russia,
zakharova_nataly@mail.ru
Akulina E. Zakharova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth,
Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russia,
linamestnikova@gmail.com

Abstract. The article is the first to compilied a multilevel hierarchy of the cultural landscape of the Khatanga-Anabar region. The identified local landscapes are designated as South Khatanga Dolgan, No.rth Khatanga Dolgan, Saskylakh Dolgan-Evenki and Yuryung-Khainsky Dolgan micro-regions. These local micro-regions reach the meso-level represented by the Khatanga and Anabar lands of Krasnoyarsk Krai and Sakha Republic (Yakutia). The preservation and functioning of the spiritual and material culture of the Dolgan ethnos unites these lands into a macro-region, which we call "Dolgan world", in ethno-cultural representation appearing as part of the civilization created by the Arctic peoples.
Key words: *cultural landscape, indigenous peoples of the Arctic, traditional way of life, Yakutia, Taymyr, Khatango-Anabar region, GIS mapping*
For citation: Filippova V. V., Vinokurova L. I., Sannikova Ya. M., Zakharova N. E., Zakharova A. E. Local cultural landscapes of the Arctic and the No.rth: the Khatango-Anabar region // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 148–157. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/148-157

© Филиппова В. В., Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Захарова Н. Е., Захарова А. Е., 2025

Введение

Хатанго-Анабарский регион – северная периферия с полиэтничным населением и своеобразной культурой, является объектом непреходящего научного внимания: в историографии значителен круг литературы, посвященной гуманитарным проблемам прошлого и настоящего населения бассейнов рек Хатанги и Анабара **[1; 4; 9; 10]**. Представляемое исследование было проведено на территориях Анабарского улуса Республики Саха (Якутия) и Таймырского муниципального района Красноярского края Российской Федерации. На фоне общей малой изученности слабозаселенных территорий вопрос культурно-ландшафтного районирования Хатанго-Анабарского региона актуализируется растущим интересом к Арктике. Культурный ландшафт (далее в тексте – КЛ) региона отражает богатую палитру длительных межэтнических контактов и их воздействия на развитие этно- и лингвокультуры долган, эвенков, якутов, нганасан, энцев и ненцев. Авторы уточняют, что в данном исследовании их основное внимание было акцентировано на долганах.

На имеющейся культурно-ландшафтной карте России обозначены 8 областей и 38 районов, где наше внимание обращено на Тунгусо-Таймырский и Якутский мезорегионы Восточно-Сибирского макрорегиона, выделенных по принципу административно-территориального деления **[18]**. Следует согласиться с исследователями, что совершенно недостаточна картографическая визуализация уровней районирования КЛ **[3]**. Районирование КЛ России на разных иерархических уровнях представлено в трудах Ю. А. Веденина **[5]**; отдельные крупные районы страны рассмотрены в работах А. А. Андреева, В. Н. Калуцкова, А. Г. Манакова и др. **[2; 12; 13; 17]**. Имеются работы по КЛ горных территорий Северного Кавказа **[16]**, Прибайкалья **[14]**, Алтая и Саян **[7; 8]**. При этом большинство работ по КЛ не содержат картографический материал.

Дифференциация культурного пространства, по мнению специалистов, характеризуется выделением культурно-ландшафтных районов и обусловлена, в одних случаях, различиями в истории развития этих территорий, в современной системе хозяйственных, социальных и культурных институтов, в других – близостью этнических, религиозных и культурных признаков, природных особенностей местности, а также характером административного устройства **[18]**. На материалах Якутии выявление и изучение локальных культурных ландшафтов проводится специалистами разного профиля, в т. ч. авторами данной статьи. Среди последних публикаций – работа Ж. Ф. Дегтевой **[6]**, к сожалению, в ней не учтены исследования по КЛ республики якутских этнологов и историков. Пионерное исследование геокультурных образов Севера в рамках символической антропологии, где рассмотрено не столько физическое пространство, а ментально конструируемая среда, предпринято в интересной коллективной монографии под редакцией Е. Н. Романовой и Н. К. Даниловой **[15]**.

Коренным населением Севера и Арктики созданы специфические КЛ, отличающиеся по характеристикам развития и выраженности от КЛ центральной и европейской части России. Поэтому цель исследования – реконструкция локальных культурных ландшафтов Хатанго-Анабарского региона с их выделением и пространственным отображением видится актуальной и заполняющей историографическую лакуну.

Методы и методология исследования

При выделении культурных ландшафтов Хатанго-Анабарского региона авторы применили комплексный метод, включающий информационно-аксиологический, семантический, историко-географический и этнокультурный подходы. Каждый из них фокусирует внимание на какой-то одной или нескольких гранях такого всеобъемлющего и сложного феномена, как КЛ; подходы дополняют друг друга и часто довольно эффективно совмещаются. Разнообразие подходов диктовалось междисциплинарностью исследования силами историков, географов, социологов и лингвистов. В основу работы легли материалы трёх экспедиций с 2020 по 2022 гг.

Мы учитывали мнение, что "КЛ включает природный и антропогенный слои. При этом антропогенный слой состоит не только из материальных форм (воплощенных в материи, телесно зримых), но и из образцов духовной жизни,

т. е. делится на воплощённый (материальный) и духовный (идеальный) слои" **[19, с. 27]**. Пространственное отображение разнообразия и наложений слоёв КЛ осуществлено с применением ГИС-технологий в виде векторных слоев, что позволило впервые визуально обобщить результаты комплексного исследования геокультурного пространства региона.

Результаты исследования

В своей сложной и подвижной эволюции КЛ Хатанго-Анабарского региона предстаёт как пространство динамических отношений людей и миров, для которого характерны открытость и определённая "незавершённость". При этом очевидна культурная устойчивость долганского этноса по сравнению с нганасанами, ненцами, эвенками и энцами, проживающими рядом весь изученный период с 1920-х до 2023 г., что обусловило фокус внимания при визуализации выявленных тематических слоев КЛ. Его пространственно-временной палимпсест, состоящий из множества взаимосвязанных и "перетекающих" друг в друга природных и антропогенных слоев, систематизирован в виде авторской ГИС "Геокультурное пространство Хатанго-Анабарского региона", содержание которой можно видеть на табл. *1*.

Природный пласт

В рамках статьи остановимся на единичных моментах семантического пространства долган, в языковой картине мира которых отсутствуют абстрактные стороны света. Так, северное море Лаптевых служит ориентиром на географический север. Запад обозначается как "сторона каменной горы" – подразумевая гору Бырранга, находящуюся к северо-западу от исследованной территории. Дословный перевод южного направления звучит как "тыа диэкки", означая "в сторону леса", и, действительно, зона лесотундры охватывает только южную часть территории региона. Отметим, что Е. И. Убрятова подчеркивала, что понятие "ТЫА" в случае сочетания со словами КИҺИ / ЧЕЛОВЕК, ДЬОН / НАРОД и ҺИР / ЗЕМЛЯ указывает на национальность, а не на пространство: "семантика данного термина связана с самоназванием долган – ТЫА КИҺИ" **[21, с. 10–11]**.

С учётом особого значения пространства тундры для коренного населения региона необходимо указать на локальные особенности употребления слов ТЫА / ТУНДРА жителями Хатанго-Анабарского региона и соседнего Оленекского района, владеющими якутским языком. Так, долганский концепт ТЫА ассоциируется с тундрой, а якутский концепт ТЫА связан с лесом, тайгой. И в том, и в другом случае описывается пространство за пределами дома: "ТЫА – это природное пространство жизнедеятельности человека, которое находится за пределами жилого сектора". Большинство опрошенных на слово-стимул тыа дало реакцию тундра. В ядро стимула тундра, т. е. самый популярный ответ, вошла реакция тыа (43%). Остальные ответы составили отвлечённые реакции, которые раскрывают содержание концепта: "тундра – это просторное природное пространство с низкой растительностью (травы, мох, грибы, ягоды), пригодное для ведения оленеводческого хозяйства, охотничьего промысла, собирательства грибов и ягод, отдыха и рыбалки, является землей, в нашем случае, долган" **[11]**.

Территориальные проекции

Внутренние различия в КЛ Хатанго-Анабарского региона обусловлены изменениями административно-территориального устройства, значимыми для политической сферы **[20]** и в этом случае КЛ более подвержен как пространственным, так и временным изменениям. В 1920-е гг. территория региона как единый район входила в состав Якутской АССР, образованной в 1922 г., но в конце десятилетия в результате изменений внешней границы ЯАССР из Хатанго-Анабарского района бассейн реки Хатанга отошёл Красноярскому краю, а в 1930 г. был отнесён к Таймырскому национальному округу.

В настоящее время Хатанго-Анабарский регион состоит из сельского поселения Хатанга (бывший Хатангский район Таймырского Долгано-Ненецкого АО, упраздненного в 2006 г.) и Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района). В ходе полевых исследований и камеральных работ выявлялись маркеры идентичности и самоидентификации населения,

Табл. 1. Структура ГИС "Геокультурное пространство Хатанго-Анабарского региона"
Tabl. 1. Structure GIS "Geocultural Space of the Khatango-Anabar Region"

Название тематических слоев	Содержание тематических слоев
Природный пласт	Природные ландшафты; Особо-охраняемые природные территории; Семантическое пространства "Тыа киітитэ": концепт "Киіти" и "ТыаГГундра".
Территориальные проекции	Разновременные административно- территориальные границы (XVII в. – по настоящее время); Изменения в составе низовых административно-территориальных единиц (XVII в. - по настоящее время); Динамика сети поселений (1926–2020 гг); Маркеры идентичности (пространственная, региональная, поселенческая).
Хозяйственная основа	Исторические хозяйственно-культурные типы; Формы хозяйственной организации в советский и постсоветский период; Ареалы современных форм хозяйствования; Маркер хозяйственной идентичности – единый ареал комплексного хозяйства оленеводы, охотники и рыболовы высоких широт.
Топонимический слой	Этнонимы; Языковое происхождение топонимов; Отражение хозяйственной деятельности в топонимах.
Этнические ареалы	Разновременные этнические границы (XVII в - по настоящее время); Этническая идентичность.
Языковое и культурное пространство	Языковая ситуация; Традиционная культура и экодуховные ценности коренных народов; Маркеры идентичности (язык и культура).

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

связанные с географическим и административным положением Хатанго-Анабарского региона на карте России и мира. Консолидирующим фактором выявлено отнесение места проживания к Арктической зоне РФ: понимание близости Северного Ледовитого океана, восприятие территории Арктики как родины и дома. Неразрывная связь с природной средой как основой хозяйствования обусловили один из макрорегиональных видов самоидентификации – арктическую идентичность. Историческая память об освоении бассейна двух крупных рек продолжает отражаться в общерегиональной самоидентификации – "анабарцы" и "таймырцы".

Хозяйственная основа

Природный ландшафт и биологические ресурсы Хатанго-Анабарского региона сформировали арктическую и северную специфику его хозяйственного освоения: традиционный уклад жизни коренных этносов исконно связан с тундровым оленеводством, охотничьим и рыболовным промыслами. Показательна устойчивость традиционной экономики долганского этноса, своим происхождением и системой жизнеобеспечения "обязанного" именно ландшафту и природным ресурсам земель между Анабаром и Хатангой. В изучаемый период оленеводы и промысловики прошли череду всех советских реформ и реорганизаций: изменения в масштабах и объёмах хозяйствования, его качественных характеристик, структуры занятости в традиционных отраслях хозяйства. Но оленеводство и промыслы остаются единственным источником жизнеобеспечения коренных народов, сохраняющих культуру традиционного природопользования в регионе Анабара и Хатанги вопреки всем меняющимся вызовам.

На сегодня ареалы традиционного хозяйствования представлены на всей территории Анабарского улуса, за исключением самой южной части – района бывшего поселения Эбелях, где земли отведены под добывающую промышленность. На Таймыре же имеется только одна официальная территория традиционного природопользования – "Попигай", охватывающая земли возле поселения Старый Попигай. Здесь также находятся рыболовные участки: отведённые рыболовные участки имеются и в устье р. Хатанга, и в озерах, находящихся на её левом берегу – оз. Портнягино и Арылах.

В Хатангском районе в настоящее время наблюдается сокращение площадей традиционного хозяйствования. В районе т. н. "южного куста"[1], где имеются рыбопромысловые участки, а также места, отведенные для промысла дикого оленя, практически утеряно оленеводство. Зона домашнего оленеводства в "Схеме территориального планирования Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района" отведена только на территории поселений северного куста – Новорыбная, Сындасско и Попигай.

В целом же в Хатанго-Анабарском регионе, адаптируясь под современные реалии, сохраняется комплексное северное хозяйство, присущее коренным малочисленным народам Крайнего Севера. В этом комплексе традиционное оленеводство остаётся этнообразующей отраслью для долган и эвенков.

Этнические ареалы

На сегодня в Хатанго-Анабарском регионе основным этносом являются долганы – самый северный тюркоязычный этнос в мире, первое упоминание о которых как об отдельном народе встречается в 1841 г. При освоении Средней и Восточной Сибири в XVII в. в регионе фиксировались исключительно эвенкийские (тунгусские) роды с идентичным названием. Согласно Б. О. Долгих, долганы как народность сложились в результате тесного контакта различных этнических групп: затундренных крестьян-русских, якутов (или якутоязычных групп), эвенков разных родов **[9]**.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г. долганами себя назвали 7261 чел., в 2010 г. – 7885 чел. Опубликованные данные Всероссийской переписи населения 2020 г. показывают, что численность долган увеличилась на 3,6% и составляет 8182 чел. Анализ современного этнического состава исследованных поселений показал преобладание в них долган. Эвенки составляют большинство в представляющем их национально-территориальное образование Саскылахском наслеге Анабарского улуса.

В данный момент происходит процесс смены этнонима "һака" на "долганин" / "долганка" в официальных документах жителей Таймыра. Большинство представителей старшего поколения, рождённые до 50–60-х гг. XX в., в свидетельствах о рождении и в паспортах были зарегистрированы как "саха". В местных администрациях есть специальная памятка с ответом на вопрос о том, как изменить национальность родителей на "долганина" и "долганку", если в свидетельстве о рождении они указаны как "саха". Смена записи "саха" на "долган / долганка" производится решением суда. Помощь в оформлении необходимых документов оказывают территориальные органы, находящиеся в посёлках и ассоциации коренных малочисленных народов Севера.

В ходе наших изысканий была реконструирована история расселения коренных жителей региона на базе разновременных карт, архивных документов и данных переписей населения. Наложение границ ранее существовавших ареалов расселения этносов показало, что территория расселения долган остаётся неизменной за последнее столетие – это бассейны рек Хатанга и Анабар.

Языковое и культурное пространство

Особенности языковой ситуации в полиэтничном Хатанго-Анабарском регионе ранее освещались авторами статьи, в силу чего остановимся здесь на значимых этноязыковых и этнокультурных проекциях. У долган Таймыра родной язык выступает ключевым маркером этнической идентичности (у

[1] Поселения, расположенные от с. Хатанга выше по течению р. Хатанга называют "южным кустом" (п.Катырык, Новая, Хета, Кресты, Каяк) ниже по течению – "северным кустом" (п. Жданиха, Новорыбная, Попигай, Сындасско).

58,7% опрошенных) и является основным языком общения во всех обследованных населённых пунктах. У анабарских долган наблюдается процесс языкового сдвига, вследствие взаимодействия и взаимовлияния с родственным якутским языком, доминирующим во всех сферах общения: в качестве маркера этнической идентичности родной язык указали менее трети респондентов (26,9%), большинство опрошенных долган и эвенков в качестве родного языка указали якутский язык (83,1%). При этом и у таймырских, и у анабарских долган родной язык обладает символическим значением: его неизменно выбирают в составе трёх языков, владение которыми, по мнению респондентов, необходимо для будущих поколений.

Также исследование подтвердило культурную особенность сохранности экофильных ценностей у коренного населения региона: 80,1% опрошенных анабарчан и 84% таймырцев знакомы и используют традиционные ритуальные практики, связанные с древними культами земли и природы.

Важным результатом проведённых исследований стала сформированная база данных топонимов, отображающих народную географию. Она заслуживает отдельного описания, т. к. выявлен богатый пласт материалов по этнонимам, языковому происхождению топонимов, их отражению в хозяйственной деятельности с интерпретацией на основе топокарт и словарей.

Для малоизученных территорий, к которым относятся северные и арктические районы, в нашем случае территории Хатанго-Анабарского региона, критически важно внимание к объектам историко-культурного наследия. Их приоритетная фиксация необходима в силу природно-климатических изменений и ожидаемого развертывания добывающих проектов на этих землях. Согласно Перечню объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия, на территории Красноярского края в Хатангском районе – 8 объектов культурного и 14 археологического наследия; в Анабарском районе Якутии включен 1 археологический памятник федерального значения (неолитическая стоянка "Сэмэлдьин") и 2 памятника регионального значения (могила А. М. Рубина и памятное место разгрома белоповстанцев). Верификация объектов во время полевых работ, а также изучение архивных, опубликованных научных публикаций по археологическим, этнографическим и историческим исследованиям, краеведческой литературы позволили нам дополнить и расширить имеющийся перечень объектов. Уточнены и осуществлена географическая привязка всех объектов: на территории Хатанго-Анабарского региона выявлено всего 40 археологических и 35 исторических памятников.

Заключение

В целом, предпринят системный анализ культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона: проведено междисциплинарное исследование с использованием историко-географического, этнокультурного, информационно-аксиологического и семантического подходов. Результаты работы визуализированы в ГИС, что позволило сконструировать многоуровневую иерархию КЛ Хатанго-Анабарского региона, включающую таксономические уровни природного, хозяйственного и этнокультурного районирования. Всего выявлено 4 локальных культурных ландшафта, представляющих собой микрорегионы (рис. *1*).

Южно-Хатангский долганский локальный КЛ объединяет жителей пяти посёлков южного куста, проживающих выше по течению реки от районного центра с. Хатанга – в зоне лесотундры и северного редколесья. Данный ареал включает бывшую территорию хетской локальной группы долган, а также основную область формирования долганского этноса – участки Хатангского тракта. В настоящее время населением данного микрорегиона утрачено домашнее оленеводство. Ареал КЛ выделен в границах участков, традиционно отведённых для промысла дикого оленя и добычи рыбы.

Северо-Хатангский долганский локальный КЛ объединяет три поселка, расположенных в зоне тундры. В нём присутствуют все составляющие этнической культуры долган: прежде всего, фиксируется сохранность родного языка и культуры, но налицо разрыв поколенческой преемственности: дети практически не говорят на долганском языке. В хозяйстве сохранены домашнее оленеводство, охота на дикого оленя и рыболовство. Характеризуется наличием

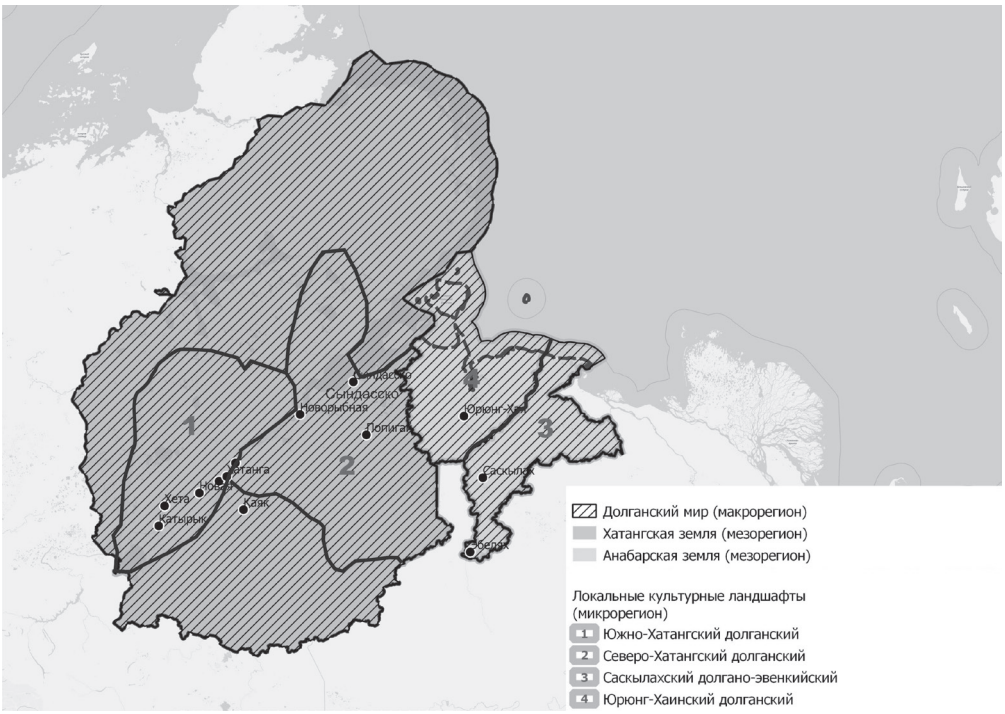


Рис. 1. Карта культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона
Источник: составлено авторами.
Fig. 1. Map of the cultural landscape of the Hatango-Anabar region
Source: compiled by the authors.

территории традиционного природопользования "Попигай". Рыбопромысловые участки жителей Сындасско и Новорыбная находятся в устье р. Хатанга и на озерах п-ва Таймыр: оз. Портнягино и оз. Арылах. Территория микрорегиона также выделена в границах осуществления комплексной традиционной хозяйственной деятельности.

Саскылахский долгано-эвенкийский локальный КЛ расположен в зоне лесотундры, совпадает с административными границами Саскылахского наслега. Отличительной чертой данного микрорегиона является выраженное присутствие эвенкийского этноса: здесь пограничье эвенкийской, долганской и якутской культур. Выявлена ситуация формирования билингвальной личности с основным якутским языком общения. Результаты наших социопсихолингвистических исследований показали, что представители данного микрорегиона чётко идентифицируют себя со своим этносом, участвуют в работе по сохранению и развитию эвенкийской или долганской культуры. Территория полностью используется крупным ГУП и кочевыми родовыми общинами с оленеводческо-промысловой и промысловой специализацией.

Юрюнг-Хаинский локальный долганский КЛ полностью располагается в зоне тундры. Микрорегион расположен в административных границах Юрюнг-Хаинского наслега: территория представляет собой самую северную область формирования долганского этноса. В локальном КЛ присутствуют все составляющие этнической культуры долган, но также наблюдается процесс языкового сдвига. В школе большинство учителей – выходцы из других районов Якутии, обучение происходит на якутском языке. Ситуация такова, что формирование языковой личности учреждениях идёт в ущерб долганскому языку. В хозяйственном отношении территория Юрюнг-Хаинского локального КЛ полностью используется оленеводческо-промысловыми хозяйствами различных категорий, в том числе ГУП. В микрорегионе имеется ресурсный резерват республиканского значения "Терпей-Тумус".

Выделенные четыре локальных КЛ основаны на традиционной хозяйственной деятельности долган и, частично, эвенков. Отметим, что при видимом симбиозе родственных занятий в регионе до настоящего времени сохраняются тонкие грани этнических особенностей ведения хозяйства, преобладания того или иного направления специализации в каждом из них. Данный феномен удивителен с учётом исторических трансформаций, прошедших в регионе за 100 лет, и заслуживает отдельного внимания специалистов. Наибольший потенциал устойчивости этнокультурного сознания сохраняется в сферах традиционной хозяйственной и культуротворческой деятельности.

Районирование исследованного региона выглядит в следующей иерархии: выделенные нами локальные микрорегионы выходят на мезоуровень, представленный Хатангской и Анабарской землями в бассейнах одноимённых рек и в административно-территориальных границах Красноярского края и РС(Я). Выявление Хатанго-Анабарского ландшафтного макрорегиона обогащает новыми характеристиками обозначенные в общероссийском районировании Тунгусо-Таймырский и Якутский мезорегионы. Живое функционирование духовной и материальной культуры долганского этноса, объединяющего на российской карте Тунгусо-Таймырский и Якутский мезорегионы, позволяет обозначить данный макрорегион как "Долганский мир".

Этот мир – свидетельство высокой адаптивности к природным условиям и социальным изменениям, устойчивости традиционных занятий и стремлении сохранять этническую идентичность. Ему присущи общие для коренных народов Арктики и Севера нормы природопользования и хозяйствования, социального поведения и мировосприятия. В этом свете долганский мир в этнокультурной репрезентации предстает как часть арктической цивилизации.

Литература / References

1. Андерсон Д. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск. Издательство СО РАН, 1998. 272 с.
   Anderson D. Tundroviks. Ecology and self-consciousness of the Taimyr Evenks and Dolgans. No.vosibirsk: Siberian Branch Publ. house, 1998. 272 p. (In Russ.).
2. Андреев А. А. Методика и опыт культурно-ландшафтного районирования староосвоенных территорий России: на примере Псковской области: дис. … канд. геогр. наук. Псков, 2012. 198 с.
   Andreev A. A. Methodology and experience of cultural-landscape zoning of old-developed territories of Russia: the example of the Pskov region: Diss. ... Cand. in Geography. Pskov, 2012. 198 p. (In Russ.).
3. Андреев А. А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 12–25.
   Andreev A. A. Experience of cultural-landscape zoning of Russia // Pskov Regionology Journal. 2012. No. 13. P. 12–25. (In Russ.).
4. Васильева В. В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского пригранічья: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2021. 211 с.
   Vasil'eva V. V. Mobility and structurization of space among the Dolgans of the Taimyr-Yakut borderland: Diss. ... Cand. in History. Saint-Petersburg, 2021. 211 p. (In Russ.).
5. Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 133–148.
   Vedenin Yu. A. Experience of cultural landscape description of large regions of Russia // Cultural landscape as a heritage object. Moscow: Heritage Institute; Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2004. P. 133–148. (In Russ.).
6. Дегтева Ж. Ф. Этнокультурные ландшафты Якутии: пространственная организация и районирование. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. 173 с.
   Degteva Zh. F. Ethnocultural landscapes of Yakutia: spatial organization and zoning. Yakutsk: No.rth-Earth Federal University Publ. house, 2018. 173 p. (In Russ.).
7. Дирин Д. А. Исследование культурных ландшафтов в горных странах: история и современность // Географические исследования Сибири и Алтае-Саянского трансграничного региона: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 200–212.
   Dirin D. A. Research of cultural landscapes in mountainous countries: history and modernity // Geographical studies of Siberia and the Altai-Sayan transboundary region: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Barnaul: Altay University Publ. house, 2021. P. 200–212 (In Russ.).

8. Дирин Д. А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. 2014. Вып. 138. С. 327–345.
Dirin D. A. Ethno-cultural landscapes of Altai: features of formation, spatial organization and development // Problems of Geography. 2014. Vol. 138. P. 327–345 (In Russ.).
9. Долгих Б. О. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района // Советская Азия. 1929. № 2. С. 62–64.
Dolgih B. O. Population of the Taimyr Peninsula and the adjacent area // Soviet Asia. 1929. No. 2. P. 62–64 (In Russ.).
10. Дьяченко В. И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005. 272 с.
D'yachenko V. I. Hunters of high latitudes: Dolgans and No.rthern Yakuts. Saint-Petersburg: European House, 2005. 272 p. (In Russ.).
11. Захарова Н. Е. Семантическое пространство "тыа киһитэ / долган": концепт "киһи / человек" и тыа / тундра" // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А. В. Рудакова. Воронеж: РИТМ, 2023. Вып. 9. С. 99–104.
Zakharova N. E. Semantic space "tua kihite / dolgan": the concept "kihi / person" and tua / tundra" // Meaning as a phenomenon of the actual language consciousness of a native speaker: a collection of scientific articles / Ed. by A. V. Rudakova. Voronezh: RITM, 2023. Vol. 9. P. 99–104. (In Russ.).
12. Калуцков В. Н. Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: Постановка проблемы // Рябининские чтения. Музей-заповедник "Кижи". Петрозаводск, 2007. С. 54–56.
Kaluckov V. N. Cultural-landscape zoning of the Russian No.rth: Statement of the problem // Ryabinin Readings. Museum-reserve "Kizhi". Petrozavodsk, 2007. P. 54–56. (In Russ.).
13. Калуцков В. Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: Дис. … доктора геогр. наук. М., 2009. 295 с.
Kaluckov V. N. Landscape concept in cultural geography: Diss. … Doctor in Geography. Moscow, 2009. 295 p. (In Russ.).
14. Куклина В. В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтнической среде: культурно-географический срез. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006. 117 с.
Kuklina V. V. Local communities of South Siberia in a multi-ethnic environment: cultural and geographical cross-section. No.vosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2006. 117 p. (In Russ.).
15. Ландшафт и культура народов Якутии. Сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы. Новосибирск: Наука, 2023. 344 с.
Landscape and culture of the peoples of Yakutia. Sacralization, symbolic strategies, geocultural images. No.vosibirsk: Nauka, 2023. 344 p. (In Russ.).
16. Лысенко А. В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития: Дисс. … доктора геогр. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2009. 328 с.
Lysenko A. V. Cultural landscapes of the No.rth Caucasus: structure, features of formation and trends of development. Diss. … Doctor in Geography. Stavropol': Stavropol University, 2009. 328 p. (In Russ.).
17. Манаков А. Г., Андреев А. А. Историко-географическое районирование России как междисциплинарный исследовательский проект // Псковский регионологический журнал. № 12. 2011. С. 101–112.
Manakov A. G., Andreev A. A. Historical and geographical zoning of Russia as an interdisciplinary research project // Pskov Regionology Journal. 2011. No. 12. P. 101–112. (In Russ.).
18. Национальный атлас Арктики. М.: Роскартография, 2017. 496 с.
National Atlas of the Arctic. Moscow: Roskartografiya, 2017. 496 p. (In Russ.).
19. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
Turovskij R. F. Political landscape as a category of political analysis // Series 12: Political Science Bulletin of Moscow University. 1995. No. 3. P. 33–44 (In Russ.).
20. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М.: Ин-т Наследия, 1998. 210 с.
Turovskij R. F. Cultural Landscapes of Russia. Moscow: Heritage Institute, 1998. 210 p. (In Russ.).
21. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.
Ubryatova E. I. Language of No.rilsk Dolgans. No.vosibirsk: Nauka, 1985. 216 p. (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Виктория Викторовна Филиппова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: filippovav@mail.ru

Лилия Иннокентьевна Винокурова, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: lilivin@mail.ru

Яна Михайловна Санникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: sannikowa@mail.ru

Наталия Егоровна Захарова, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: zakharova_nataly@mail.ru

Акулина Егоровна Захарова, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: linamestnikova@gmail.com

Information about the authors

Viktoriya V. Filippova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Arctic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: filippovav@mail.ru

Liliia I. Vinokurova, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Center for Arctic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: lilivin@mail.ru

Yana M. Sannikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Arctic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: sannikowa@mail.ru

Natalia E. Zakharova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: zakharova_nataly@mail.ru

Akulina E. Zakharova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnosociology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the No.rth, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: linamestnikova@gmail.com

Поступила в редакцию 28.10.2024 Одобрена после рецензирования 16.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 28.10.2024 Approved 16.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 158–168.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 158–168.

Научная статья
УДК 328.1
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/158-168

Особенности парламентаризма в Республике Индия

Виктор Алексеевич Бурлаков
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, burlakov.va@dvfu.ru
Лариса Николаевна Гарусова
Дальневосточный федеральный университет;
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, lgarusova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей функционирования парламентской системы в Республике Индия, основанной на вестминстерской модели. Целью исследования является анализ её основных принципов и особенностей, а также институциональных механизмов, обеспечивающих устойчивость демократических процедур в условиях полиэтничности и социальной фрагментированности индийского общества. Методологической основой служат историко-институциональный и компаративистский методы, а также метод анализа нормативно-правовых актов. В результате исследования автор приходит к выводу, что сложившая в Индии модель парламентаризма имеет тенденции к усилению роли исполнительной власти, но способствует сохранению баланса интересов различных групп и поддержанию политической стабильности. Работа может быть полезна для исследователей политических институтов в постколониальных государствах.
Ключевые слова: *парламентаризм, парламентская демократия, Индия, Лок Сабха, Раджья Сабха*
Для цитирования: Бурлаков В. А., Гарусова Л. Н. Особенности парламентаризма в Республике Индия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 158–168.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/158-168

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/158-168

Peculiarities of Parliamentarism in the Republic of India

Viktor A. Burlakov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, burlakov.va@dvfu.ru
Larisa Nikolaevna Garusova
Far Eastern Federal University; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, lgarusova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the functioning of the parliamentary system in the Republic of India, based on the Westminster model. The purpose of the study is to analyze its basic principles and features, as well as institutional mechanisms that ensure the sustainability of democratic procedures in the context of polyethnicity and social fragmentation of Indian society. The methodological basis is the historical-institutional and comparative methods, as well as the method of analyzing regulatory legal acts. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the model of parliamentarism that has developed in India tends to strengthen the role of the executive branch, but contributes to maintaining a balance of interests of various groups and maintaining political stability. The work can be useful for researchers of political institutions in postcolonial states.
Key words: *parliamentarism, parliamentary democracy, India, Lok Sabha, Rajya Sabha*
For citation: Burlakov V. A., Garusova L. N. Peculiarities of Parliamentarism in the Republic of India // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 158–168. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/158-168

Целью данной работы является анализ основных принципов и особенностей функционирования парламентской системы Республики Индия в период независимости. В фокусе исследования – роль парламента в легитимации власти и обеспечении устойчивости государственных институтов при сохранении баланса интересов различных частей индийского общества. В соответствии с принятой в 1950 г. конституцией в стране укрепилась так называемая вестминстерская модель, которая также описывается термином парламентская демократия.

Парламент Индии является ядром политической системы, обеспечивающим представительство штатов и различных политических сил, опирающихся на этноконфессиональные и социальные группы. За более чем семь десятилетий функционирования он доказал свою жизнеспособность и адаптивность к изменяющимся условиям.

Актуальность изучения парламентаризма в Индии связана с его недостаточной разработанностью в российской политической науке. Англоязыч-

© Бурлаков В. А., Гарусова Л. Н., 2025

ные исследователи (американские, британские, индийские) сосредоточены главным образом на проблемах конституционализма, затем следуют сравнительные исследования. Комплексный политологический анализ через понятие "политическая система" применяется редко. Российские политологи в основном изучают политические системы ведущих стран мира; лишь недавно усилился интерес к государствам Азии, включая Индию. В парламентской демократии страны проявляются новые тенденции – усиление роли партийных коалиций и региональных партий на выборах в нижнюю палату, рост значения парламентского контроля и изменение внутрипарламентских процедур.

История парламентаризма в Индии достаточно продолжительна. Сложившаяся модель, с одной стороны, укрепила режим управления, а с другой – обеспечила баланс интересов в сложном индийском обществе.

Методологическую базу исследования составляют такие методы, как историко-институциональный, компаративистский и метод анализа нормативно-правовых актов. Источниковую базу исследования составляют нормативно-правовые акты и регламенты, регулирующие деятельность современного парламента Индии, а также официальная информация ненормативного характера, присутствующая на официальных сайтах обеих палат.

"Исправление имён"

Исследование парламентаризма в Индии следует предварить определением основных терминов. К сожалению, в современной политической и юридической науке нет полного согласия о сущности таких понятий, как "парламентаризм" и "парламентская демократия". Не вдаваясь в продолжительный дискурс, можно согласиться с тем, что парламентаризм "представляет собой сложное политико-правовое явление и многоплановый процесс, которые предполагают в первую очередь, т. е. как исходную базу, наличие определенного представительного органа народа, призванного обсуждать и решать важнейшие вопросы жизни страны или региона, участвовать в государственном управлении" **[7, с. 18]**.

Следует сказать, что данное определение отличается от более популярного понимания парламентаризма как организации государственной власти, при которой ключевое значение приобретает парламент. В число сторонников данного подхода входят, прежде всего, авторы, занимающиеся изучением конституционного права. В качестве примера можно назвать профессоров М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина **[4, с. 228]**.

Среди политологов разброс мнений шире. Так, если авторы пособия "Теория и практика современного парламентаризма" практически полностью солидаризируются с учёными-юристами **[9, с. 10–11]**, то, например, М. А. Могунова определяет парламентаризм через понятие политического режима **[6, с. 27]**, а Росенко М. И. – через понятие института **[8, с. 225]**.

Приведённых примеров достаточно, чтобы показать разнообразие подходов к пониманию парламентаризма. Сведение его лишь к форме правления, институту или режиму неоправданно сужает понятие: тогда парламентаризм сводится к доминированию парламента в системе управления, а при отсутствии этого критерия он невозможен. По такой логике президентские республики и дуалистические монархии не могут рассматриваться через категорию парламентаризма, что противоречит политической практике.

Как политико-правовое явление парламентаризм позволяет выйти за рамки институционального измерения и сосредоточиться на сущностной стороне. Парламент выступает органом власти с определёнными полномочиями, его можно рассматривать как юридический институт. Однако отношения, формирующиеся вокруг него, шире рамок законодательства и задают специфику функционирования представительного органа, имеющую историческое и географическое измерение.

Следовательно, парламентаризм возникает вместе с парламентом и как явление охватывает все особенности и разновидности формирования и функционирования представительного органа. Большинство существующих на данный момент государств имеют парламенты. Парламенты существуют также у субъектов федераций, где их роль мало чем отличается от той, которую играют общегосударственные парламенты.

Важно также отметить, что парламенты в ходе исторического развития претерпевали существенные трансформации. Представительный орган одного и того же государства на разных этапах развития может существенно отличаться.

Но если парламентаризм представляет собой комплексное явление, то для обозначения формы государственного правления, основанной на доминирующем положении законодательно-представительного органа, авторы будут использовать термин "парламентская демократия".

В политической науке выделяется подтип парламентской республики. Однако большинство современных конституционных монархий, особенно европейских, по сути тождественны парламентским республикам: монархия здесь носит атрибутивный характер. Поэтому формы правления парламентская республика и конституционная монархия с доминирующим парламентом можно считать идентичными. Более универсален термин "парламентская демократия", отражающий критерий доминирующего парламента, а не способ занятия верховной должности.

Система парламентаризма, возникшая в Англии в XIII в., предполагала исключительные полномочия парламента в принятии законов и контроле за деятельностью правительства. Последнее одновременно давало советы монарху и исполняло решения парламента, что ограничивало верховную власть короля как в законодательной, так и в исполнительной сфере.

Эта модель государственного управления получила название Вестминстерской. Ключевыми принципами ее функционирования, согласно Бернару Манену, стали: "регулярные выборы представителей, частичная независимость представителей, свобода общественного мнения и принятие решений только после испытания дискуссией" **[5, с. 245]**.

Становление парламентаризма в Индии

К моменту обретения независимости в 1947 г. Индия уже обладала определённым опытом парламентской деятельности. Однако следует учитывать, что данные протопарламентские структуры создавались в условиях колониального господства и их основной целью было утверждение суверенитета Великобритании над Индией. Сначала элементы парламентаризма (индийские советы), а затем более развитые парламентские структуры (Государственный совет, Законодательное собрание и законодательные советы в провинциях) функционировали в первую очередь для того, чтобы легитимизировать британское господство. Естественно, что в таких условиях формирование полноценных парламентских структур, отвечающих интересам, прежде всего, индийского народа, было просто невозможно. Британцы лишь уступали небольшую часть властных полномочий для придания видимости участия индийцев в деле управления их страны, но сохраняли полный контроль над Индией. В этих условиях полноценные традиции индийского парламентаризма возникнуть просто не могли.

Первая робкая попытка введения совещательных органов управления предпринимается в ходе реформирования управления Индии после Индийского народного восстания 1857–1859 гг. Британский парламент принимает Закон об индийских советах (1861 г.), согласно которому при вице-короле, губернаторах трёх президентств и губернаторах-наместниках Северо-Западной провинции и Пенджаба были созданы законодательные советы с совещательными функциями. Не менее половины членов советов должны были назначаться из лиц, не состоявших на государственной службе **[2, с. 317]**.

Данное положение теоретически позволяло индийцам участвовать в работе данных советов. Однако небольшая численность членов советов, жёсткий контроль за назначением этих членов и ограниченные полномочия не могли создать полноценную базу для формирования парламентаризма в Индии.

В 1892 г. в закон были внесены поправки, увеличивающие количество членов советов, назначаемых из негосударственных служащих. Кроме того, советы получили возможность обсуждать финансовый отчёт за каждый год. Однако кардинально положение этих советов не изменилось.

Существенные подвижки в системе индийских советов связаны с реформой Морли – Минто[1] 1909 г. В ходе реформы был принят Закон об индийских советах 1909 г., который вносил изменения в предыдущие акты 1861 и 1892 гг. Согласно этому закону, число членов Центрального (имперского) и провинциальных законодательных советов выросло со 124 до 331, а число выборных членов с 39 до 136 **[13, с. 61]**. При этом в провинциальных советах отменялось так называемое "официальное большинство", т. е. такая система, при которой большая часть совета назначалась губернаторами из числа чиновников колониальной администрации, как правило, членов Индийской гражданской службы.

Выборы так называемых "неофициальных" членов советов, т. е. тех, кто не состоял на службе, были ограничены рядом формальностей: высоким имущественным цензом, непрямыми выборами и наличием избирательных курий.

Данная схема создавала неограниченные возможности для контроля со стороны администрации за составом советов. Попадание оппозиционно настроенных делегатов исключалось в принципе. Собственно цель реформы состояла в том, чтобы опереться на умеренные и лояльные английским властям прослойки индийского общества **[13, с. 62]**.

В истории формирования парламентаризма в Индии индийские советы сыграли определенную роль и способствовали некоторой демократизации системы управления. Но говорить об индийских советах, как о парламентской системе не представляется возможным.

Существенный импульс развитию парламентаризму в Индии дали Законы об управлении Индией 1919 и 1935 гг. Первый из них провёл существенное реформирование системы управления Британским Раджем. Основой реформ стал доклад Монтегю – Челмсфорда[2], описывавший основные пороки данной системы. Одна из целей реформы была обозначена как привлечение на высшие государственные посты индийцев. Для её достижения Закон 1919 г. предусматривал формирование законодательной власти, состоящей из вице-короля, Государственного совета и Законодательного собрания.

Вице-король сохранял абсолютные полномочия и мог заблокировать любой законопроект, инициированный законодательной властью.

Законодательное собрание, избиравшееся раз в три года, состояло из 26 назначаемых официальных членов (как правило, эту категорию составляли высшие должностные лица колониальной администрации, главным образом британцы), 14 назначаемых общественных представителей и 100 избираемых членов. Количество членов собрания могло изменяться в соответствии с принимаемыми актами. Формально собрание могло принимать новые законы, отзывать принятые ранее законы и вносить поправки. Но эти полномочия разбивались о власть вице-короля.

Полномочия Государственного совета ограничивались пятилетним сроком. Совет состоял из 60 членов, 33 из которых избирались, а остальные назначались вице-королем **[11, с. 24]**.

Полномочия Государственного совета и Законодательного собрания не были чётко разграничены, что создавало определённые проблемы в процессе их функционирования.

Важным новшеством стало введение прямых выборов. Однако высокий имущественный ценз очень сильно ограничивал число избирателей. Так, на выборах 1920 г. общее число избирателей, участвовавших в голосовании, составило 17 364 человека – в Государственный совет и 909 874 человека – в Законодательное собрание **[13, с. 84]**. Кроме того, сохранялась система избирательных курий, введённая ещё в 1909 г.

Законом 1919 г. был расширен состав и провинциальных законодательных советов. При этом порядка 70 % их членов избирались, а 30 % назначались губернаторами провинций. Интересно заметить, что в провинциях был

---

[1] Реформа получила название по именам министра по делам Индии Джона Морли и вице-короля Индии Гилберта Эллиота Минто.

[2] Доклад получил название по именам министра по делам Индии Эдвина Монтегю и вице-короля Индии Фредерика Тесиджера Челмсфора.

создан своеобразный прототип "ответственного правительства". Из членов советов губернатор назначал министров, отвечавших за определённые направления деятельности. Министры в какой-то мере были подотчётны совету, но подчинялись губернатору. В силу отсутствия у министров финансовых полномочий, данная система, получившая наименование "диархия", оказалась неработоспособной.

Принятый в 1935 г. Закон об управлении Индией (иногда его называли конституцией 1935 г.) детализировал систему управления британской колонией. В части, касающейся парламента, изменения по сравнению с Законом 1919 г. не носили принципиального характера. Законодательная власть делегировалась Центральному законодательному собранию, которое "должно состоять из двух палат: Государственного совета – верхней палаты (в составе 276 членов, из которых 104 назначались князьями) и Федеральной ассамблеи – нижней палаты (375 членов, от княжеств – 125). Депутаты в Центральное законодательное собрание должны были избираться членами законодательных собраний провинций" **[13, с. 204]**.

Центральное собрание наделялось полномочиями принятия законов, однако они, по сути, нивелировались правами, закреплёнными за вице-королем (право вето и право издавать указы, имеющие силу закона).

Некоторая демократизация произошла на провинциальном уровне. Во-первых, отменялась диархия, предусмотренная Законом 1919 г. Теперь министры правительства, назначаемые из числа членов законодательного собрания, становились формально ответственными перед собранием. Во-вторых, до 30 млн человек (16 % взрослого населения) увеличивалось число избирателей. Выборы оставались прямыми, но количество избирательных курий возросло до 12 **[13, с. 203]**.

Хотя Закон 1935 г. создавал ограниченные возможности для формирования парламентаризма в Индии, разразившаяся Вторая мировая война приостановила данный процесс. После же её окончания большее значение получил вопрос получения Индией полной независимости.

В завершение обзора интересно заметить, что определённую роль в формировании парламентаризма в Индии также сыграл созданный в 1885 г. Индийский национальный конгресс. На первоначальной стадии своего существования он представлял собой своеобразный общественный парламент. ИНК не был органом государственной власти, но в рамках его сессий шли серьезные дискуссии о будущем страны. Созданный как "предохранительный клапан" для стравливания накопившегося у индийцев недовольства, он в 1920 г. с изменением статуса и формата функционирования превращается в общенациональную политическую организацию. Для многих государственных деятелей независимой Индии ИНК стал своего рода школой парламентаризма.

Характеризуя процесс становления парламентаризма в Индии, следует сказать, что к моменту независимости страна подошла с некоторыми зачатками парламентской традиции. Парламентские структуры колониальной Индии были очень ограничены по своим полномочиям. Но данная система представлялась многим общественно-политическим деятелям страны оптимальной для решения внутренних противоречий нового независимого государства.

Индийский парламентаризм на современном этапе

В парламентской системе, принятой в Индии по конституции 1950 г., мы находим, с одной стороны, практически прямое заимствование Вестминстерской модели (с заменой монарха президентом), а с другой – развитие основных положений Закона об управлении Индией 1935 г.

Парламентская демократия оказывается вполне действенной системой управления страной, так как позволяет обеспечить представительство большинства социальных, этнических и конфессиональных групп государства. В период формирования независимой Индии это было ключевым требованием.

Парламент Индии (Бхаратия Сансад) состоит из Президента Индии и двух палат: нижней – Народная палата (Лок Сабха́, англ. – House of the People) и верхней – Совет штатов (Раджья Сабха́, англ. – Council of States) **[29]**. Президент не является членом ни одной из палат парламента. Он вхо-

дит в ту или иную палату, чтобы представить своё обращение. Главой верхней палаты по должности (ex officio) является вице-президент.

Конституция Индии является основополагающим документом, подробно описывающим все стороны работы парламента. В законодательной практике Республики Индия не требуется детализации положений Конституции при помощи отдельных законов. Специальными законами могут регулироваться только те положения, которые не затронуты основным текстом Конституции.

Детализации требуют лишь внутренние процедуры, которые регламентируются издаваемыми палатами специализированными документами. Для Лок Сабхи к числу таких документов относятся:

- Правила процедуры и ведения дел в Лок Сабха **[26]**;
- Указания спикера Лок Сабхи **[19]**;
- Предложения и резолюции в парламенте **[25]**;
- Правительство и парламент. Процедуры, которым должны следовать министерства в связи с парламентской работой **[21]**;
- Руководство по парламентским процедурам в Правительстве Индии **[24]**.

Для Раджья Сабхи такими руководящими документами являются:

- Правила процедуры и ведения дел в Совете штатов (Раджья Сабха) **[27]**;
- Указания Председателя Раджья Сабха в соответствии с правилами процедуры и ведения дел в Раджья Сабха **[18]**;
- Решения и замечания председателя **[28]**.

Основное назначение подобных документов – чёткое описание правил и процедур законотворческой деятельности и регламентация законодательного процесса в рамках соответствующих палат. Они не являются законами в полном смысле слова, но имеют важное значение для организации внутренней работы законодательных органов.

Раджья Сабха – это палата, ответственная за представительство штатов Индии в союзном парламенте. Часто её сравнивают с Сенатом Конгресса США, основной задачей которого является выражение позиций штатов на федеральном уровне. По своим функциям Раджья Сабха уступает Лок Сабхе, но может существенно повлиять на нижнюю палату в процессе принятия законов. Кроме того, верхняя палата менее тесно связана с правительством страны, а потому может доставить ему определенные неприятности. Раджья Сабха состоит из 245 членов, 233 из которых назначаются законодательными собраниями штатов и некоторых союзных территорий, а 12 назначаются Президентом. Срок полномочий членов палаты составляет шесть лет. При этом каждый чётный год палата обновляется на одну треть. Раджья Сабха не может быть распущена, следовательно, это единственный постоянно действующий орган государственной власти.

Структурно Раджья Сабха состоит из председателя палаты, который является вице-президентом республики, заместителя председателя и членов палаты, которые разделены на правящий блок, возглавляемый лидером палаты, оппозицию, возглавляемую лидером оппозиции и его заместителем. На данный момент к правящему блоку относится 133 члена палаты, 107 – в оппозиции и 5 мест остаются пока вакантными **[23]**.

Председателю Раджья Сабхи также подчиняется генеральный секретарь, который возглавляет секретариат палаты. Это административный орган, состоящий из государственных служащих и наёмных работников, обеспечивающих работу верхней палаты. Несмотря на то, что секретариат не является избираемым органом, его значение в работе палаты крайне высоко. Соотношение количества сотрудников к количеству депутатов обеих палат оценивается в Индии как 5:1 **[3, с. 31]**. Сотрудники берут на себя всю "черновую" работу депутатского корпуса.

Полномочия верхней палаты индийского парламента достаточно ограниченны. Палата имеет право законодательной инициативы по всем вопросам, кроме финансовых. Также она утверждает законопроекты, принятые нижней палатой, и может задержать их до шести месяцев. По истечению этого срока Лок Сабха должна вторично утвердить остановленный законопроект, и тогда он направляется на утверждение президента. Финансовые законопроекты должны быть рассмотрены в течение двух недель **[10, с. 46]**.

Ключевую роль в парламенте страны играет, конечно же, нижняя палата – Лок Сабха. Палата формируется в ходе всеобщих выборов. 543 члена Лок Сабхи избираются на пять лет по мажоритарной системе. Победившая на выборах партия или партийная коалиция оказывает определяющее влияние на формирование правительства страны (Союзный Совет министров) и назначение его главы (премьер-министра). Важно заметить, что премьер-министр и все министры остаются членами парламента и могут принимать участие в его работе. Утрата поддержки со стороны нижней палаты фактически означает отставку правительства. Правда, Президент Индии обладает правом роспуска Лок Сабхи по рекомендации правительства. Однако данная мера не сильно уменьшает значение нижней палаты, так как ее роспуск фактически означает и роспуск правительства. Депутатам-министрам нужно будет приложить определенные усилия для того, чтобы переизбраться в новый парламент и получить в нем достаточную поддержку для переформирования правительства.

Структура Лок Сабхи в целом идентична структуре верхней палаты. Её возглавляет спикер, которому положен заместитель, но чаще всего данная должность остаётся вакантной. Положение спикера имеет двойственный характер. С одной стороны, его деятельность прозрачна и сильно ограничена процедурами и регламентами. Но, с другой стороны, он может активно влиять на повестку дня и накладывать дисциплинарные наказания на членов палаты. Кроме того, так же, как и в Раджья Сабхе спикеру подчиняется генеральный секретарь, возглавляющий секретариат нижней палаты.

Как и в Раджья Сабхе депутаты Лок Сабхи представлены двумя блоками: правящим большинством и оппозицией. Первый блок возглавляет Лидер палаты, которым обычно становится лидер победившей партии, т.е. премьер-министр. Оппозицию возглавляет лидер оппозиции, которым становится лидер партии, занявшей на выборах второе место. По результатам 18-х общеиндийских выборов, прошедших в апреле – мае 2024 г., 543 места в палате распределены следующим образом: блок Национальный демократический альянс во главе с Бхаратия Джаната Парти – 293 места, оппозиция получила 234 места, и одно место пока остаётся вакантным **[22]**.

Именно на нижнюю палату возлагается основная нагрузка по законотворческой деятельности в стране. Но ключевой функцией палаты является, конечно, формирование правительства республики.

В деятельности обеих палат индийского парламента большое значение играют комитеты – внефракционные органы, создаваемые палатами для решения большинства текущих дел.

По своим типам комитеты делятся на:

- финансовые. Три таких комитета действуют только в Лок Сабхе;
- постоянные отраслевые комитеты, осуществляющие постоянное взаимодействие с соответствующими министерствами. В состав этих комитетов входят, как правило, депутаты обеих палат. Но в зависимости от того, депутат какой палаты возглавляет комитет, его относят к соответствующей палате. Поэтому в Лок Сабхе числится 16 комитетов, а в Раджья Сабхе – 8;
- другие постоянные комитеты, деятельность которых связана с организацией работы палат. Лок Сабха – 17, Раджья Сабха – 12;
- специальные комитеты, создаваемые временно для решения конкретных проблем. На данный момент в палатах по одному действующему комитету подобного типа **[16; 17]**.

После 1991 г. роль комитетов возросла: увеличилось их число, расширились функции по обсуждению законопроектов и взаимодействию с правительством. Министры не могут входить в их состав, а значительная часть депутатов правящего большинства уходит в правительство, из-за чего комитеты нередко оказываются под контролем оппозиции, которая получает возможность влиять на работу кабинета.

В качестве примера можно рассмотреть работу комитета Лок Сабхи по внешним связям. Комитет состоит из 31 депутата, 21 из которых являются членами Лок Сабхи, а 10 – Раджья Сабхи. С 26 сентября 2024 г. председателем комитета является депутат нижней палаты от ИНК д-р Шаши Тарур **[20]**, в силу чего комитет числится в Лок Сабхе. Комитет взаимодействует с

Министерством иностранных дел, которое в своей работе должно учитывать рекомендации комитета **[15]**.

Подводные камни парламентской демократии

Рассматривая общие тенденции развития парламентаризма в Индии вообще и сложившуюся на данный момент модель парламентской демократии в стране в частности, можно согласиться с мнением индийского правоведа Бридж Кишора Шармы о том, что "индийская модель воплотила в себе основные особенности парламентской демократии" **[14, p. 143]**. Об этом свидетельствуют такие основные признаки:

- кабинет министров, как часть парламента. Ни один министр не может стать таковым, не будучи депутатом одной из палат парламента;
- контроль над кабинетом министров. Кабинет может осуществлять свою деятельность только тогда, когда имеет большинство в нижней палате парламента;
- ежедневная ответственность. Министры, входящие в правительство, постоянно взаимодействуют с депутатами парламента через набор специальных процедур: правительственный час, парламентские запросы, обсуждения в комитетах и т.д.;
- финансовый контроль. Нижняя палата парламента обладает исключительными полномочиями на принятие всех финансовых законов;
- принятие общегосударственных законов. Данная функция остается одной из основных прерогатив парламента;
- бдительность. Парламентарии постоянно отслеживают деятельность правительства **[14, p. 143-144]**.

Однако парламентская демократия не очень хорошо вписывается в классическую теорию разделения властей и концепцию сдержек и противовесов, так как отличается явной асимметрией властных полномочий. Формально законодательные и контрольные функции представительного органа превалируют над функциями исполнительной власти. Кроме того, формирование правительства из числа депутатов создаёт дополнительные возможности для оказания давления на него. Интересно отметить, что в Конституции Индии Президенту посвящена 21 статья, парламенту – 43, а Совету министров – только 4.

Вместе с тем, доминирование парламента в Вестминстерской системе – это только кажущееся явление. Реальность такова, что центр принятия решений из представительного органа перетек в исполнительный, и основные полномочия по управлению страной сконцентрировались в руках премьер-министра и возглавляемого им правительства. Ключевым фактором оказалась деятельность политических партий. Описывая работу британского парламента, Г. Алмонд указывает: "Чтобы возглавить правительство, политический деятель должен быть избран лидером своей партии. Чтобы остаться на посту премьер-министра, политический деятель должен сохранить и оправдать доверие как своей партии, так и избирателей" **[1, с. 309]**. Всё это вполне справедливо и для индийского парламента.

Победа партии на парламентских выборах позволяет ей формировать правительство только из однопартийцев и своих сторонников. Естественно, что на получение мест в правительстве могут рассчитывать, прежде всего, наиболее влиятельные члены партии, составляющие её руководящее ядро. Таким образом, правительство через систему партийной дисциплины устанавливает контроль над парламентской фракцией, которая вряд ли пойдёт наперекор своему руководству. С 1985 г. с принятием 52-й поправки к конституции и 10-го приложения к ней партийная дисциплина была подкреплена конституционным положением о запрете изменения партийной принадлежности **[29]**.

Правительство, опирающееся на большинство в Лок Сабхе, получает практически неограниченные полномочия в исполнительной и законодательной сферах. Парламент фактически ограничивается формированием кабинета и поддержкой его законопроектов, а мнение оппозиции редко учитывается. Инструменты парламентского контроля существуют, но не позволяют существенно влиять на деятельность правительства.

Отсюда встаёт вопрос, можно ли такую модель считать демократической. Формальные атрибуты – всеобщие выборы, многопартийность, ответ-

ственность правительства перед парламентом – способны лишь прикрывать жёсткий авторитаризм. Логично и следующее: в каком направлении будет развиваться данная модель и какие тенденции возобладают.

Так, интересно отметить, что советский учёный-востоковед Н. А. Симония, характеризуя политическую систему Индии, сформировавшуюся в 50–70-е гг. XX в., идентифицирует её как "парламентский авторитаризм". С его точки зрения, с момента независимости парламентская демократия "была сцементирована раствором традиционалистской авторитарности, прошита нитями традиционных общественных отношений" **[12, с. 298]**, а потому оказалась достаточно жизнеспособной. Кроме того, в основе государственного строительства в Индии лежал политический компромисс верхушечных слоёв господствующих классов.

С данным утверждением в целом можно согласиться. Действительно, в обозначенный период индийской независимости авторитарные тенденции явно превалировали. При этом существующая парламентская модель только этому способствовала. Политические позиции Индийского национального конгресса казались незыблимыми. Однако в 1977 г. монополия ИНК была подорвана в первый раз. К этому моменту наблюдается преодоление кризисных явлений в индийской экономике, связанных с обретением независимости, а также расширение и укрепление конкурирующих политических партий.

Слабое лидерство Джаната парти длилось три года и уже в 1980 г. ИНК возвращает утраченные позиции на десять лет. Гибель Раджива Ганди в 1990 г. и экономические реформы правительства В. П. Нарасимхо Рао в 1992–1997 гг. подорвали абсолютное доверие к ИНК. Результатом становится победа Бхаратия Джаната Парти и формирование правительства, которое возглавил Атал Бихари Ваджпаи. В 2004 г. Индийский национальный конгресс опять формирует правительство и остаётся у власти на два срока, однако становится совершенно очевидным, что победа одной какой-либо партии невозможна. Наступило время коалиций, формируемых как из общенациональных, так и региональных партий. Начавшийся в 2024 г. третий срок пребывания БДП у власти только подтверждает данную тенденцию.

Данная иллюстрация свидетельствует, что индийская модель парламентской демократии не оставалась неизменной. В 1980–90-е гг. явно наблюдается тенденция к плюрализации политического ландшафта, увеличению числа политических акторов, большей включённости различных групп населения в политические процессы. Становится очевидным, что авторитарные методы управления не дают желаемого эффекта и способны наоборот вызвать сопротивление.

В заключении можно констатировать, что сложившаяся в Индии модель парламентской демократии, при наличии внешних атрибутов демократического государства, всё же отличается присутствием значительного количества элементов авторитаризма. При этом, если авторитарные тенденции в общественных отношениях могут объясняться какими-либо национальными особенностями и традициями, то проявление авторитаризма в системе государственного управления способствует именно сложившейся модели парламентской демократии, которая характеризуется усилением роли исполнительной власти. Взятая за основу вестминстерская модель уже содержала в себе определенные проявления авторитарных тенденций. Продолжительное доминирование одной партии (Индийского национального конгресса) усилило эти тенденции. Трансформации на стыке веков создают новую схему отношений, основанную на сложном механизме партийных коалиций. Эта схема выступает своеобразным тормозом движения к полному авторитаризму, но остановить эти тенденции не может.

Вместе с тем, индийский парламентаризм содержит в себе и явно позитивные моменты. Институциональная устойчивость и готовность к согласованности при принятии решений свидетельствуют о высоком потенциале дальнейшего развития парламентаризма в Индии как ключевого механизма обеспечения политической стабильности.

Литература / References

1. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
   Almond G. Comparative politics Today: a world view / G. Almond, G. B. Powell, K. Strom, R. Dalton. Moscow: Aspectpress, 2002. 537 p. (In Russ.).
2. Антонова К. А. История Индии / К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский. М.: Мысль, 1979. 608 с.
   Antonova K. A. History of India / K. A. Antonova, G. M. Bongard-Levin, G. G. Kotovskii. Moscow. Mysl', 1979. 608 p. (In Russ.).
3. Зазнаев О. И. Модификация классической модели парламентаризма в условиях новейших вызовов XXI века // Политическая наука. 2024. № 3. С. 18–42. http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.01
   Zaznaev O. I. Modification of the classical model of parliamentarism in the context of the latest challenges of the 21st century // Politicheskaya nauka. 2024. No. 3. C. 18–42. http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.01 (In Russ.).
4. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М.: Норма. 2022. 864 с.
   Constitutional law of foreign countries: textbook / edited by M. V. Baglai, Yu. I. Leibo, L. M. Entin. Moscow: No.rma. 2022. 864 p. (In Russ.).
5. Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рощина; нач. ред. О. В. Хардонин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. 323 с.
   Manin B. The principles of representative government // Transl. from Engl. by E. N. Roshchina; chief ed. O. V. Khardonin. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2008. 323 p. (In Russ.).
6. Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М.: РГГУ, 2001. 350 с.
   Mogunova M. A. Scandinavian parliamentarism: theory and practice. Moscow. RSUH, 2001. 350 p. (In Russ.).
7. Плаксий С. И. Парламентаризм современных государств. М.: РУСАЙНС, 2025. 124 с.
   Plaksiy S. I. Parliamentarism of modern states. Moscow: RUSAINS, 2025. 124 p. (In Russ.).
8. Росенко М. И. Теоретико-методологические аспекты исследования парламентаризма в контексте политических систем и государственно-управленческого подхода // Право и государство: теория и практика. 2023. № 09 (225). С. 225–229. http://doi.org/10/47643/1815-1337_2023_9_225.
   Rosenko M. I. Theoretical and methodological aspects of the study of parliamentarism in the context of political systems and public administration approach // Law and state: theory and practice. 2023. No. 09 (225). P. 225–229. http://doi.org/10/47643/1815-1337_2023_9_225 (In Russ.).
9. Сивинцева О. В. Теория и практика современного парламентаризма [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие. Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. Пермь, 2022. 172 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Teoriya-I-Praktika-Sovremennogo-Parlamentarizma.pdf.
   Sivintseva O. V. Theory and Practice of Modern Parliamentarism: a teaching aid / Perm State National Research University. Electronic data. Perm, 2022. 172 p. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Teoriya-I-Praktika-Sovremennogo-Parlamentarizma.pdf (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
10. Шаумян Т. Л. Политическая система Индии: исторический опыт и перспективы // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. 2024. Специальный выпуск: Парламентаризм в странах Востока. С. 33–59. http://doi.org/ 10.56700/y5654-2430-4799-n
    Shaumyan T. L. Political system of India: historical experience and prospects // Power. National scientific and political journal. 2024. Special issue: Parliamentarism in the countries of the East. P. 33–59. http://doi.org/ 10.56700/y5654-2430-4799-n (In Russ.).
11. Шкитин Д. И. Акт об управлении Индией 1919 года и образование легислатур как начало "передачи власти" в Британской Индии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 23–28. http://doi.org/10.17223/19988613/57/3
    Shkitin D. I. The Government of India Act 1919 and the Formation of Legislatures as the Beginning of the "Transfer of Power" in British India // Bulletin of Tomsk State University. History. 2019. No. 57. P. 23–28. http://doi.org/10.17223/19988613/57/3 (In Russ.).
12. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1984. 582 с.
    Evolution of Eastern Societies: Synthesis of Traditional and Modern. Moscow. Main Editorial Board of Eastern Literature, Nauka Publishing House, 1984. 582 p. (In Russ.).
13. Юрлов Ф. Н. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
    Yurlov F. N. History of India. XX century. Moscow. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 920 p. (In Russ.).
14. Brij Kishore Sharma. Introduction to the Constitution of India. New Delhi, 2002. 366 p.

15. Committee on External Affairs // Lok Sabha – House of the People. URL: https://inlnk.ru/O1RywQ (accessed 1.07.2025).
16. Committee. Introduction // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/committee/introduction (accessed 1.07.2025).
17. Committees. General Information // Rajya Sabha – Council of States. URL: https://sansad.in/rs/committees/introduction (accessed 1.07.2025).
18. Directions by the Chairman, Rajya Sabha under the rules of procedure and conduct of business in Rajya Sabha. Rajya Sabha secretariat. New Delhi, June 2022 // Rajya Sabha. Council of States. URL: https://sansad.in/rs/about/procedures (accessed 1.07.2025).
19. Directions by the speaker under the rules of procedure and conduct of business in Lok Sabha. Tenth edition. Lok Sabha secretariat. New Delhi 2024 // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/about/procedures (accessed 1.07.2025).
20. Dr. Shashi Tharoor. Biography // Dr. Shashi Tharor. MP For Thiruvananthapuram and Author. URL: https://shashitharoor.in/biography (accessed 1.07.2025).
21. Government and parliament. Procedure to be followed by Ministries in connection with Parliamentary Work. Lok Sabha secretariat. New Delhi, September, 2024/Bhadra, 1946 (Saka) // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/about/procedures (accessed 1.07.2025).
22. List of Members // Lok Sabha – House of the People. URL: Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/members (accessed 1.07.2025).
23. List of Members // Rajya Sabha – Council of States. URL: https://sansad.in/rs/members (accessed 1.07.2025).
24. Manual of Parliamentary Procedures in the Government of India. Ministry of Parliamentary Affairs. July. 2019 // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/about/procedures (accessed 1.07.2025).
25. Motions and resolutions in parliament. Lok Sabha secretariat. New Delhi 2024 // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/about/procedures (accessed 1.07.2025).
26. Rules of procedure and conduct of business in Lok Sabha. Seventeenth edition. Lok Sabha secretariat. New Delhi 2024 // Lok Sabha – House of the People. URL: https://sansad.in/ls/about/procedures (accessed 1.07.2025).
27. Rules of procedure and conduct of business in the Council of States (Rajya Sabha). Ninth edition. Rajya Sabha secretariat. New Delhi, August, 2016 // Rajya Sabha – Council of States. URL: https://sansad.in/rs/about/procedures (accessed 1.07.2025).
28. Rulings and observations from the chair (2018–2022): a supplement. Rajya Sabha secretariat. New Delhi. June 2022 // Rajya Sabha. Council of States. URL: https://sansad.in/rs/about/procedures (accessed 1.07.2025).
29. The Constitution of India [As on 1st May, 2024] // Legislative Department. URL: https://legislative.gov.in/constitution-of-india/ (accessed 1.07.2025)

◆

Информация об авторах

Виктор Алексеевич Бурлаков, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Лариса Николаевна Гарусова, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО, Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Information about the authors

Viktor A. Burlakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Asia Pacific Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Larisa N. Garusova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Asia Pacific Department, Far Eastern Federal University; Chief Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Поступила в редакцию 15.07.2025 Одобрена после рецензирования 03.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025

Received 15.07.2025 Approved 03.08.2025 Accepted 25.08.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 169–178.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 169–178.

Научная статья
УДК 327(5-13:98)"20":316.75:327.5(100)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/169-178

Конструирование арктической идентичности Китая в условиях глобальной турбулентности

Яна Валерьевна Лексютина
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, lexyana@ya.ru

Аннотация. Сложившаяся система управления Арктикой проводит чёткое разграничение между арктическими и неарктическими странами, что ограничивает участие Китая в ней. Чтобы преодолеть это ограничение, Пекин прилагает усилия по конструированию своей идентичности в арктических делах и разработке новой философии управления Арктикой, которая предоставит неарктическим государствам более широкие возможности для участия в арктических делах. Статья представляет собой одно из первых в российской научной литературе исследований процесса концептуализации Китаем его идентичности в арктических делах. Цель данной статьи, выполненной в рамках дискурсивно-конструктивистского подхода, состоит в выявлении особенностей самопозиционирования Китая в арктических делах на каждом из этапов концептуализации его арктической идентичности. В качестве основного метода использован качественный дискурсивный анализ китайских научных текстов 2022–2025 гг., учитывающих особенности современной геополитической ситуации в Арктике и раскрывающих эволюцию внешнеполитической риторики и концептуализации арктической идентичности Китая. Построение идентичности представлено в статье как прошедшее три этапа: "неарктическая страна", "околоарктическая страна", "заинтересованная сторона в арктических делах". Сделан вывод о том, что современную арктическую идентичность Китая в идейном плане следует рассматривать как трёхуровневую систему, сочетающую философию концепции "сообщества единой судьбы человечества", "ответственной великой державы" и "заинтересованной стороны в арктических делах". Помимо вошедших в официальный оборот, в статье проанализированы и концепции, циркулирующие пока на экспертном уровне, – "сообщества единой арктической судьбы" и "Глобальной Арктики". Также суммированы китайские оценки влияния новой ситуации глобальной турбулентности на формирование арктической идентичности Китая. Сделан вывод о продолжающейся работе китайских учёных по обеспечению идейно-теоретической поддержки повышению роли Китая в управлении Арктикой вплоть до обретения им статуса и прав, равных арктическим странам.
Ключевые слова: *Китай, Арктика, арктическая идентичность, "заинтересованная сторона в арктических делах", "сообщество единой судьбы человечества", "сообщество единой арктической судьбы", управление Арктикой, "Глобальная Арктика"*

Статья выполнена за счёт гранта Российского научного фонда 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

Для цитирования: Лексютина Я. В. Конструирование арктической идентичности Китая в условиях глобальной турбулентности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 169–178.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/169-178

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/169-178

The Construction of China's Identity in Arctic Affairs Against the Background of Global Turbulence

Yana V. Leksyutina
Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
Petersburg State University, RANEPA, Saint-Petersburg, Russia, lexyana@ya.ru

Abstract. The current Arctic governance draws a clear distinction between Arctic and non-Arctic countries, which limits China's participation in it. To overcome this limitation, Beijing has been making efforts to construct its identity in Arctic affairs and develop a new philosophy of Arctic governance that will provide non-Arctic states with greater opportunities to participate in Arctic affairs. This article is one of the first study in Russian scientific literature on the process of China's conceptualization of its identity in Arctic affairs. The purpose of this article, written within the framework of a constructivist approach, is to identify the features of China's self-positioning in Arctic affairs at each stage of the conceptualization of its Arctic identity. The main method used is a qualitative discursive analysis of Chinese research literature from 2022–2025, taking into account the peculiarities of the current geopolitical situation in the Arctic and revealing the evolution of foreign policy rhetoric and conceptualization of China's Arctic identity. The article presents China's identity as having gone through three stages: "non-Arctic country", "near-Arctic country", "stakeholder in Arctic affairs". It is concluded that China's current Arctic identity should be considered ideologically as a three-tier system combining the philosophy of the concept of "community with a common destiny for mankind", "responsible great power" and "stakeholder in Arctic affairs". In addition to those that are widely used in Chinese official documents, the article also analyzes concepts that are still circulating at the expert level – "community with a common Arctic destiny" and "Global Arctic". It also summarizes Chinese assessments of the impact of the new geopolitical situation on the formation of China's Arctic identity. It is concluded that China's work on theoretical justification of increasing China's role in Arctic governance up to its acquisition of status and rights equal to the Arctic countries will be continued.
Key words: *China, Arctic, Arctic identity, "stakeholder in Arctic affairs", concept of "community of shared destiny for mankind", "community of shared Arctic destiny", Arctic governance, Global Arctic*

The article is supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00379, https://rscf.ru/project/25-18-00379/

For citation: Leksyutina Ya. V. The Construction of China's Identity in Arctic Affairs Against the Background of Global Turbulence // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 169–178.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/169-178

© Лексютина Я. В., 2025

По мере роста интереса Китая к Арктике и расширения его арктической деятельности прослеживается интенсификация усилий Пекина в вопросах разработки концептуальных обоснований его притязаний на большую роль в системе управления Арктикой. Традиционная система управления Арктикой, в основе которой находится Арктический совет с восемью арктическими странами – его членами, проводит чёткое разграничение стран на арктические и неарктические, и причисление Китая ко второй категории, как полагают в Китае, сдерживает реализацию интересов этой страны и серьёзно ограничивает её участие в управлении Арктикой. Китайские эксперты отстаивают тезис о том, что Китай, как и другие неарктические страны, должен получить возможность пользоваться широким спектром "законных прав и интересов" (合法权益) в Арктике, тогда как традиционная система управления Арктикой, созданная арктическими странами, игнорирует их **[11, с. 48]**. Отдельные китайские эксперты ситуацию в области управления Арктикой даже характеризуют как наличие узкого привилегированного клуба арктических стран и всех остальных неарктических стран, что "привело к дискриминации и даже исключению стран за пределами региона из участия в арктических делах" **[5, с. 102]**.

В этой связи, в Китае всё возрастающее значение придаётся конструированию "арктической идентичности" (北极身份) – задаче, имеющей чисто утилитарный характер как направленной на выстраивание такого самопозиционирования на мировой арене в вопросах управления Арктикой, которое позволило бы Китаю обосновать его место и право играть весомую роль в арктическом порядке. Всплеск интереса в Китае к изучению феномена международной идентичности и целенаправленная работа по её построению относятся к рубежу XX-XXI вв., когда в развитии китайской дисциплины международных отношений произошёл "конструктивистский поворот". Увлечение китайских учёных-международников конструктивизмом привело к тому, что вопрос осмысления международной идентичности Китая стал одним из центральных исследовательских вопросов **[4, с. 65–66]**. Здесь важно уточнить, что под международной идентичностью государства принято понимать субъективные представления государства о "себе" и "других", о международной системе и своём месте в ней, приписывание себе определённых характеристик, ролей и функций на мировой арене (иными словами, самопозиционирование), равно как и ожидания относительно ролей и функций других государств **[4, с. 64–65]**.

Целью данной статьи, выполненной в рамках дискурсивно-конструктивистского теоретико-методологического подхода, выступает выявление особенностей самопозиционирования Китая в арктических делах на каждом из пройденных Китаем этапов концептуализации его арктической идентичности. В рамках дискурсивно-конструктивистского подхода международная идентичность государства рассматривается как социально сконструированная категория, формируемая через дискурсивные практики и интерпретации политическими акторами. Анализ основан на предпосылке о том, что арктическая идентичность или позиционирование Китая в Арктике является не только отражением материальных интересов и ресурсов, но и результатом конструирования соответствующего образа "себя" и "других" в международных отношениях. В качестве основного метода использован качественный дискурсивный анализ китайских научных текстов 2022–2025 гг., учитывающих особенности современной геополитической ситуации в Арктике и раскрывающих эволюцию внешнеполитической риторики и концептуализации арктической идентичности Китая.

Эволюция самопозиционирования Китая в арктических делах

В исторической ретроспективе идентичность Китая в арктических делах прошла три основные стадии: стадия не противодействия китайской стороной географически обусловленному позиционированию "неарктической страной" (非北极国家), стадия самопозиционирования "околоарктической страной"[1] (近

[1] Термин "околоарктическая страна" впервые был использован Великобританией для самоидентификации с целью подчеркивания более высокого положения относительно неарктических стран в негласной иерархии государств, заинтересованных в участии в арктических делах

北极国家) и, наконец, стадия акцентирования себя в качестве "заинтересованного государства/стороны в арктических делах" (北极利益攸关国) – особой концептуальной рамке, выступающей одним из преломлений идентичности Китая как "ответственной великой державы" и лежащей в орбите концепции "сообщества единой судьбы человечества" **[12, с. 32]**.

Традиционно Китай рассматривается мировым сообществом как "неарктическая страна", и в целом в 1990-е гг. позиционирование Китаем своей собственной идентичности мало чем отличалось от такого видения. Основа этой идентичности исходила из географического положения Китая, характеризуемого "тремя не": Китай не был арктической прибрежной страной (имеющей прямой выход к Северному Ледовитому океану), не был страной с арктическими территориями (т.е. не имел территорий, находящихся за Северным полярным кругом) и не был страной, способной претендовать на арктический континентальный шельф **[12, с. 32]**. В 1990-е гг. Китай всё ещё находился на начальном этапе экономического роста и был сфокусирован на задачах реализации политики "реформ и открытости". Более того, у Китая тогда отсутствовала серьёзная материальная и технологическая база для масштабных полярных исследований (и уж тем более речь тогда не шла об участии Китая в хозяйственном освоении Арктики). Для осуществления арктического судоходства требовались, в частности, специализированные суда высокого ледового класса и члены экипажа со специальной подготовкой и опытом плавания во льдах. В этой связи арктическая деятельность Китая началась поздно и была ограничена во многих отношениях.

Свою первую научную экспедицию в Арктику для проведения исследований Китай отправил только в 1999 г. Более того, как указывает китайский эксперт Чжао Ян **[14, с. 102]**, в период, когда доминировало научно-исследовательское сотрудничество, формирование арктической идентичности не было важной задачей для Китая. Это было связано с тем, что, хотя Китай и участвовал в арктических научных исследованиях, его участие в арктических делах было весьма ограниченным. Он не полностью осознавал тогда важное политическое, экономическое и стратегическое значение Арктики **[14, с. 102]**.

Собственно процесс конструирования идентичности Китая в системе управления Арктикой начался на этапе его подготовки к присоединению к Арктическому совету в качестве наблюдателя (впервые Пекин подал заявку на получение статуса наблюдателя в 2007 г., а смог добиться его только в 2013 г.) и официально оформился на этапе определения и фиксации арктической идентичности Китая в Белой книге "Арктическая политика Китая" от 2018 г. Как отмечают эксперты Чжан Чэн и Ян Цзяци, с начала XXI в. и до XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (прошёл в ноябре 2012 г.) идентичность Китая в арктических делах была определена как "околоарктическая страна". Артикуляция тезиса о Китае как об "околоарктической" стране была попыткой Пекина прорваться через традиционную идентичность "неарктической страны" и в определённом смысле статусно сблизиться со странами Арктики **[12, с. 32]**.

Вместе с тем, по мере вовлечения Китая в арктические дела, всё более неотложной для него, как объясняют китайские эксперты, становилась задача формирования арктической идентичности. Создание арктической идентичности видится в Китае как позволяющее ему и соответствующим странам сформировать общее понимание основных принципов и правил управления Арктикой, содействующее принятию и признанию другими странами растущей практической деятельности Китая и его возрастающего влияния в арктическом регионе, а также открывающее больше пространства для сотрудничества Китая с другими странами в арктических делах на благо всего мирового сообщества **[14, с. 102]**.

Определение собственной идентичности как "околоарктической страны", как указывают китайские эксперты, имело слабые стороны и было не способно обеспечить достаточную легитимность участию Китая в арктических делах **[6,** с. **85; 10,** с. **51; 14, с. 104]** или, иными словами, – обеспечить призна-

(иерархия выстраивается в последовательности: приарктические или арктическая "пятёрка" / арктические или арктическая "восьмёрка" / "околоарктические" / неарктические). С 2010-х гг. этот термин стал активно артикулироваться и Китаем. Вместе с тем, официального международно-правового признания он не имеет.

ние арктической идентичности Китая другими странами. "Околоарктический статус" Китая был подкреплён преимущественно характеристиками географического положения Китая, такими как: расположение Китая в Северном полушарии; нахождение в северо-западной части китайского Синьцзян-Уйгурского автономного района истока реки Иртыш, впадающей через сибирские реки в Северный Ледовитый океан; остановка холодного воздушного потока со стороны Северного Ледовитого океана на северном склоне китайского хребта Тайшань **[3, с. 42]**. Конструирование арктической идентичности Китая лишь с опорой на географическое положение представлялось китайским экспертам недостаточным, необходимо было связать идентичность и с национальными интересами Китая **[2, с. 49]**, его правами и обязанностями.

Так, примерно с 2015 г. в дополнение к "околоарктической стране" стала формироваться еще одна идентичность Китая, которая на сегодняшний день может рассматриваться как основная, – Китай стал называть себя "заинтересованной стороной в арктических делах". В октябре 2015 г., когда в Рейкьявике на 3-м Форуме "Арктический круг" (Arctic Circle Forum) министр иностранных дел Ван И в видеообращении подчеркнул, что "Китай является важной заинтересованной стороной в Арктике" ("中国是北极的重要利益攸关方") и реализует три основные политические концепции в арктических делах, а именно "уважения, сотрудничества и взаимной выгоды", был сформирован прототип новой идентичности Китая в Арктике **[12, с. 32]**. Тогдашний заместитель министра иностранных дел Чжан Мин указал на 3-м Форуме, что Китай является конструктивным участником и партнёром в арктических вопросах, готов и способен вносить больший вклад в устойчивое развитие Арктики, а также подчеркнул в заключении своего выступления, что будущее Арктики связано не только с благополучием арктических стран и их народов, но и с общими интересами мирового сообщества, и Китай готов работать со всеми сторонами для построения "мирной, стабильной, экологически чистой и устойчивой Арктики" **[15]**.

К преимуществам использования категории "заинтересованной стороны в арктических делах" при артикуляции идентичности Китая китайские эксперты относят то, что она сигнализирует о наличии у Китая законных интересов в Арктике, которые должны уважаться другими странами, и одновременно о готовности и способности Китая взять на себя больше ответственности и внести больший вклад в участие в арктических делах на благо всего человечества **[14, с. 104]**. Более того, использование именно такого терминологического аппарата позволяет выйти за рамки традиционных границ классификации идентичности, таких как арктические страны и неарктические страны, государственные образования и негосударственные образования, и сформировать международный консенсус в более широком диапазоне **[12, с. 45]**.

Важно отметить то, что в китайском понимании идентичность Китая как "заинтересованной стороны в арктических делах" находится в тесной взаимосвязи и обусловленности более обширными китайскими концептуальными наработками, а именно, концепцией "сообщества единой судьбы человечества" и позиционированием Китаем себя как "ответственной великой державы" (负责任大国)[2]. После того, как на XVIII съезде Коммунистической партии Китая было предложено "построить сообщество единой судьбы человечества" и придерживаться общей позиции идентичности "ответственной великой державы", позиционирование Китаем себя как "заинтересованной стороны в арктических делах" стало более четким **[12, с. 32]**. Как указывают Гу Хуннэн и Жань Цзиньлань, обнародованное в сентябре 2015 г. председателем КНР Си Цзиньпином в ходе Генеральной Ассамблеи ООН предложение совместно создать "сообщество единой судьбы человечества" открыло новые перспективы для управления Арктикой **[7, с. 12]**.

Трёхуровневая система арктической идентичности Китая, концепции "сообщества единой арктической судьбы" и "Глобальной Арктики"

На текущем этапе китайские эксперты пишут об арктической идентичности Китая как о трёхуровневой системе, включающей позиционирование

[2] Подробно о современной международной идентичности Китая и о Китае как "ответственной великой державе" см. **[4, с. 63–76]**.

себя "заинтересованной стороной в Арктике" и "ответственной великой державой", а также концепцию "сообщества единой судьбы человечества". Такая трёхуровневая идентичность показывает, что Китай имеет право участвовать в управлении Арктикой, несёт обязанность поддерживать систему управления Арктикой и движим верой в построение арктического сообщества с общим будущим **[12, с. 45]**.

Вместе с тем, китайские эксперты указывают на противодействие, с которым Китай сталкивается в процессе формирования своей новой идентичности в арктических делах. Отмечается, в частности, заинтересованность некоторых стран в сохранении за Китаем идентичности "неарктической страны" в целях ограничения участия Китая в арктических делах и даже намеренное раздувание теории "китайской угрозы" и демонизация обычной деятельности Китая в Арктике **[14, с. 102; 12, с. 32]**. При этом разные арктические страны по-разному расставляют свои акценты в восприятии меняющейся идентичности Китая. Так, китайские эксперты указывают на то, что страны Северной Европы оценивают участие Китая в арктических делах в основном с позиции его соответствия международно-правовой базе, регулирующей связанные с Арктикой вопросы, и они в целом приветствуют участие Китая в делах управления Арктикой в соответствии с соответствующими международными договорами. Россия и Канада рассматривают деятельность Китая в Арктике через призму соответствия "внутренним законам своих стран", они не выступают против участия Китая в арктических делах *per se*, но требуют от Китая соблюдать правила навигации в Арктике и технические процедуры, сформулированные и принятые этими странами. США, напротив, искажают, преувеличивают и раздувают арктическую деятельность Китая, надеясь создать коалицию для коллективного давления на Китай с целью подавления, ограничения и исключения участия Китая из арктических дел **[11, с. 46]**.

В своих оценках китайские эксперты исходят из в целом достигнутого Россией и Китаем на самом высоком уровне консенсуса о комплементарности интересов двух стран в развитии арктического региона и его части – АЗРФ. Россия видится китайскими экспертами как близкий партнёр по арктическому сотрудничеству, в то время как основным оппонентом Китая – страной, которая пытается затруднить Китаю проведение арктической деятельности, – США. В частности, в китайских публикациях содержатся размышления о том, что США применяют к Арктике принцип "международного порядка, основанного на правилах", создают альянс в Арктике и намереваются доминировать и контролировать этот регион, исключив из него Китай и Россию **[9, с. 105]**. Использование Вашингтоном принципа "международного порядка, основанного на правилах" в Арктике показывает, что американский взгляд на арктический порядок сместился от сотрудничества к конкуренции, а арктическая политика США трансформировалась от отстаивания международного сотрудничества в Арктике к борьбе за доминирование там **[7, с. 105]**. Как пишут Гу Хуннэн и Жань Цзиньлань, Правительство США пытается использовать западные геополитические определения, чтобы ограничить развитие Арктики другими странами, ставя под сомнение легитимность участия "заинтересованных сторон в Арктике" (помимо восьми арктических стран) в арктических делах, и намеревается объединиться с арктическими прибрежными странами в целях монополизировать право на управление и развитие Арктики **[7, с. 7]**.

Ввиду международной конкуренции и геополитического соперничества великих держав, а также ограничений, накладываемых традиционной системой управления Арктикой, в основе которой находится Арктический совет, признание другими странами арктической идентичности Китая всё ещё ограничено. В этой связи построение арктической идентичности Китая, согласно китайским представлениям, должно включать три уровня:

1) необходимо следовать по пути "заинтересованной стороны в арктических делах", что подчеркивает общие интересы и стремление Китая установить больше связей с другими заинтересованными сторонами и способно усилить признание мировым сообществом арктической идентичности Китая;

2) необходимо подчеркнуть образ "ответственной великой державы", взять на себя инициативу по принятию ответственности великой державы за управление Арктикой, предоставить больше общественных благ для арктического региона, повысить авторитет Китая в системе управления Арктикой;

3) следует придерживаться дипломатического мышления концепции "сообщества единой судьбы человечества" и использовать двустороннюю и многостороннюю модель участия в управлении Арктикой с тем, чтобы сформировать концепцию "сообщества единой арктической судьбы" (北极命运共同体) и построить новый порядок международного сотрудничества в Арктике, сосредоточенный на "заинтересованных сторонах в арктических делах".

Китайские эксперты в последнее время всё чаще пишут о необходимости построения "сообщества единой арктической судьбы" **[8, с. 10; 9, с. 105]**. Они пытаются перенести концепцию "сообщества единой судьбы человечества" (人类命运共同体) на арктическое сотрудничество, обосновать необходимость внедрения в систему арктического сотрудничества принципа инклюзивности и, соответственно, проложить путь большей вовлечённости Китая в управление Арктикой. Ещё в 2018 г. крупный российский специалист по морской политике и арктическим вопросам П. Гудев характеризовал распространяемые Пекином дискурсивные практики как стремление размыть эксклюзивный характер взаимодействия арктической "пятерки", заменив его на более инклюзивный, основанный на широком привлечении внерегиональных государств и акторов **[1, с. 184]**.

Китайские эксперты обращают внимание на то, что устойчивое развитие арктического региона неразрывно связано с общими интересами мирового сообщества, и арктический регион не должен становиться передовой линией соперничества великих держав, а должен стать регионом для совместной защиты и совместного развития всех стран. В отличие от "индивидуализма" традиционной западной мысли, традиционная китайская философия, как утверждают китайские эксперты, подчёркивает единство и целостность и пытается управлять миром как целостной политической единицей для достижения общего счастья всех людей в мире. Концепция "сообщества единой судьбы человечества" основана на традиционной китайской философии, которая рассматривает мир как органическое целое, взаимосвязано и переплетено; она не только подчеркивая взаимозависимость всех членов мирового сообщества и необходимость глобального управления, но и выступает против одностороннего подхода в глобальном управлении, подчеркивает равенство стран. Концепция "сообщества единой судьбы человечества" воплощает диалектическое единство индивидуальных интересов и групповых интересов и способствует достижению совместных усилий всех стран по участию в управлении "ключевой областью, связанной с будущим выживанием и развитием человечества" и содействует миру, стабильности и устойчивому развитию в Арктике **[9, с. 105]**.

Как указывают Ли Чжэньфу, Ван Цюнь и Ци Синьли, основная проблема управления Арктикой заключается в том, как сбалансировать региональность и глобальность, то есть как разрешить противоречие между региональными делами, за которые выступают арктические страны, и глобальным участием, ожидаемым мировым сообществом **[8, с. 10]**. В решении этой проблемы, как полагают некоторые китайские эксперты, может помочь концепция "Глобальная Арктика", где под "глобальной Арктикой" подразумевается совокупность стран и регионов мира, имеющих тесные интересы в арктическом регионе с точки зрения политики, экономики, окружающей среды, культуры и т.д. **[8, с. 10]**. Китайские эксперты подчёркивают, что под влиянием изменения климата, международной политики и динамики экономического сотрудничества, показатели определения "глобальной Арктики" будут динамически корректироваться, и её географический охват также будет меняться. Например, если внутренний климат страны является аномальным из-за изменений в окружающей среде Арктики, или если она углубляет сотрудничество со странами Арктики ввиду изменений в международных отношениях и геополитической ситуации, она будет постепенно включаться в "глобальную Арктику"; и наоборот, если геополитическое влияние страны в арктическом регионе снижается, она постепенно выйдет из "глобальной Арктики" **[8, с. 10]**. Более того, в этой системе страны "глобальной Арктики" устанавливают связи посредством разработки природных ресурсов, совместных научных исследований, строительства инфраструктуры и другого проектного сотрудничества, что, в свою очередь, оказывает долгосрочное и далеко идущее влияние на арктический регион и глобальную среду **[8, с. 10]**.

По мнению китайских экспертов, сложившаяся на современном этапе геополитическая ситуация в Арктике, когда обозначился раскол между Россией и другими семью арктическими государствами, благоприятствует сотрудничеству Китая и России в Арктике с точки зрения развития концепции "Глобальной Арктики". Как указывают китайские эксперты, эта концепция направлена не на противопоставление интересов неарктических стран арктическим, а на поиск синергии между ними. И, в частности, синергии интересов и усилий в Арктике между Китаем и Россией. С одной стороны, у двух стран есть взаимодополняющие потребности в областях развития арктических судоходных маршрутов, разработки природных ресурсов, ведения совместных научных исследований и строительства инфраструктуры: у России нет эффективных средств и рабочей силы, она нуждается в постоянных и стабильных инвестициях Китая, чтобы достичь целей развития АЗРФ, а Китай, в свою очередь, участвуя в арктических делах, заинтересован в обеспечении энергетической безопасности и защите интересов судоходства **[8, с. 10]**.

С другой стороны, принятие концепции "Глобальной Арктики" и расширение карты международного сотрудничества за счёт расширения сотрудничества с неарктическими странами для России, как указывают китайские эксперты, может стать способом преодоления дипломатической изоляции, новой возможностью добиться прорыва в Арктике. Для Китая концепция "Глобальной Арктики" углубляет глубокую интеграцию интересов между Китаем и Россией, она не только демонстрирует позитивный настрой Китая и его существенный вклад в управление Арктикой, но и показывает мировому сообществу пример сотрудничества, а не конфронтации, выигрыша для всех, а не игры с нулевой суммой **[8, с. 11]**.

Традиционную модель арктического сотрудничества России с неарктическими странами китайские эксперты характеризуют ёмким выражением "Россия руководит, другие страны помогают" ("俄罗斯主导、其余国家辅助") и призывают на основе концепции "Глобальной Арктики" выстраивать новую модель, которая бы помогла выйти за рамки традиционной структуры сотрудничества и, таким образом, построить более справедливую и равноправную среду международного сотрудничества в Арктике **[8, с. 11]**.

Влияние новой геополитической ситуации в Арктике на формирование арктической идентичности Китая

Глобальная турбулентность, вызванная нынешней эскалацией международной конкуренции и геополитического соперничества великих держав, обусловила изменения в порядке управления Арктикой, что как способствует, так и ограничивает конструирование арктической идентичности Китая. Влияние изменений в порядке управления Арктикой на формирование арктической идентичности Китая китайские эксперты видят как проявляющееся в основном в двух аспектах. С одной стороны, Арктический совет фактически стал полем противостояния между западными странами и Россией, а существующая система управления Арктикой была всесторонне затронута и поставлена под сомнение. В Арктическом совете Китай и другие неарктические страны-наблюдатели сталкиваются с ситуацией продолжающегося разделения в Арктическом совете, а конкретные вопросы управления и работа рабочих групп в рамках Арктического совета были в той или иной степени приостановлены. С другой стороны, на фоне коллективного исключения России другими арктическими странами и стагнации существующего механизма управления Арктикой с Арктическим советом в качестве ядра, возможность открытия Россией нового порядка управления Арктикой значительно возрастает **[11, с. 47–48]**. Как и возрастает потребность "заинтересованных сторон в арктических делах" в обеспечении арктических прав и интересов и прекращении действия так называемой "доктрины Монро" в арктическом регионе **[11, с. 47–48]**.

В этой новой ситуации глобальной турбулентности, как рекомендуют китайские учёные **[11, с. 49]**, Китай должен и дальше усиливать свой имидж "ответственной великой державы", подчеркивать наличие у Китая возможностей, обязанностей и готовности вносить предложения по управлению Арктикой, и стремиться получить признание со стороны других стран своей арктической идентичности. Координируя и связывая позиции других "заин-

тересованных сторон в арктических делах", Китаю следует сформировать кооперативное сообщество интересов по арктическим вопросам, тем самым выстраивая "сообщество единой арктической судьбы" и создавая самый широкий "круг друзей".

Вместе с тем, в Китае осознают и то, что с эскалацией международной обстановки и усилением геополитического соперничества между великими державами, "исключением" России из Арктического совета увеличивается неопределённость построения арктической идентичности Китая. Тесное сотрудничество с Россией способно ограничить для Китая пространство для арктического сотрудничества с оставшейся семеркой арктических стран и даже может спровоцировать конфронтацию с ними **[13, с. 160]**. Китайские эксперты опасаются, что на смену открытой среде арктического сотрудничества может прийти модель двойного арктического управления и формирования двух лагерей, что соответственно создаст для Пекина проблему "выбора стороны" в арктических делах **[13, с. 158]**. Строительство арктической идентичности Китая омрачается геополитическими обстоятельствами. Как защитить интересы Китая и сохранить имидж "ответственной великой державы" в условиях глобальной турбулентности и, наконец, достичь конечной цели построения "сообщества единой судьбы человечества" в мире, стало практической проблемой, которую Китаю необходимо решить в своем будущем участии в арктических делах **[11, с. 49]**.

Китайские эксперты предлагают и практические рекомендации по тому, как строить арктическую идентичность в условиях глобальной турбулентности. Так, на практике построению арктической идентичности Китая будет способствовать деятельность и инициативы Китая по международному арктическому сотрудничеству в различных областях, таких как активное участие в разработке правил в области окружающей среды, изменения климата, международных морских дел и управления рыболовством в открытом море, связанных с вопросами управления Арктикой, работа с другими странами для содействия общему развитию экономики арктического региона при одновременной защите окружающей среды Арктики **[11, с. 45]**. Содействовать в конструировании арктической идентичности Китаю может и его активное участие в совместной работе с мировым сообществом в решении проблем изменения климата в Арктике, содействие устойчивому развитию циркумарктической экономической зоны и достижение улучшения индекса экономической и социальной взаимосвязанности арктического региона и уровня жизни коренных народов в регионе **[11, с. 45]**.

Подчёркивается важность развития Китаем научной дипломатии и совместных научных исследований. Область арктических научных исследований и освоения Арктики относится к низкополитической области арктического сотрудничества. Китайские эксперты призывают сосредоточиться на международном сотрудничестве в таких областях, как полярная коммуникационная инфраструктура, арктическая спутниковая навигация, кросс-арктические интернет-коммуникации, строительство специальных судов высокого ледового класса и динамический мониторинг арктического климата, продолжать увеличивать инвестиции в арктические научные исследования. По существу, это является продолжением первоначального направления построения арктической идентичности Китая **[11, с. 50]**.

Наконец, ввиду того, что работа Арктического совета в полной мере не была восстановлена после 2022 г., Китаю рекомендуется активно участвовать в других международных институтах, механизмах управления или профессиональных конференциях, которые проходят параллельно с Арктическим советом, таких как Международный арктический форум, организованный Россией, или Форум "Арктический круг", организованный Исландией **[11, с. 50]**.

***

Таким образом, можно констатировать, что в процессе почти двухдесятилетних теоретических изысканий обоснований претензий Китая на повышение его роли в системе управления Арктикой к настоящему моменту сложилась трёхуровневая система идентичности Китая в арктических вопросах. При этом, что примечательно, в отличие от широко растиражированного за пределами Китая (и в т.ч. в России) и ставшего уже "общим местом" тезиса

о том, что Китай называет себя "околоарктической страной", для Китая эта идентификация не является базовой, на основании которой конструируется сейчас его арктическая идентичность. Тремя столпами, стоящими в основе китайской арктической идентичности, с позиции китайских учёных, являются: самопозиционирование Китая как "заинтересованной стороны в Арктике" и "ответственной великой державы", а также концепция "сообщества единой судьбы человечества".

Проведённый в ходе подготовки данной статьи качественный дискурсивный анализ китайских научных текстов 2022–2025 гг. даёт основания для вывода о продолжающейся работе китайских учёных по обеспечению идейно-теоретической поддержки большему участию Китая в управлении Арктикой, а именно продвижению в мировой дискурс представлений об арктической идентичности Китая. На экспертном уровне в Китае сейчас активно говорят о "законных правах и интересах" Китая в Арктике, развивают концепции "сообщества единой арктической судьбы" и "Глобальной Арктики". Конечной целью таких идейных новаций является повышение роли Китая в управлении Арктикой вплоть до обретения им статуса и прав, равных арктическим странам.

Новая геополитическая ситуация в Арктике рассматривается китайскими учёными и как несущая определённые вызовы, так и открывающая новые возможности для обоснования "законных прав и интересов" Китая в Арктике и международной легитимизации его обширной арктической деятельности. Большие надежды китайская сторона в вопросе реконструкции механизма управления Арктикой и изменения философии управления Арктикой возлагает на Россию, на саботаж взаимодействия с которой пошла арктическая "семёрка" западных стран. Будут прикладываться усилия и в налаживании более тесного сотрудничества в этом направлении с проявляющими интерес к Арктике неарктическими странами, создании широкого "круга друзей" и выстраивании с ними "сообщества единой арктической судьбы".

Литература / References

1. Гудев П. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 6. № 5. С. 174–184.
   Gudev P. Arctic Ambitions of the Celestial Empire // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 6. No. 5. P. 174–184. (In Russ.).
2. Денисов И. Е. Концепция "дискурсивной силы" и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 42–52. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047
   Denisov I. E. The Concept of "Discursive Power" and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping // Comparative Politics Russia. 2020. No. 4. P. 42–52. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047. (In Russ.).
3. Лексютина Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // Ойкумена. Региональные исследования. 2019. № 4. С. 40–48. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/40-48
   Leksyutina Ya. V. China and India in the Arctic: Interests, Strategies, and Cooperation with Russia // Ojkumena. Regional Researches. 2019. No. 4. P. 40–48. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/40-48 (In Russ.).
4. Лексютина Я. В. О двойной международной идентичности современного Китая // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 63–76. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76
   Leksyutina Ya. V. On the Dual International Identity of Contemporary China // Journal of International Analytics. 2024. No. 15 (1). P. 63–76. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76 (In Russ.).
5. Лэй Шуан. Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24. № 4. С. 99–110.
   Lei Shuang. China's Positioning in the Arctic: Evolution of Concepts and Promotion Mechanisms // Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 99–110. (In Russ.).
6. 王新和。国家利益视角下的中国北极身份 = Ван Синьхэ. Арктическая идентичность Китая с точки зрения национальных интересов // 太平洋学报 = Тихоокеанский вестник. 2013. № 5. С. 81–89.
   Wang Xinhe. China's Arctic Identity from the Perspective of National Interests // Pacific Journal. 2013. No. 5. P. 81–89. (In Chin.).
7. 古洪能，冉金澜。人类命运共同体语境下北极公域治理转型的中国方案 = Гу Хуннэн, Жань Цзиньлань. План Китая по трансформации управления общими ресурсами Арктики в контек-

сте сообщества единой судьбы человечества // 决策与信息 = Принятие решений и информация. 2024. No. 566 (2). С. 5–13.
Gu Hongneng, Ran Jinlan. China's Plan for Transforming the Governance of the Arctic Commons in the Context of a Community with a Shared Future for Mankind // Decision and Information. 2024. No. 566 (2). P. 5–13. (In Chin.).
8. 李振福，王群，齐芯莉。"全球北极"视角下的中俄北极合作新构想 = Ли Чжэньфу, Ван Цюнь, Ци Синьли. Новая концепция китайско-российского арктического сотрудничества с точки зрения "Глобальной Арктики" // 政治文明 = Политическая цивилизация. 2025. No. 617 (3). С. 9–15.
Li Zhenfu, Wang Qun, Qi Xinli. New Concept of Sino-Russian Arctic Cooperation from the Perspective of "Global Arctic" // Political Civilization. 2025. No. 617 (3). P. 9–15. (In Chin.).
9. 宋晗。"基于规则的国际秩序"：美国控制北极的政策与行动 = Сун Хань. "Международный порядок, основанный на правилах": политика и действия США по контролю над Арктикой // 战略决策研究 = Изучение принятия стратегических решений. 2025. № 2. С. 105–128.
Song Han. The Rules-based International Order in the Arctic: U.S. Policies and Actions to Control the Arctic // Strategic Decision Research. 2025. No. 2. P. 105–128. (In Chin.).
10. 孙凯。参与实践、话语互动与身份承认–理解中国参与北极事务的进程 = Сунь Кай. Участие в практике, дискурсивное взаимодействие и идентичности: понимание процесса участия Китая в арктических делах // 世界经济与政治 = Мировая экономика и политика. 2014. № 7. С. 42–62.
Sun Kai. Participation Practice, Discourse Interaction and Identity Recognition: Understanding the Process of China's Participation in Arctic Affairs // World Economy and Politics. 2014. No. 7. P. 42–62. (In Chin.).
11. 章成，左争艳。北极治理中的中国身份：建构要素、重构动因与提升路径 = Чжан Чэн, Цзо Чжэнъянь. Идентичность Китая в управлении Арктикой: элементы строительства, мотивы реконструкции и пути совершенствования //决策与信息 = Принятие решений и информация. 2024. No. 572（8). С. 43–52.
Zhang Cheng, Zuo Zhengyan. Chinese Role in Arctic Governance: Constructive Elements, Reconstructive Motivation and Improvement Path // Decision and Information. 2024. No. 572 (8). P. 43–52. (In Chin.).
12. 章成，杨嘉琪。中国与东北亚国家北极事务合作可行性探究 = Чжан Чэн, Ян Цзяци. Изучение возможностей сотрудничества между Китаем и странами Северо-Восточной Азии по вопросам Арктики // 决策与信息 = Принятие решений и информация. 2023. No. 7. С. 29–37.
Zhang Cheng, Yang Jiaqi. Study on the Feasibility of Cooperation in the Arctic between China and Other No.rtheast Asian Countries // Decision and Information. 2023. No. 7. P. 29–37. (In Chin.).
13. 赵宁宁，张杨晗。当前中国北极权益面临的风险及其化解路径–以北极地缘政治博弈为分析视角 = Чжао Ниннин, Чжан Янхань. Текущие риски, с которыми сталкиваются права и интересы Китая в Арктике, и пути их решения с точки зрения геополитической игры в Арктике // 社会主义研究 = Изучение социализма. 2024. No. 3. С. 153–161.
Zhao Ningning, Zhang Yanghan. Risks Facing China's Current Arctic Rights and Interests and Their Solutions – From the Perspective of Arctic Geopolitical Game // Socialist Studies. 2024. No. 3. P. 153–161. (In Chin.).
14. 赵洋。身份叙事与中国参与北极事务身份建构 = Чжао Ян. Нарратив идентичности и построение идентичности Китая в арктических делах // 东北亚论坛 = Форум Северо-Восточной Азии. 2022. № 159 (1). С. 96–115.
Zhao Yang. Identity Narrative and the Construction of China's Identity in Arctic Affairs // No.rtheast Asia Forum. 2022. No. 159 (1). P. 96–115. (In Chin.).
15. 外交部副部长张明在"第三届北极圈论坛大会"中国国别专题会议上的主旨发言 = Вступительная речь заместителя министра иностранных дел Чжан Мина на посвященном Китаю заседании 3-го Форума "Арктический круг". 17.10.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201510/t20151017_7945486.shtml (accessed 02.07.2025).
Keynote Speech by Vice Foreign Minister Zhang Ming at the China Country Special Session of the "Third Arctic Circle Forum Conference". 17.10.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201510/t20151017_7945486.shtml (accessed 02.07.2025). (In Chin.).

◆

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета; Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University; Petersburg State University, RANEPA, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Поступила в редакцию 04.07.2025 Одобрена после рецензирования 07.08.2025 Принята к публикации 25.08.2025
Received 04.07.2025 Approved 07.08.2025 Accepted 25.08.2025

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять** ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: **[2; 5; 7]**.
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5)**; **(Рукопись Иванова А. К. Из архива автора)**.
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи или сноской). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: **https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009.**
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2025. Т. 19, № 3 (72)

Подписано к печати 02. 09. 2025 г. Вышло в свет 22. 09. 2025 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 79089

